
Светлана Плетнева

П ОЛОВЦЫ

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 397.4
ББК 63.3(2)43
П38

Sean B. Kelly
Vitautas Kali

Иллюстрации И. Тибиловой

Предисловие

Половцы — так называли их русские современники в XI—XIII вв. Византийцы, а за ними и вся Западная Европа именовали этот народ команамы. Об этом хорошо знали русские летописцы, которые иногда считали нужным разъяснить в своих записках: «...половцы, рекше команы», т. е. половцы, именуемые еще и команамы. Восточные орды этого этноса, кочевавшие в заволжских и приуральских степях вплоть до Иртыша, назывались кипчаками. Под этим именем они вошли на страницы арабских и персидских рукописей. Китайцы же транскрибировали слово «кипчак» двумя иероглифами: «цинъ-ча». Следует помнить, что китайские летописцы знали цинъ-ча в III—II вв. до н. э., а византийцы и Русь столкнулись с ними спустя 1300 лет — в XI—XII вв. За это долгое время кипчаки пережили сменявшие друг друга периоды славы, военных успехов, экономических взлетов и периоды глубоких падений, когда летописцы

и путешественники всех стран и народов переставали упоминать о них.

Тем не менее мы можем уверенно говорить о том, что общей тенденцией кипчакского общества вплоть до монгольского нашествия в начале XIII в. была тенденция развития: из небольшого племени, мимоходом упомянутого в китайской хронике, они к началу второго тысячелетия превратились в сильное, дееспособное и многочисленное этнообразование, с политическим влиянием и военным потенциалом которого приходилось считаться не только дряхлеющей Византии, но и могущественной Руси.

Сложная, многоплановая история кипчаков-половцев, естественно, часто привлекала внимание ученых.

Первые работы о них появились в печати в 50-х годах XIX в. Как правило, русских ученых интересовал тот период в жизни половцев, когда они тесно соприкасались с Русью и другими западными государствами.

Результаты работ второй половины XIX в. по половецкой тематике были подытожены в книге П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», напечатанной в Киеве в 1883 г. При характеристике всех трех этносов Голубовский постоянно привлекал как русские летописи, так и другие источники, которые касались и освещали их жизнь до проникновения в южнорусские степи.

Через двадцать лет после выхода в свет книги Голубовского немецкий тюрколог И. Маркварт написал обширную, насыщенную разнообразными сведениями монографию о половцах (*Über das Volkstum der Komanen*). К сожалению, труд этот, по справедливому замечанию крупнейшего русского востоковеда Б. А. Тураева, является «соединением огромной эрудиции с запутанностью изложения». Маркварт мало интересовался русской историей и связями половцев с Русью, преимущественное внимание он уделил происхождению этого народа, т. е. изучению истории команов-кипчаков в азиатский период их существования. Несмотря на действительно невероятную запутанность изложения и отсутствие какой-либо системы доказательств, некоторые положения Маркварта по ранней истории кипчаков и в настоящее время не потеряли научного значения.

В начале 30-х годов XX века занялся половецкой историей русский историк-эмигрант Д. А. Расовский. Кроме большой монографии о половцах, напечатанной на русском языке в Праге в нескольких выпусках «*Seminarium Kondakovianum*», Расовский написал ряд блестящих статей, посвященных истории кочевников восточноевропейских степей, синхронных и соприкасавшихся с половцами (печенегов, торков, союзу черных клобуков и др.). Приходится сожалеть, что все его работы остались малоизвестными нашему читателю. Очевидно, именно этим можно объяснить тот горячий интерес, которым встретили специалисты сборник статей В. К. Кудряшова, посвященный отдельным вопросам исторической географии южнорусских степей в эпоху средневековья и названный автором «Половецкая степь» (1948). Нужно признать, что по сравнению с обстоятельными работами Расовского и даже Голубовского статьи этого сборника дали мало нового — это были отдельные уточнения о направлении нескольких походов русских в степь и некоторые новые соображения гипотетического характера относительно расположения половецких орд в южнорусских степях.

После опубликования этой работы стало ясно, что по-настоящему новые данные, новые факты можно получить, только подняв и разработав еще один источник, до тех пор вообще не использовавшийся учеными. Этим источником были археологические материалы.

Накопление их началось с конца XIX в. Массовые раскопки кочевнических курганов, предпринятые генерал-лейтенантом Н. Е. Бранденбургом на Черкасщине (в Порожье) и одним из самых деятельных русских археологов В. А. Городцовым на берегах Северского Донца и Дона, заложили основу коллекции кочевнических (в том числе и половецких) древностей Восточной Европы. Тогда же появились работы, в которых авторы раскопок пытались отождествить открытые древности с конкретными средневековыми этносами. Так, Бранденбург считал поросские курганы печенежскими, допуская, впрочем, что погребения конца XI в. могли принадлежать половцам. Одновременно со статьей Бранденбурга вышла статья А. А. Спицына, посвященная этой же группе памятников. Он полагал, что раскопанные

Бранденбургом погребения следует связывать с печенегами, торками и берендеями, локализуемыми русской летописью именно в районе Поросья. Свойственная Спицыну замечательная археологическая интуиция и глубокое знание материала позволили ему верно датировать эти захоронения XI — началом XIII в. После него уже никто не сомневался в принадлежности поросских погребений разнородному кочевому населению, объединенному в союз черных клобуков. Не остался в стороне от этнической интерпретации материала и Городцов, разделивший на этнические группы курганы, раскопанные им в бассейне Северского Донца. Он первый четко выделил особенности собственно половецкого погребального обряда: сложенные с применением камня курганные насыпи, могилы с накатом над ними, восточная ориентировка погребенных.

Исследования этих крупнейших русских археологов в той или иной мере были использованы в 50–60-х годах XX в. С. А. Плетневой и Г. А. Федоровым-Давыдовым. Наиболее полной сводкой всех кочевнических древностей является монография Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», в которой он делит их на четыре хронологические группы: 1-я относится к IX–XI вв. и связывается с печенегами и торками; 2-я — к концу XI–XII вв., первому периоду половецкого господства в степях; 3-я — к предмонгольскому периоду половецкого господства; 4-я — к XIII–XIV вв. — золотоордынскому периоду. В каждой группе много типов погребений, и это дает основания Федорову-Давыдову считать, что нельзя говорить об этническом определении каждого типа: слишком сильное смешение их в любом хронологическом периоде. Однако при общей правильности этого деления материала следует учитывать, что для каждого периода характерно преобладание одного обряда или же появление в погребальном обряде новых черт, которые прослеживаются на других территориях в более ранних, а иногда и в синхронных могильниках. Связь обряда с определенным этносом, несомненно, существовала. В настоящее время она только намечается, а в будущем при дальнейшем накоплении материала и соответствующей его обработке эти связи выявятся более отчетливо.

Значительно большего единства и четкости достигли археологи в этнической, именно половецкой, интерпретации каменных изваяний («каменных баб»), в наши дни являющихся принадлежностью музейных коллекций южных степных городов Украины и России. В древности десятки тысяч изваяний стояли группами или в одиночку на всех возвышающихся, издалека заметных точках степи. Освоение земель русскими землепашцами в XVII–XVIII вв., сопровождавшееся распашкой целины и широким строительством, привело к массовому уничтожению этих произведений искусства. К XX в. их почти не осталось в Днепро-Донском междуречье — на основной территории их распространения. Возникла настоятельная необходимость как-то ограничить или даже прекратить этот стремительный процесс уничтожения статуй. Борьбу за их сохранение возглавила археолог и меценатка графиня П. С. Уварова. Эта важная светская дама обратилась с личной просьбой к губернаторам южных губерний организовать перепись статуй. В этой работе по приказу губернаторов участвовали даже урядники. Однако в основном ею занимались учителя, поэтому в целом перепись велась довольно грамотно.

Этот прекрасный источник для изучения статуй и их распространения в степях хранится в настоящее время в Государственном историческом музее. Тогда же, в конце XIX — первых десятилетиях XX в., начали создаваться обширные музейные собрания степных статуй. Долгое время — на протяжении всего XIX в. — каменные статуи приписывались самым различным народам, обитавшим в степях: скифам, гуннам, готам, болгарам, финнам, славянам, уграм, татарам, ногайцам и даже русским переселенцам. Первым исследователем, решительно заявившим, что они оставлены половцами, и попытавшимся доказать свою гипотезу, был Н. И. Веселовский. После опубликования его работы в 1915 г. к вопросу о каменных статуях, большинством ученых безоговорочно признанных половецкими, не возвращались вплоть до конца 50-х годов, когда к ним обратилась сначала я (в 1958 г.), а затем Федоров-Давыдов в указанной выше монографии. В обеих работах статуи использованы в качестве дополнительного источника по изучению кочевников.

В 1974 г. вышла из печати моя книга «Половецкие каменные изваяния», в которой изданы и по возможности исследованы все наиболее крупные музейные коллекции статуй (1322 экз.). Помимо публикации статуй (каталога), в работе делается попытка сделать их историческим источником, на основании которого можно строить исторические выводы. Все они будут широко использованы и в данной книге.

Большое внимание уделяется половцам в трудах историков, посвященных истории домонгольской Руси. Особенно много места занимают разделы о них в книгах Б. А. Рыбакова. Весьма существенную роль в исследовании половецкой истории и культуры сыграли многочисленные монографии и статьи, основной целью которых было исследование «Слова о полку Игореве». В них с особенной обстоятельностью рассматриваются вопросы взаимоотношений половцев и Руси: языковые, культурные, политические и пр.

В начале 70-х годов XX в. не без влияния «вспыхнувшего» и развившегося в предыдущее десятилетие интереса к половцам и остальным так называемым поздним кочевникам в Румынии вышли две прекрасные книги Петре Диакону о печенегам и половцах в бассейне Дуная. В них автор привлекает к решению ряда проблем немногочисленные в том регионе археологические материалы, используя при этом данные работ Федорова-Давыдова и моих.

Следует также отметить, что в те же 70-е годы и в начале 80-х активизировались исследования не только половецких, но и кипчакских древностей и памятников Прииртышья и Волго-Уральского междуречья. В 1972 г. вышла чрезвычайно полезная и информативная книга Б. Е. Кумекова «Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам», в которой автор подводит итоги более чем вековому изучению этого народа, а также по-новому рассматривает многие источники и дает в целом достаточно выразительную и полную картину жизни кимаков и кипчаков до и частично после их расселения на запад — в южнорусские степи.

Итак, даже самый беглый обзор литературы о половцах, упоминающий только наиболее крупные монографиче-

ские работы, свидетельствует о том, что эта тема не забыта ни западными, ни советскими, ни российскими учеными.

Данная книга является первой попыткой популярного изложения, а в отдельных случаях и первого обобщения накопленных за последние сто лет наблюдений, материалов и выводов по различным вопросам половецкой истории, географии, экономики и культуры. В книгу введены и некоторые новые материалы и факты, в ней высказываются по ряду вопросов новые мысли и гипотезы. Они, вероятно, будут интересны не только широкому читателю, которому и предназначена эта книга, но и специалистам-историкам.

Глава 1 Восточноевропейские степи на рубеже двух тысячелетий

В конце IX в. Хазарский каганат, раздираемый внутренними противоречиями и религиозной смутой, потерял свое еще совсем недавнее могущество, свою завоеванную реками крови славу непобедимой державы. Зашевелились притихшие было соседние народы, одно за другим стали выходить из хазарской конфедерации безропотно платившие ранее дань кагану племена и племенные союзы.

По-видимому, именно к этому времени следует относить формирование в восточноевропейских степях нового кочевнического союза — печенегов (в латиноязычной и византийской литературе они именовались пачинаками или пачинакитами, в арабской — баджнук). Возглавлен он был выходцами из давно распавшегося политического объединения Кангюй. Новое объединение получило новое имя. Происхождение имен народов — вопрос сложный и подчиненный своим закономерностям. Его вряд ли можно решить на одном примере. О происхождении слова «печенеги» («беченеги») существует несколько мнений. Одно из них представляется весьма вероятным: оно произведено от тюркского имени Бече — так звали, видимо, первого вождя печенежского племенного союза. Известно в степях несколько примеров

именно такого происхождения этнического наименования — по имени первого главы правящего в союзе рода. Как и все кочевнические объединения, печенеги были разноликим и разноразличным союзом: в него, помимо тюркоязычных орд, могли входить и какие-то угорские группировки.

В первые десятилетия своего существования орды печенежского союза кочевали в заволжских степях. Там началось формирование как политического объединения, так и печенежского этноса с общей для него материальной культурой.

Зажатые в заволжских степях между значительно более сильными соседями — узами, кипчаками, мадьярами и Хазарским каганатом, почувствовав ослабление последнего, они ринулись к западным рубежам своих кочевий. Хазары попытались остановить движение печенежских орд. Каган заключил союз с узами, надеясь силами союзников разгромить неожиданных захватчиков. Однако результат этого соглашения оказался совершенно противоположным. Узы, по словам византийского историка императора Константина Багрянородного, «пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны...». «Пачинакиты же, — пишет он, — обратись в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения» (Константин Багрянородный, с. 155). Путь печенегов по захваченным землям в конце IX — первом десятилетии X в. был отмечен пожарами, гибелью подавляющего большинства степных и лесостепных поселений, замков и даже городов (на Таманском полуострове).

Этот сравнительно короткий период продвижения печенегов на запад нашел, как нам представляется, отражение в персидском географическом труде «Границы мира», составленном неизвестным автором, видимо, в начале X в. Там говорится о двух ветвях печенегов: тюркской и хазарской. Географическое положение тюркских печенегов описывается следующим образом: «Восток их страны граничит с гузами, на юг от них буртасы и барадасы, на запад от них мадьяры и рус, на север от них река Рута». Описание это, как и все арабские и персидские штудии о Восточной Европе, неясно. Тем не менее местонахождение кочевий тюркских печенегов можно с большей или меньшей долей вероятности оп-

ределить в пределах Днепро-Донского междуречья. Название «тюркские» эти печенеги получили от наиболее страшного и опасного для них в те десятилетия соседа — гузов-тюрков (интересно, что русские позднее также стали называть гузов тюрками — торками). На запад от них лежали владения мадьяр-венгров и Руси. Последняя находилась севернее основного направления печенежского удара, направленного на захват степных пастбищ. Поэтому с нею печенеги столкнулись позднее. Вначале же они ударили по венграм, жившим тогда в Днестро-Днепровском степном междуречье, называемом Ателькуза. Для этого они прежде всего заключили военный союз с болгарским царем Симеоном, который, естественно, желал уничтожить такого опасного соседа, каким были венгры. Воспользовавшись тем, что основные силы венгров отправлялись в поход, печенеги ворвались в их страну и совершенно истребили, как пишет Константин Багрянородный, их семьи и прогнали воинов, оставленных для охраны кочевий. Вернувшиеся из похода венгры нашли свою землю «пустынной и разоренной», занятой к тому же свирепыми врагами. Убедившись, что им уже не удержаться здесь, венгры повернули на запад. Однако первым их побуждением был, видимо, захват наиболее близких от Ателькузы территорий, а именно лесостепных земель на русском пограничье. Случилось это в 898 г., о чем сохранилась краткая запись в русской летописи: «Идоша Угре мимо Киев горою... и пришедшие к Днепру, сташа вежами» (ПСРЛ, II, с. 17–18). Очевидно, они попытались задержаться здесь, но были встречены крайне неприветливо русскими пограничными полками и потому, не останавливаясь более и не вступая в битвы, двинулись через Карпаты в Подунавье. Там, по свидетельству летописца, они «почаша воевати» и, добившись победы, поселились на богатых землях Паннонии.

Что же касается печенегов, то победа сделала их фактически единственными хозяевами приднепровских, донецких и донских степей вплоть до Волги.

Вторая ветвь печенегов, названная персидским Анонимом хазарской, кочевала на землях, восточнее которых проходили «Хазарские горы, на юг от них — аланы, на запад — море Gurz, на север от них — мирваты» (Hudud-al-Alam, с. 160).

Мы видим, что данные об этой ветви еще более неопределенные, чем о первой. Единственным ясным ориентиром являются аланы, обитавшие, как известно, в предгорьях Кавказа. Море, упомянутое в приведенном отрывке, видимо, Азовское (и часть Черного), а горы — холмы, тянувшиеся вдоль Кума-Манычской впадины. Кого называл Аноним мирватами, остается невыясненным. Тем не менее примерное местоположение земли хазарских печенегов все-таки можно установить — это степное междуречье нижнего Дона и Кубани. Археологические исследования ряда приморских поселений свидетельствуют о том, что многие из них, в частности такой большой город, как Фанагория, погибли в конце IX — начале X в.

Источники говорят нам еще об одной группе печенегов, обитавших в Заволжье. Проезжая через заволжские степи в начале X в., Ахмед Ибн Фадлан встретил там печенегов, кочующих у воды, «похожей на море». Видимо, он имел в виду соленое озеро Челкар, расположенное в самом центре заволжских земель. Рассказывая о них, Ибн Фадлан пишет: «Они — темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гузам...» (Ибн Фадлан, с. 129). Очевидно, это те печенеги, которые не последовали на запад вместе с основным ядром печенежского племенного союза, а остались на прежних кочевьях, подчинившись гузам. Об этих печенегах довольно подробно писал и Константин Багрянородный: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезают до самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» (Константин Багрянородный, с. 157). Это была самая малоактивная и бедная часть печенегов. Оставшись на прежних кочевьях, они, естественно, подчинились гузам, вошли в их союз и более уже самостоятельного значения не имели и в других источниках не упоминались.

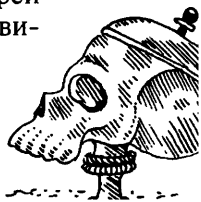

К середине X в. печенеги заняли в степях от Волги до Дуная громадные территории. О политической географии Печенежской земли, о размещении на ней отдельных печенежских орд, или фем, обстоятельно повествует все тот же Константин Багрянородный. Дело в том, что печенеги в то время играли в истории восточно- и центральноевропейских народов и стран и в истории самой Византии весьма заметную роль. Этим они постоянно привлекали к себе внимание византийских политиков, строивших в расчете на них свои планы борьбы против окружавших их государств болгар, венгров, хазар, русов. Характерно, что свое сочинение — поучение сыну, названное «Об управлении империей», Константин начинает с глав, характеризующих отношения всех этих народов с печенегами, значительную зависимость их от печенегов, грабящих их мирные поселения, мешающих торговле, вымогающих у них выкупы и откупы. Особенно страдали от печенегов венгры и болгары, которые «многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно всегда находиться в мире с пачинаками» (Константин Багрянородный, с. 41).

После общей характеристики «международной обстановки», осложненной печенегами, Константин переходит к описанию самой «Пачинакии», благодаря которому мы сейчас довольно отчетливо представляем картину расселения печенегов времени их наибольшего могущества. Он писал, что страна печенегов делится на восемь фем. Фемы Цур (или Куарцицур), Кулпеи (Сирукалпеи), Талмат (Вороталмат), Цопон (Вулацопон) расположены к востоку от Днепра вплоть до Волги (Константин Багрянородный, с. 157). Еврейский автор Иосиф бен-Горион, также писавший свое сочинение в X в., сообщает, что на Волге кочевало племя тилмац. По-видимому, мы вполне можем сопоставить это наименование с фемой Талмат, названной Константином (Плетнева, 1958, с. 164). Уточняя далее местоположение восточной группы печенегов, Константин писал, что соседями их были Узия и Хазария, расстояние от которых равнялось пяти дням пути (около 200 км), Алания, земли которой лежали на шесть дней пути от кочевий печенегов, и Мордия (мордва), находившаяся от них на расстоянии 10 дней пути.

Остальные четыре фемы: Хопон (Гиасихопон) «соседит» с Булгарией, располагаясь всего в полдня пути от ее границ (15–20 км); Гила находится от Венгрии на расстоянии четырех дней пути: Харавои кочуют в одном дне пути от южной границы Руси, а Иртим (Иавдиертим) «соседит» «с подплатежными стране Руси местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами». В настоящее время мы хорошо знаем, где жило одно из названных Константином славянских племен — дервленины-древляне: в междуречье Днепра и Буга, на южном берегу Припяти и ее притоков вплоть до границы со степью. Очевидно, южнее этой границы в степях кочевала орда Иртим. Константин неоднократно подчеркивал также, что печенеги очень близки к Херсону, «а к Боспору еще ближе», что, вероятно, означает, что их кочевья находились где-то на восточном берегу Азовского моря и на Таманском полуострове.

Сделанное Константином Багрянородным описание является наиболее полным и подробным рассказом о местопребывании печенегов в восточноевропейских степях в середине X в. Интересно, что хазарский каган Иосиф, писавший свое письмо Хасдаю ибн Шафруте, в то же время постарался вообще сказать о печенегах бегло, не упоминая того, что они фактически захватили всю территорию каганата и расселились на ней, плотно окружив враждебным полукольцом домен самого кагана. Иосиф отвел им только бывшую Ателькузу, поместив их кочевья между Днепром и Дунаем. При этом каган еще и приврал, сообщив, что все печенеги платят ему дань. Впрочем, хвастливый рефрен о дани, которую якобы платили ему все соседние народы, звучит у него после каждого упоминания об этих народах и странах. Это и естественно, поскольку еще дед Иосифа правил действительно могущественной державой, которой подчинялись многие народы. Примириться с потерей этого могущества Иосифу было трудно, тем более признать его в письме-информации о своем государстве. Однако и умолчать о печенегах, нанесших Хазарии первый сокрушительный удар, он не мог, тем более что слух об их нашествии достиг уже Испании, в которой жил Хасдай ибн Шафрута — испанский еврей и сановник арабского (кордовского) халифа. Об этом сви-

детельствует хотя бы упоминание в «Песне о Роланде» «орд диких печенегов» (Песнь о Роланде, с. 97). Ясно, что о них знали и в Испании, и во Франции, и в германских княжествах. Тем не менее Иосиф по возможности снизил трагическую роль этого народа в истории своей страны.

А между тем печенеги фактически уничтожили каганат (Плетнева, 1986, с. 62–74). Они разрушили его экономику: большинство богатых земледельческих поселков степной и лесостепной зон Подонья было сметено с лица земли. Население было частично уничтожено, частично вошло в кочевые подразделения печенегов. Только небольшое число их бежало на Дунай (в Дунайскую Болгарию), на Среднюю Волгу и в глухие уголки верховий Оскола и Дона, надежно защищенные от кочевых набегов лесными массивами. Какая-то часть болгаро-аланского населения Подонья отошла и в южные районы каганата — в домен самого кагана. Заметно вырос пограничный донской городок Саркел, что прекрасно прослеживается археологически: культурные слои начала X в. на городище отличались особенным богатством и разнообразием находок. Именно тогда появились в городе первые славянские переселенцы — жители пограничных с каганатом славянских земель, бежавшие вместе с населением каганата от печенежского нашествия. Страшный урон претерпела торговля каганата, были нарушены его дипломатические связи. Печенеги, захватившие степи между Кубанью и Доном, отрезали Хазарию от Византийской империи. Кроме того, печенеги разрушили некоторые города на побережье и поселения в Восточном Крыму. Таким образом, все жизненно важные артерии каганата, связывавшие его с союзниками, торговыми партнерами и данниками, были перерезаны. Государство неизбежно шло к гибели, к середине X в. оно сократилось практически до размеров личного домена кагана, расположенного примерно на территории современной Калмыкии.

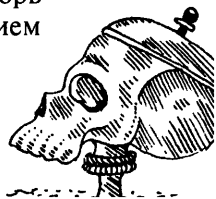
Печенегам хазары уже не казались сколько-нибудь опасными врагами. Очевидно, каганат даже и не пытался изгнать их со своих бывших земель. Да в этом уже не было необходимости, так как земли все равно остались бы пустыми — заселить их было некому.

Итак, ни гузы, ни каганат не тревожили печенегов. Византия была далекой и еще недоступной страной — дойти до нее было невозможно, поскольку печенеги должны были для этого пересечь Дунайскую Болгарию, оставив в тылу не только самих болгар, но и могучего, с каждым годом набирающего силу противника — Русь. Это была единственная реальная сила, способная противостоять кочевническим ордам.

Впервые русичи столкнулись с печенегами в 915 г., когда «приидоша печенези первое на Рускую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю» (ПСРЛ, II, с. 32). Очевидно, расселяясь по степи, захватывая все новые и новые степные просторы, печенеги попытались «освоить» и лесостепные области, принадлежавшие Руси. Натолкнувшись на сопротивление русских дружин, печенеги для обеспечения себе спокойного тыла заключили мир с Русью и откочевали к границам более слабых противников: Болгарии и Венгрии.

Тем не менее с Русью печенеги продолжали поддерживать самые разнообразные и оживленные отношения. Византия, обеспокоенная этим, а также возвышением Руси, постоянно стравливала печенегов с Русью, поскольку росы, по словам Константина Багрянородного, не могли ни воевать, ни торговать, если находились не в мире с печенегами, поэтому они постоянно были «озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами». Помимо мирного договора 915 г., русский летописец отмечает еще один, на этот раз уже военный, союз, заключенный князем Игорем с печенегами в 944 г. для совместного похода на Византию: «...совокупив воя многи варяги, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и печенеги ная... поиде на греки в лодьях и на конех». Император Роман, услышав об этом, отправил им навстречу «лучших бояр», откупился от Игоря и от печенегов, послав им «паволоки и золото».

В результате Игорь счел возможным прекратить поход, однако это не избавило его от необходимости расплатиться с печенегами, пошедшими в этот поход ради возможности пограбить захваченные земли. Взамен византийских владений Игорь вынужден был разрешить печенегам «воевати Болгарскую землю» (ПСРЛ, II, с. 34—35). Игорь пытался нейтрализовать печенегов не только заключением

миров, но и силой оружия. В 920 г. он ходил на них походом, что под этим годом зафиксировано в летописи: «воеваша на печенеги». О том, кто победил в этом походе и куда был направлен удар русских полков, неизвестно. Других сообщений о походах русичей на степняков не сохранилось. Да и вряд ли организация их была тогда возможна. Печенеги на огромных пространствах южнорусских степей практически были неуловимы, поскольку кочевали по ним круглый год, проводя все время в повозках и на конях.

Печенеги находились на той так называемой таборной стадии кочевания, которая характеризуется достаточно развитыми общественными отношениями — военной демократией (Плетнева, 1982, с. 13–18). Во главе восьми фем, которые, очевидно, можно считать объединениями типа орд, стояли ханы — архонты, как называет их Константин Багрянородный, или, согласно русской летописи, князья. Орды делились на 40 частей, т. е. в каждую орду входило пять родов. Эта структура печенежского общества была прослежена этнографами и у некоторых ныне существующих народов, в частности у каракалпаков. Роды возглавлялись архонтами более низкого разряда — меньшими князьями. Роль племенных и родовых князей сводилась в условиях военной демократии к роли военачальников. Константин Багрянородный записал имена первых ханов, под главенством которых печенеги захватили восточноевропейские степи: Ваицу (орда Иртим), Куркутэ (Гилы), Кайдум (Харавои), Гиаци (Хопон), Куел (Цур), Ипаоса (Кулпей), Батан (Цопон), Коста (Талмат).

Каждая орда действовала, вероятно, в значительной степени самостоятельно. Во время грабительских и завоевательных походов и войн некоторые из них особенно разбогатели и выделились. Об этом опять-таки рассказывает византийский император: «Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарцикур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие: ибо это и означает прозвище “кангар”» (Константин Багрянородный, с. 159). Следует сказать, что фемы кангар, по-видимому, вели свое происхождение от «Кангюй» и с самого начала, с образования печенежского объединения, стояли во главе союза. Оче-

видно, главы трех «избранных» орд — ханы Куркутэ, Ваицу и Куел — были самыми прославленными и могущественными в печенежской земле*. Тем не менее даже они не могли передать по наследству свою власть сыновьям. Власть наследовалась двоюродными братьями или детьми двоюродных братьев, «чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом» — так завершает свои познания об общественном строе печенегов император Константин (Константин Багрянородный, с. 155). Описанный им несколько необычный порядок наследования предполагает, как представляется, матрилинейность родства или, во всяком случае, пережиточность этого матриархального закона. Следует отметить, что пережитки матриархата были, видимо, вообще характерны для кочевников; некоторые его черты, как мы увидим ниже, хорошо прослеживаются и в половецком обществе.

Князья (ханы) — военачальники — обладали, очевидно, исполнительной властью. В экстраординарных случаях печенеги, как известно из более поздних (XI в.) источников, собирали «сходку», являвшуюся, по существу, народным собранием — органом военной демократии. О ней упоминают в своих сочинениях епископ Бруно и византийская царица Анна Комнина (Плетнева, 1958, с. 193). Постоянные войны, участие в грабительских походах — наиболее типичные черты этого общественного строя. Именно поэтому печенеги так легко можно было поднять в любой поход против любой страны, грабеж которой принес бы им выгоду. Мы уже знаем, что чаще всего ими пользовались византийцы. Однако и сами они постоянно опасались за свои крымские владения, в частности за Херсон, к стенам которого печенеги часто подкочевывали, видимо, вплотную.

В 965 г. при князе Святославе печенеги участвовали в русском походе на Хазарию. Прямых сведений об этом нет,

* Мне кажутся весьма значительными и смысловые значения имен ханов. Соответственно: «волк», «бура» или «бурный ветер» (?), «сильный эль» — «сильный властитель».

но недаром византийский император подчеркивал невозможность для росов вести войны без предварительно заключенного с печенегами соглашения.

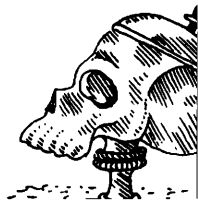
В этом походе Святослав неизбежно должен был пройти через печенежские степи, для того чтобы достигнуть хазарских городов: Саркела, который был первым взят и разгромлен его войском, и затем Итиля где-то на Нижней Волге (Артамонов, 1962, с. 426—427).

Мир Святослава со степняками был недолговечен. Три года спустя печенеги организовали большой поход на Русь. Святослав в то время вел завоевательную войну в Болгарии на Дунае, и вполне вероятно, что византийцы, напуганные близким соседством русской дружины, спровоцировали этот поход на страну, ослабленную отсутствием князя и лучшей части его дружины. Русский летописец так начинает рассказ об этом: «Придоша печенежи первое на Рускую землю... и затворися Ольга с внуки своими Ярополком, Олгом, Володимером в городе Киеве. И оступиша печенежи город в силе тяжьце, бесчисленное множество около города и не бе лзе вылести из града и вести (Святославу. — С. П.) послати...» (ПСРЛ, II, с. 53.). Город и княгиня с княжичами были спасены подошедшим к Киеву воеводой Претичем, уведомленным о бедственном положении города юношей-киевлянином, пробравшимся через печенежское окружение и переплывшим Днепр для того, чтобы попасть к черниговским воинам, стоявшим лагерем на левом берегу Днепра и не знавшим о бедственном положении стольного города.

Печенеги, увидев подошедшие русские дружины Претича, решили, что это уже подобрался к ним с тылу Святослав, слава о непобедимости которого была настолько сильна, что степняки, не приняв боя, отступили, а князь печенежский просил мира и дружбы у Претича и поменялся с ним оружием: «...и вдаст печенежский князь Претичу конь, саблю, стрелы. Он же даст ему брони, щит, меч...» (ПСРЛ, II, с. 55). Пока шел этот обмен любезностями, Святослав действительно вернулся вместе с дружиной на Русь, собрал воинов и прогнал печенегов «в поле», т. е. далеко в степи, и вновь подтвердил мир с ними. Но не надолго. В 969 г. умерла Ольга, и некому стало удерживать неумного князя дома.

Разделив Русь между своими уже повзрослевшими сыновьями, Святослав двинулся в 971 г. на завоевание Подунавья. Вначале все складывалось благоприятно для русского князя, потом начались неудачи, и тогда он вспомнил, что, уходя из Киева, не заключил нового мира с печенегами: «печенеги с нами ратни». Несмотря на это обстоятельство, Святослав должен был возвращаться через враждебные степи по Днепру домой — в Киев. Болгары и византийцы поспешили сообщить печенегам, что Святослав идет из Доростола с полонем «бещислен» и с «малой дружиной» (ПСРЛ, II, с. 61). Печенеги засели на днепровских порогах, поджидая Святослава. Последний, узнав об этом, решил перезимовать в Белобережье. Зимовка была голодной и холодной. Весной ослабевшие воины не смогли прорваться сквозь печенежское окружение, и, когда Святослав подошел к порогам, «нападе на ня Куря (хан орды Гилы. — С. Л.), князь печенежский и убиша Святослава». Куря приказал затем отрубить голову Святославу и из черепных костей сделать окованную золотом чашу. Делать чаши из черепов убитых врагов — обычай, широко распространенный в среде тюркоязычных народов (Иакинф Бичурин, II, с. 147). Кочевники верили, что таким образом переходят к ним сила и мужество поверженного врага. Интересно, что князь Куря и его жена пили из этой ритуальной чаши для того, чтобы у них родился сын, похожий на Святослава. Об этом могучем и отважном рыцаре слагались легенды не только на Руси, но и в степях. Вполне возможно, что характеристика Святослава, данная в летописи, включена летописцем из песни о Святославе, сложенной, по всей вероятности, в степях (Липец, 1977). В ней воспеваются прежде всего черты воина-кочевника — неприхотливого, выносливого и беспощадного к врагам:

Легко ходя, аки пардус,
Войны многи творяше.
Ходя, воз по собе не возяше,
Ни котла, ни мяс не варя,
Но потопку нарезав конину ли,
зверину ли или говядину,

На углех испек ядыше,
Ни шатра имяше,
Но подклад постлав и седло в головах,
Тако же и прочии вои его вси бяху.

(ПСРЛ, II, с. 52–53)

Мы привели эту характеристику русского князя потому, что она, как нам кажется, соответствует представлению кочевника об идеальном степном воине. Естественно, таким хотел видеть своего сына хан Куря.

После смерти Святослава наступательная деятельность печенегов усилилась. В ответ на это новый киевский князь Владимир Святославич занялся активным укреплением южных границ своего государства: «Нача ставити города по Десне и по Устры, до Трубешев, и по Суле и по Стугне» (ПСРЛ, II, с. 106). В построенные городки он селил воинов со всех концов Руси. Тогда же сооружена была часть знаменитых Змиевых валов, а имевшиеся ранее — обновлены и достроены. Об укреплениях-валах, расположенных южнее Стугны, упоминает в своем письме путешествующий по Восточной Европе в начале XI в. епископ Бруно: «Русский государь два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него для безопасности от неприятеля на очень большом пространстве со всех сторон обведены самыми завалами» (Бруно, с. 76).

Сообщение это интересно еще и потому, что, судя по нему, расстояние между Русью и печенежскими кочевьями увеличилось вдвое сравнительно с временем Константина Багрянородного, при котором оно равнялось одному дню пути.

Несмотря на успешную в целом политику Владимира относительно печенегов, несмотря на укрепление границ и постепенное расширение территории, печенеги тяжелой тучей нависали над Русью. В 993 г. они перешли Сулу и встали на левом берегу Трубежа. На другом берегу, напротив, выстроил свою дружину Владимир. Поскольку начать битву и та и другая сторона затруднялись, печенежский хан предложил Владимиру единоборство богатырей. В случае победы печенежина его единоплеменники по договору могли три года подряд беспрепятственно грабить Русь, победа русско-

го обуславливала три спокойных года — печенеги в течение этих лет обязывались не ходить на пограничные русские земли. Русский богатырь победил и спас Русь от разорения. Печенеги побежали, русские, преследуя их, многих посекли мечами и саблями. Владимир на месте победы поставил город и назвал его Переяславль.

Три года печенеги действительно не ходили на Русь, а в 996 г. вновь началась изнурительная борьба русских со степью. Летописец об этих последних годах первого тысячелетия написал: «Рать велика беспрестани». Судя по летописным сообщениям, печенеги подходили к какому-либо, видимо, заранее намеченному городку, брали его, грабили окрестности и отступали с полоном в степь. Никаких особых приспособлений для взятия стен у них не было, поэтому они, как правило, брали измором (как еще при Ольге и Святославе хотели захватить Киев). В летописи сохранился интересный рассказ-легенда об осаде печенегами Белогграда (ПСРЛ, II, с. 112—114). Когда начался «голод велик в граде», белоградцы придумали хитрость — из последних запасов, собранных со всего города, наварили бочку киселя и бочку сыты и вставили их в специально выкопанные колодцы, а затем пригласили 10 лучших мужей печенежских в город и угостили их едой из колодцев. Изумленные печенеги убедились, что горожане их не обманывают, утверждая, что имеют «кормлю в земле» и что осада им не страшна — стойте хоть десять лет и губите себя, говорили белоградцы. Печенежские ханы, испробовав киселя и сыты, приказали отойти от города — «восвояси идоша». Однако такие «хорошие концы» случались редко — обычно городки горели, люди угонялись в рабство, пашни вытаптывались. Поэтому князь Владимир всемерно стремился поддерживать мир. В первые годы XI в. уже упоминаемый нами епископ Бруно, проследовавший через Русь в землю печенегов, «от лица русско-го князя заключил с печенегами мир». Русский князь обещал при этом выполнить ряд требований степняков и «дал в заложники мира своего сына». В чем состояли требования — можно только догадываться. Видимо, печенеги, как обычно, требовали откупов, а вот заложником был, очевидно, нелюбимый сын Владимира — Святополк. Не слу-

чайно именно Святополк воспользовался помощью печенегов в борьбе за отцовский престол после смерти князя Владимира. Четыре года печенеги, участвуя в смуте, грабили и разоряли Русь. В 1019 г. Святополк последний раз пришел с печенегами «в силе тяжьце» (ПСРЛ, II, с. 131). Ярослав Мудрый, утвердившийся на киевском столе, собрал свои дружины и вышел навстречу: «К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа...» Поражение печенегов в этой битве было настолько серьезным, что в начале княжения Ярослава напор печенегов значительно ослабел. Русские не замедлили воспользоваться передышкой, и в 1032 г. «Ярослав поча ставити города по Рси». Таким образом, Русь заняла территорию, долгое время остававшуюся нейтральной зоной, отделявшей ее границы от кочевой степи.

Пытаясь сохранить славу непобедимых и страшных врагов, печенеги предприняли отчаянную попытку сокрушить или хотя бы временно ослабить Русь. Для этого и был ими организован поход на Киев в 1036 г. Ярослав, бывший тогда в Новгороде, поспешил вернуться в свой город с сильной варяго-словенской дружиной. Очевидно, понимая все значение предстоящей битвы, Ярослав тщательно подготовился к ней. Выйдя тремя полками из города, русские войска сшиблись с печенегами на том месте, где во время составления летописного свода стоял уже Софийский собор. «...Бе бо тогда поле вне града, — писал летописец. — И бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав. И побегоша печенезе роздно и не ведахуса камо бежаче и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках и тако погибоша, а прок их прибегоша и до сего дни» (ПСРЛ, II, с. 138–139). Блестящая и полная победа Ярослава фактически уничтожила печенежскую опасность.

Однако имя печенегов и в дальнейшем не исчезает со страниц различных (разноязыких) средневековых рукописей. Мы также не раз вернемся к ним в нашей книге.

В восточноевропейские степи в начале XI в. хлынули новые кочевые орды, именуемые в русских летописях торками, в византийских хрониках — узами, а в восточных сочинениях — гузами. Гузы изгнали печенегов с их прежних становищ и кочевий и побудили искать новые земли на западе.

Следует сказать, что гузы сразу же после завоевания ими заволжских степей стали проявлять активный интерес к своему основному западному соседу — Хазарскому каганату. Сохранились известия, что уже в середине X в. они грабили каганат, переходя через Волгу зимой по льду. В тяжелый для хазар год похода Святослава (965) гузы также не замедлили присоединиться к русскому успеху и пограбить обессиленное государство.

На границе домена Хазарского кагана в торговом городке-крепости Саркеле еще в конце IX в. поселились печенежские наемники, образовавшие кочевнический гарнизон крепости. В него постоянно вливались выходцы из гузских орд, просившие покровительства и защиты в Саркеле. Этот печенего-гузский гарнизон продолжал функционировать и после взятия Саркела Святославом и превращения его в русский степной форпост Белую Вежу (Артамонов, 1958). Так постепенно близ Саркела — Белой Вежи вырастало новое политическое образование: печенего-гузская орда. Рядом с городом возник кочевнический печенего-гузский могильник. Члены орды были связаны между собой не кровнородственными отношениями, а административной властью, которой сначала был хазарский правитель Саркела, а позднее — глава оставленных Святославом в крепости русских дружинников.

Этот пример хорошо иллюстрирует факт постепенного проникновения гузов в южнорусские степи. Очевидно, отдельные их соединения и кочевья могли довольно свободно передвигаться по печенежским владениям. В 985 г. они заключили союз с сыном Святослава — Владимиром и ходили с ним и его дядей Добрыней в поход на болгар. О том, какие это были болгары, существует несколько суждений. Одни считают, что Владимир традиционно ходил на дунайских болгар (как его отец и дед), другие полагают, что этими болгарями были так называемые внутренние, или «черные», болгары, жившие, по мнению большинства исследователей, в крымских степях, третьи отождествляют этих болгар с волжскими. Мне представляется наиболее вероятной последняя гипотеза. В то время Волжская Болгария стала достаточно сильной и богатой державой. Находясь в тылу у Руси и к тому же перекрывая волжский торговый путь, соединяю-

ший страны севера и востока, она начала серьезно мешать молодому, набиравшему силу Русскому государству. Умный и деятельный князь Владимир в начале своего княжения должен был подумать о противнике, действительно доставлявшем ему беспокойство (Артамонов, 1962, с. 435). Сохранились сведения, что он в 90-х годах дважды ходил на Волжскую Болгарию. Что же касается этого похода, то есть данные говорить о том, что после Болгарии Владимир двинулся на хазар «и на Козары шед, победи а и дань на них положи» (ПВЛ, I, с. 59). Предположить, что в один год русичи могли совершить два таких сложных похода (тысячекилометровые переходы), невозможно. Все это позволяет со значительной долей вероятности считать, что Владимир с Добрыней в 985 г. направили удар именно на Волжскую Болгарию. Косвенным подтверждением этому служит и то обстоятельство, что в походе принимали участие гузы (торки). О существовании каких-либо заметных их соединений среди западных печенегов в X в. мы ничего не знаем. Вряд ли кочующие у Волги гузы могли участвовать в походе на Дунай. На Волжскую Болгарию «торьки берегомъ приведе на конихъ» (ПСРЛ, II, с. 71), т. е., видимо, они поднялись по берегу Волги вверх (примерно на 300 км севернее своих кочевий), а Владимир двигался на Волгу по Оке на ладьях.

Как бы там ни было, ясно, что для воссоединения с русской дружиной торки должны были пересечь земли одного из печенежских владений, видимо, Талмат.

Болгары были разбиты совместными усилиями русских и торческих полков. Далее они вместе добивали хазар и, по-видимому, хорошо обогатились в этом походе.

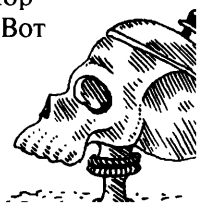
После этого успешно проведенного совместного мероприятия торки, очевидно, продолжали сношения с Русью. В русские города приходили служить выходцы из торческих кочевий так же, как приходили они ранее в Саркел и другие хазарские города.

Служили они, как правило, за хорошую мзду: их привлекали хозяева, которые больше платили или в данный момент находились на выгодных политических позициях. В обратной ситуации, как и любые наемники, они переходили на сторону сильнейшего. Так, известен факт, что торчин

был поваром у юного муромского князя Глеба Владимировича, но переметнулся к захватившему киевский стол Святополку и по приказанию последнего зарезал своего бывшего хозяина. Сообщение в летописи об этом событии интересно еще и потому, что торчин поступил в свиту к князю одного из крайних восточных русских княжеств. Это может быть дополнительным свидетельством того, что даже в начале XI в. (убийство произошло, как известно, в 1015 г.) торкигузы кочевали еще, видимо, в восточных регионах восточноевропейской степи.

Примерно в это время в гузских ордах, кочевавших в приаральских степях, началось так называемое движение Сельджукидов. Гузы, пройдя через пустыни и оазисы Средней Азии, захватили Переднюю Азию и образовали турецкую империю Сельджуков (Гордлевский, 1960). Гузы северного потока намеревались пройти через южнорусские степи и в Византии соединиться с основными силами Сельджуков, напиравших на Византийскую империю с юга. Печенеги неизбежно попадали в это мощное движение — одни примкнули к нему, другие были уничтожены. С русскими дружинами торки старались не сталкиваться: во-первых, потому, что русские земли лежали в стороне от их пути (они шли по степям); во-вторых, торкам выгодно было добрососедство, так как они берегли силы для войн с империей.

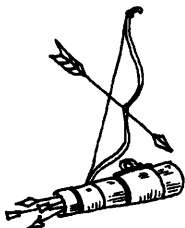
Тем не менее русские князья Изяслав, Святослав и Всеволод (сыновья Ярослава, так называемый триумвират), очевидно, поняли опасность, которая грозила бы Киеву в случае соединения торческих отрядов с Сельджуками и гибели Византии. К тому же, надо думать, византийские политики употребляли все силы для того, чтобы втянуть Русь в борьбу с гузами-торками. Характерно, что первым князем, выступившим в поход против торков, был Всеволод Ярославич, женатый на «царице грекине», т. е. византийской царевне. В тот год (1055) торки, вернее, какая-то их орда подошла слишком близко к границе Руси — устью реки Сулы, где стоял уже русский городок Воинь. Орда встала там на зимовье, что, естественно, не могло понравиться жителям городка, поскольку торки обычный зимний недостаток кормов пытались восполнить грабежом русских поселков. Вот

на этих-то торков и обрушился князь Всеволод. Торки были побеждены и отогнаны в степи. А через пять лет после этого небольшого похода, в 1060 г., все три князя триумvirата и еще полоцкий князь Всеслав «совокупивше воя бесчислены и поидоша на коних и в лодьях бесчисленное множество на торкы». Услышав о надвигающихся на степь русских полках, торческие военачальники не решились принять битву и отступили в глубь степи. Далее летописец кратко и очень выразительно рассказывает об их судьбе: «...помроша бегающе... овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором...» (ПСРЛ, II, с. 152).

Действительно, после этого торки уже не упоминались в летописях в качестве самостоятельной политической силы. Однако, как и печенеги, торки не были уничтожены полностью. Подавляющее большинство оставшихся в степях торков вместе с печенегами подкочевали к границам Руси и перешли на службу к русским князьям, за которую им были выделены земли для кочевков на пограничных со степью землях.

Поиски сильных покровителей были совершенно необходимы обоим народам потому, что с востока в восточноевропейские степи прихлынула уже новая кочевая волна, мощью превосходящая две предыдущие. Этой новой силой были половцы, впервые подошедшие к юго-восточной границе Руси летом 1055 г. Об этой первой встрече русский летописец написал вполне доброжелательно: «Приходи Блуш с половцы и створи Всеволод мир с ними и возвратишася (половцы. — С. Л.) восвояси» (ПСРЛ, II, с. 150). Так открылась новая страница совместной истории кочевой степи и Руси.

Арабские и персидские географы, путешественники и историки IX–X вв. в тех разделах своих сочинений, которые посвящены были народам, обитавшим в далеких от Халифата восточноевропейских и азиатских степях, постоянно упоминают народ и страну кимаков. Первым в списке тюркских племен назвал кимаков и отделившихся от них кипчаков знаменитый арабский географ Ибн Хордадбех (вторая половина IX в.), пользовавшийся при составлении своего труда более ранними сочинениями (возможно, даже VIII в.). Немного позже Ибн Хордадбега ал-Истахри и Ибн Хаукаль при составлении карт попытались определить местонахождение земель, занятых этими народами. Ал-Масуди, бывший образованнейшим историком своего времени (X в.), дал уже более подробные сведения об их расселении, а его современник Абу-Дулаф сообщает в своем сочинении об их хозяйстве и религиозных представлениях. Так постепенно накапливались знания об этих окраинных для арабомусульманского мира тюркоязычных народах.

В конце X в. о них хорошо были осведомлены столичные писатели и ученые Халифата. Особенно широко они были известны в среднеазиатских государствах, где о них не толь-

ко писали в малодоступных для народа книгах, но и рассказывали о путешествиях в страну кимаков на городских базах и в чайханах.

Возросшее количество информации сказалось прежде всего на том, что в знаменитом персидском географическом трактате «Худуд-ал-Алам» («Границы мира») о кимаках и кипчаках написаны целые главы, а великий среднеазиатский писатель ал-Бируни упомянул о них в нескольких своих сочинениях.

В XI в. о кимаках писал Гардизи в сочинении «Украшение известий», в котором рассказывается легенда о расселении этого народа, а в XII в. основным источником изучения страны кимаков-кипчаков, занятий и обычаев их становится большое арабское географическое сочинение ал-Идриси.

Сведения о ранней истории кимаков и кипчаков сохранились в легенде, изложенной в сочинении Гардизи. Легенда восходит к значительно более раннему времени, чем сам источник, а именно к концу VII—VIII в.

В VII в. кимаки кочевали на землях севернее Алтая — в Прииртышье — и входили в состав Западнотюркского и частично Уйгурского каганатов. С гибелью последних выкристаллизовалось ядро кимакского племенного союза, возглавляемое шадом (принцем). Вот как рассказывается об этом в легенде:

«Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня выходили на охоту, питались мясом и делали одежду из меха соболей, белок и горностаев. После этого к ним пришло семь человек из родственников татар: первый Ими, второй Имак, третий Татар, четвертый Байандур, пятый Кыпчак, шестой Ланиказ, седьмой Аджлад. Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где (прежде) были табуны, не осталось пастбищ; ища травы, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня сказала: “Иртыш”, т. е. остановитесь; отсюда река получила название Иртыш. Узнав ту рабы-

ню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они остались там до зимы. Когда выпал снег, они не могли вернуться назад; травы там много, и всю зиму они провели там. Когда земля разукрасилась и снег растаял, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известие о том племени. Тот, когда пришел туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к тому человеку с гор, он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они направились к Иртышу. Прибыв туда, все приветствовали Шада как своего начальника и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить (сюда); собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они расселились по горам и образовали семь племен по имени названных семи человек» (Кумеков, 1972, с. 35–36).

Приведенный полностью отрывок интересен тем, что в нем упрощенно и схематично, но в целом, видимо, близко к истине изложена история образования кимакско-го племенного союза. Совершенно очевидно, что кимакский союз сложился после гибели какого-то иного политического образования (в данном случае Западнотюркского, а позднее и Уйгурского каганата) из семи входивших ранее в каганаты племен. Аналогичными путями, как правило, шло формирование всех степных кочевых и полукочевых империй в эпоху средневековья.

Племя имак (йемак, кимак) встало во главе союза, а позднее — Кимакского каганата. В несколько иной транскрипции это племенное наименование звучит как «каи», что в переводе с монгольского означает «змея».

Не исключено, что именно во время сложения этого степного образования, состоявшего из семи племен, появилась в степи поговорка: «У змеи семь голов», приведенная Махмудом Кашгарским в фундаментальном труде «Родословная тюрков» (Ахинжанов, 1980, с. 48).

Главенствующее племя кимаков расселилось в основной массе по берегам Иртыша. Кипчаки, судя по сведениям «Худуд-ал-Алама», занимали отдельную территорию,

расположенную западнее, примерно в юго-восточной части Южного Урала. Интересно, что о гористости кипчакской земли писали и китайские летописцы — в хронике Юань-ши эти горы названы Юйли-боли, а сами кипчаки «цинъ-ча». Севернее кипчаков и кимаков простирались необозримые лесные просторы. В некоторых источниках утверждается, что там обитали таинственные племена Йаджудж и Маджудж (или Гог и Магог).

Писавший свое сочинение в X в. Ибн Хаукаль на приложенной к сочинению карте отметил, что кипчако-кимакские племена кочевали вместе с огузами в степях севернее Аральского моря, а ал-Масуди примерно в то же время писал, что все они кочевали по Эмбе и Уралу: «Между их устьями 10 дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов» (Кумекон, 1972, с. 63).

Об этом тесном соседстве знали и другие арабские и персидские авторы. Так, ал-Марвази писал, что «когда между ними (кимаками и огузами) мир, кимаки откочевывают зимой к огузам», а Бируни, наоборот, отмечал, что огузы нередко кочуют в стране кимаков. Отдельные орды кимакских племен нередко кочевали на берегах Каспийского моря: в «Шах-наме» это море даже называется Кимакским.

Основными западными соседями кимако-кипчаков в X в. были прабашкиры, с которыми в то время самые западные орды кипчаков наладили теснейшие контакты.

В X в. кимакский союз был крепким государственным образованием, известным в источниках под общим наименованием «Кимакский каганат». В него входили все племена, перечисленные в рассказанной Гардизи легенде. Экономическое развитие племен и орд кимакского объединения, раскинувшего свои поселения и кочевья по тысячекилометровой степи (от Иртыша до Каспия, от тайги до казахстанских полупустынь), было различно. Объясняется это прежде всего разницей климатических и природных условий: восточные области отличались от западных так же резко, как лесостепные северные районы от южных, прилегающих к горам Тянь-Шаня. Персидский Аноним специально подчеркивал, что занимающие крайние западные области каганата кипчаки ведут более примитивный образ жизни,

чем кимаки, обитавшие на Иртыше — там, где находился центр кимакского союза и где располагалась летняя ставка кагана кимаков — город Имакия.

Археологические исследования, проводимые в Прииртыше, позволяют в настоящее время утверждать, что там кимаки вели полуоседлый образ жизни, а следовательно, были знакомы с земледелием. Судя по тому, что ал-Идриси в XII в. писал как о хорошо известном факте о наличии в стране кимаков возделанных земель, о посевах пшеницы, ячменя и даже риса, земледелие было достаточно развитым. Об относительной оседлости кимаков свидетельствуют и сведения средневековых авторов о кимакских «городах». Ал-Идриси описывает эти города подробно, подчеркивая, что все они хорошо укреплены, а в городе кагана, где была сосредоточена вся кимакская аристократия, находились базары и храмы. Очевидно, в центральных областях Кимакского каганата шел обычный для кочевых народов процесс оседания на землю, перехода значительной части населения к земледелию и ремесленному производству.

Следует сказать, что если первые сведения о появлении оседлости у кимаков фиксируются в источниках IX—X вв., то расцвет у них оседлой культуры относится к значительно более позднему времени — к XI—XIII вв. Казахские археологи, исследовавшие кимакские города, отмечают, что все они прошли в своем развитии путь от временных стойбищ-убежищ кочевых аристократов до оседлых поселений, ставших центрами ремесла и земледелия (Кумек, 1972, с. 98—107). Характерно, что оседание привело население к необходимости строить более фундаментальные жилища: в городах и на поселениях наряду с войлочными юртами стали широко использоваться полуземлянки с глинобитными стенами. Характерно, что у тех и других очаг, как в юртах, помещался в центре пола: древний обычай, связанный с почитанием очага, как правило, долго держался даже у полностью осевших «кочевников».

Несмотря на переход к оседлости какой-то части населения Кимакского каганата, многие входившие в него этносы в X в. продолжали вести привычную для них форму существования — кочевое скотоводство с некоторыми элементами

оседлости. Особенно привержены были к кочевому образу жизни и соответственно к кочевому скотоводству кипчацкие орды. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные, а именно полное отсутствие следов оседлых или полuosедлых поселений на землях, занятых в конце I тысячелетия кипчаками.

Природные условия кипчацких степей способствовали процветанию на них развитого и хорошо организованного кочевого скотоводства. Степь была расчленена на участки с определенными маршрутами кочевий, летовками и зимниками. Рядом с постоянными летними и зимними стойбищами возникали курганные кладбища. Здесь же и вдоль степных дорог и кочевых маршрутов воздвигались кипчаками святилища предков с каменными статуями, изображавшими умерших.

Изваяния, воздвигаемые у курганов-святилищ, сооруженных в виде квадратных оградок из битого камня и щебня, являются самой характерной и яркой чертой культуры кипчаков. Статуи представляли собой простые неровные стелы нередко без всякой детализировки фигур. Лица у них прочерчены глубокими врезными линиями, часто «сердечками». Женские статуи отличались от мужских изображениями круглых «грудей». Сооружение небольших святилищ-оградок, посвященных предкам, со статуей (или статуями) внутри стало отличительной особенностью кипчаков с конца IX в. (Чариков, 1979). До них — в VI–IX вв. — аналогичные святилища со статуями умерших воинов и многочисленными отходящими от оградок «балбалами» (вереницами камней, символизирующими убитых умершим предком врагов) ставились тюрками и уйгурами. Позднее с гибелью каганатов они забыли этот обычай, а кипчаки-половцы — единственные из тюркоязычных народов, сохранили его. Как мы увидим ниже, он просуществовал у них вплоть до потери ими политической самостоятельности, т. е. так же как в Тюркском и Уйгурском каганатах.

Следует отметить, что святилища сооружались, естественно, только в память богатых и знатных кочевников. Проезжавший по заволжским степям в 922 г. Ибн Фадлан писал, что среди гузов были такие, которые имели стада в 10 тыс.

голов овец (не считая другого скота). Несомненно, что среди кимако-кипчакской аристократии встречались такие же богачи. Их айлы (большие семьи) владели громадными степными пространствами с собственными кочевками (маршрутами и стойбищами). Возможно, что в каганате существовало уже наследственное землепользование. О нем говорит автор «Худуд-ал-Алама»: «...хакан кимаков имеет 11 управителей, и их уделы передаются по наследству детям этих управителей» (Кумекон, 1972, с. 117).

Эти так называемые управители были, видимо, крупнейшими представителями родоплеменной аристократии, постепенно начинавшей феодализироваться в те столетия.

Во главе Кимакского государственного образования в X в. стоял каган, а входивших в каганат кипчаков, по сведениям «Худуд-ал-Алама», возглавлял «малик», что соответствует тюркскому титулу «хан». Это косвенно подтверждается сообщением ал-Хорезми, который так комментирует тюркскую титулатуру: «Хакан — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шаханшах» (Кумекон, 1972, с. 116).

Очевидно, «управители» — ханы находились в вассальной зависимости от кагана, а у них в свою очередь были вассалы, получавшие от них земельные наделы, из числа богатой родовой аристократии. Гардизи очень определенно говорит об имущественной неоднородности кимаков, а ал-Идриси подчеркивал, что «только знатные носят одежду из красного и желтого шелка». Интересно также его сообщение о наличии у кимаков пеших воинов, которые, несомненно, набирались из бедняков, не имевших собственной лошади.

В целом следует признать, что сведения письменных и археологических источников о Кимакском государстве, особенно в раннем периоде его существования, очень отрывочны и ограничены. Тем более это касается его отдельных частей, в том числе и самого большого и самостоятельного удела — Кипчакского ханства.

Так, помимо статуй, о мировоззрении и различных обрядах, связанных с почитанием мертвых и погребальным культом, информацию содержат раскопанные, пока немногочисленные погребения кимаков и кипчаков. Захороненные

вместе с покойниками вещи дают представление о бытовых предметах, окружавших кочевника в жизни, хотя, несомненно, эти материалы в связи со спецификой нахождения (в могилах) несколько односторонни — обычно они представлены предметами, необходимыми кочевнику в пути на тот свет: сбруей коня, оружием, резе личными украшениями и сосудами с ритуальной пищей. Рядом с покойником укладывался его верный товарищ — конь, без которого в бескрайних степях, где для жизни необходимы значительные передвижения, человек был фактически почти беспомощен. Вера в необходимость снабжения умершего вещами, нужными в дороге и хотя бы на первое время жизни на том свете, особенно подробное освещение получила у самого любознательного и правдивого арабского путешественника начала X в. Ибн Фадлана. Он описал не кимако-кипчацкий, а гузский погребальный обряд. Однако благодаря раскопкам кочевнических курганов мы знаем, что погребальный обряд тюркоязычных народов в общем необычайно однообразен, а это значит, что общие положения, которыми руководствовались кочевники при сооружении погребальных комплексов, были фактически идентичны. Итак, Ибн Фадлан рассказывает: «А если умрет человек из их числа, то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме... Потом поместят его в нем и дом над ним покроют настилом и накроют над ним нечто вроде купола из глины». Так сооружали саму могильную яму и курган над ней (глиняный купол).

Далее Ибн Фадлан писал о сопровождавших этот основной обряд действиях: «Потом возьмут лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: “Это его лошади, на которых он поедет в рай”. Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: “Вот его

отроки, которые будут служить ему в раю»». Кочевника всегда сопровождали на тот свет убитые кони, иногда и другие животные, а также убитые им враги в виде простых камней или грубых человеческих изображений из камня или дерева (балбалы). Изображений самих умерших гузов ни над могилами, ни в специальных святилищах не ставили. Обычай этот распространился только среди населения Кимакского каганата, причем преимущественно у кипчаков.

Ибн Фадлан живо и обстоятельно разъясняет смысл обряда сопровождения погребений лошадьми: «Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: “Я видел такого-то, то есть умершего, во сне и он сказал мне: “Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один”. При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле. И тогда пройдет день или два, придет к ним этот старик и скажет: “Сообщи моим семейным и моим товарищам, что подлинно я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости”» (Ибн Фадлан, с. 128).

Ясно, что кони нужны были для быстрого переезда — для перекочевки из одного мира в другой. Чем больше их было, тем лучше — тем богаче и подвижнее был умерший в новом для него мире.

О других верованиях кимаков, а тем более кипчаков сохранились весьма отрывочные свидетельства. Так, Гардизи писал, что кимаки поклоняются реке Иртыш и говорят, что «река — бог человека», а в более поздних источниках сохранились сведения о поклонении огню и даже об обычае части кимаков сжигать своих мертвых, о поклонении солнцу и звездам. «Куманы (кипчаки) занимаются астрологией, пользуются показаниями звезд и поклоняются им», — писал Абульфеда. Абу-Дулаф писал о волхвовании кимаков, в частности о камнях, которыми они вызывают дождь. Вера в таинственную силу камней была очень широко распространена среди тюркоязычных народов.

Поклонялись кимаки и скалам с изображениями (видимо, древним писаницам) и изображениям человеческой ступни

и конского копыта. Ал-Идриси говорил о вере в различных духов, а также о принятии некоторыми кимаками манихейства и мусульманства. Две последние религии начали проникать к кимакам, видимо, в X в. и распространились среди них значительно позже, причем только в центральных областях — в Прииртышье и Прибалхашье.

Кочующие на западных окраинах каганата кипчаки в X в. вряд ли склонны были принимать и постигать чуждые им религиозные системы. Им необходимы были решительные действия и идеология, которая давала бы обоснование этим действиям. Гадания шаманов по звездам, шаманские камлания над священными камнями и сгоревшими бараньими лопатками, святилища предков, окруженные сотнями убитых врагов, предрекали кипчакам борьбу, звали в далекие походы.

Реальных причин для этого также накопилось достаточно. Прежде всего для выпаса растущих с каждым годом стад необходимы были новые пастбища. Длительный мирный период, обеспеченный сильной центральной властью кимакского кагана, кончился. Бурное развитие экономики в государстве привело к центробежным стремлениям отдельных владений, а значит, и к связанным с ними междоусобицам. На окраинных землях кимакские и кипчакские воины включались поодиночке, а иногда и целыми родами в гузское (сельджукское) движение. Богатая аристократия захватывала кочевые маршруты и пастбища. Рядовые кочевники, не ушедшие с родных земель, или шли в кабалу, или занимались разбоем, грабя кочевья более слабых соседей. Центральная власть уже не справлялась с одной из основных задач — наведением порядка внутри страны. Кипчаки фактически получили самостоятельность уже на рубеже X и XI вв. С начала XI в. они двинулись к западу. Примерно в 30-х годах этого века персидский автор Байхани фиксирует их местонахождение у границ Хорезма, а другой восточный писатель — таджик Насири Хусрау — в середине XI в. называет приаральские степи уже не гузскими, как это делали его предшественники, а кипчакскими.

Интересно, что о начале этого движения сохранились сведения только у «западных» авторов, а именно у ал-Марва-

зи, служившего в конце XI — начале XII в. придворным врачом сельджукских шахов, и армянского историка Матвея Эдесского, писавшего в середине XI в. Оба они говорили, очевидно, об одном и том же событии, что подтверждается упомянутыми ими идентичными по смыслу наименованиями (Кумекон, 1972, с. 20; Ахинджанов, 1980, с. 47—48). Так, ал-Марвази говорит, что кай (змеи) и куны потеснили племя шары (желтых), а те, в свою очередь, заняли земли туркмен, гузов и печенегов. Матвей Эдесский сообщал, что народ змей потеснил «рыжеволосых» (т.е. желтых) и последние двинулись на гузов, которые вместе с печенегами напали на Византию.

В этих свидетельствах для нас особенно важны данные о двух этносах: кай — это, как мы знаем, кимаки, а шары — по мнению всех ученых, занимавшихся кочевыми объединениями эпохи средневековья, это кипчаки, или половцы, поскольку русское слово «половцы» — («половые») означает светло-желтые (полова — солома, мякина, отвеянная лузга).

Таким образом, в этой тотальной перекочевке на тучные западные пастбища принимали наиболее деятельное участие прежде всего сами кипчаки, получившие в ряде источников наименование «желтые». Откуда появилось это название? Многие исследователи считают, что половцы были белокурыми и голубоглазыми, некоторые даже связывают их происхождение с «динлинами», обитавшими в степях Южной Сибири в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. и бывшими, по сведениям китайских хронистов, блондинами. Вполне возможно, конечно, что среди половцев были и отдельные белокурые особи, однако основная масса тюркоязычных с примесью монголоидности (по данным антропологов) кимако-кипчаков была черноволосой и кареглазой. Не исключено, что цветовая характеристика была символическим определением, возможно, какой-то части кипчаков, как, например, в те же столетия были выделены из болгарских орд, живших в восточноевропейских степях, «черные» болгары, а в XIII в. цветовое определение получили некоторые монгольские государства: Золотая Орда, Кок (голубая) Орда, Ак (белая) Орда.

Помимо шары — желтых кипчаков — в продвижении на запад приняли участие отдельные орды кимаков (каи, куны) и других входивших в каганат соединений.

Вся эта лавина двигалась по дорогам, еще пылившимся от прошедших по ним гузских войск и стад: дорога в плодородные донские и днепровские степи была проторена. К тому же в степях этих было почти пусто. Печенеги в большинстве своем, как мы видели, ушли к византийским границам, гузы (торки), разбитые русскими князьями, метались по степному правобережью Днепра.

Перед ордами, возглавляемыми «желтыми» кипчаками, расстилались необъятные пастбища, богатейшие охотничьи угодья, богатые государства, с которых в случае удачного похода или набега можно было сорвать большой откуп, угнать рабов, награть добычу.

Глава 3 «Обретение родины»

Венгерские ученые нашли очень удачное определение краткому периоду венгерской истории, когда венгры, уйдя под ударами печенегов в Паннонию, заняли придунайские земли, потеснив, а частично и включив в свои объединения живших там славян, волохов и, вероятно, авар. Вот это-то беспокойное время и называется в венгерской историографии «периодом завоевания» или «периодом обретения родины».

Следует сказать, что у венгров, захвативших территорию земледельческого государства (Великой Моравии), этот период прошел очень быстро. В других странах становление, а вернее, стабилизация кочевнической экономики и общественных отношений проходила много медленнее (иногда до столетия). Однако если внимательно взглянуть на историю того или иного кочевнического этноса, то окажется, что через период «обретения родины» проходил каждый из них. Начинался он вторжением на чужую территорию и насильственным отторжением на постоянное владение пастбищных угодий у бывшего там населения.

Огромный кочевой массив кипчакских орд в первое десятилетие XI в. поднялся с насиженных мест в длительный и тотальный поход — нашествие. Целью его было отнюдь

не мирное переселение (отселение) части кипчакского населения на новые земли — целью был захват новых пастбищ где-то в далеких западных областях.

Как уже говорилось выше, это явление характеризуется экономически круглогодичным (так называемым таборным) кочеванием, а в общественных отношениях — военной демократией. Возглавляют нашествие несколько наиболее упорных и талантливых военачальников. Казалось бы, странно, что входившие в феодальное государство «желтые кипчаки», возглавляемые маликом (ханом), вновь перешли на более низкую стадию экономического и социального развития. Тем не менее подобный переход характерен для кочевников, попадавших в аналогичные ситуации, т. е. поставленных перед необходимостью нашествия.

Захват южнорусских степей начался с самого плодородного, самого богатого пастбищами, необходимыми для выпаса коней и крупного рогатого скота, района — с донецких, нижнедонских и приазовских степей. Эти же земли освоили в начале своего движения печенеги, их же в VIII в. заняли в первую очередь кочевые орды болгар, вытесненные из Восточного Приазовья хазарами. К XI в. какие-то остатки древнеболгарского полуседлого населения, несмотря на тяжело пережитое им печенежское нашествие, оставались на берегах рек донского бассейна и Приазовья. Кроме того, в верховьях Северского Донца, в глухих, малодоступных для кочевой конницы местах, обитали еще прежние хозяева лесостепной окраины Хазарского каганата — аланы. Правда, археологические исследования поселений, принадлежавших аланам и болгарам, дают нам неопровержимые доказательства гибели этих поселений не позже начала X в., т. е. под ударами печенежских полчищ. Однако история не знает примеров тотального уничтожения населения в периоды даже самых жестоких войн и самых страшных нашествий. Значительное количество людей, преимущественно женщин, детей, а также мастеров и мастериц, попадает в рабство, причем нередко их оставляют на старых пепелищах, и они постепенно, хотя и не полностью, восстанавливают разрушенные поселки.

Характерно, что антропологическое обследование черепов кочевников X—XIII вв. показывает, что население того вре-

мени внешне почти не отличалось от жителей степей VIII — начала X в. Весьма существенно также, что в южнорусских степях, особенно часто в бассейне Северского Донца, попадаются погребения XII—XIII вв., сохраняющие в погребальном обряде черты, позволяющие их связывать с прежними насельниками степей — подданными Хазарского каганата. Это, во-первых, не типичная ни для печенегов, ни для половцев меридиональная ориентировка покойников (головами на север или юг), нередкая у древних болгар и алан; во-вторых, наличие в могилах подсыпки из мела или угольков и некоторые другие признаки. Например, именно здесь, на берегах Донца и нижнего Дона, кочевники в половецкое время особенно широко пользовались вещами, изготовленными и распространенными в предыдущую хазарскую эпоху: зеркалами, копоушками*, глиняной посудой и т. п.

Таким образом, первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кипчаков, было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат.

Много большую роль в сложении половецкой общности сыграли остатки печенежских и гузских орд. Об этом свидетельствует прежде всего необычайное разнообразие погребальных обычаев. В целом обряд у всех этих этносов, как уже говорилось, был единым: основной задачей, стоявшей перед родственниками, было обеспечение умершего на том свете всем необходимым (в первую очередь конем и оружием). Отличия заключались в деталях обряда: ориентировке умершего головой на запад или восток, погребении с ним полной туши коня или его чучела (головы, отчлененных по первый, второй или третий сустав ног, набитой сухой травой шкуры с хвостом), погребении одного чучела без покойника, размещении коня относительно умершего. Некоторые различия наблюдаются и в форме могильной ямы и, наконец, насыпи кургана. Как мне представляется, мы можем уверенно говорить, что печенеги хоронили под небольшими земляными

насыпями (или сооружали «впускные» могилы в насыпи предыдущих эпох) обычно только мужчин, головами на запад, вытянуто на спине. Слева от покойника укладывали чучело коня с отчлененными по первый или второй сустав ногами. Вероятно, они же захоранивали в древние насыпи и чучела коней (без человека), создавая таким образом поминальные кенотафы. Гузы в отличие от печенегов устраивали перекрытие над могилой для помещения на него чучела коня или же укладывали чучело на приступке слева от покойника.

Кипчакский обряд первоначально, видимо, сильно отличался от двух предыдущих. Курганы у них насыпались из камня или обкладывались им, умершие укладывались головами на восток, рядом с ними (чаще слева) также головами на восток помещали целые туши коня или же чучела, но с ногами, отчлененными по колена. Следует особо отметить, что кипчаки хоронили с почестями как мужчин, так и женщин, и тем, и другим ставили затем поминальные храмы со статуями.

Этот характерный кипчакский обряд начал растворяться в море чуждых обычаев еще в приаральских и заволжских степях: каменные насыпи стали заменяться простыми земляными (иногда с включением в них нескольких камней), вместо целого коня все чаще и чаще захоранивали его чучело, причем иногда и на приступках, как гузы; менялась и ориентировка: сначала коней — головами на запад, затем и самих покойников. В целом погребальный ритуал свидетельствует, как и антропологические данные, о постоянном смешении самых различных этносов и племен. Процесс этот особенно усилился, естественно, после прихода уже сильно перемешанных с другими племенами кипчакских орд в южнорусские степи. Только один этнографический признак оставался неизменным, а именно возведение святилищ, посвященных культу мужских и женских предков. Принесенный из глубин Кимакского каганата, этот обычай получил дальнейшее развитие и буквально расцвел в южнорусских степях.

Что же касается археологических и антропологических данных, то они позволяют уже сейчас говорить о том, что пришедшие в днепро-донские степи кипчакские

и кимакские орды очень быстро, буквально через одно, от силы два поколения, стали иным народом с измененным физическим и отчасти культурным обликом. Они как бы снівелировались со всеми остальными обитавшими до них в степях этническими группировками.

Так появился в южнорусских степях новый этнический, вначале весьма рыхлый массив. Он формировался по тем же законам, как и все остальные кочевые этносы и народы древности и средневековья, как несколько столетий назад формировались здесь же в восточноевропейских просторах древние болгары, хазары, венгры. Одной из существенных закономерностей этого процесса является то, что этнос, давший имя новому этническому образованию, вовсе не обязательно бывает в нем самым многочисленным: он просто благодаря удачно сложившейся исторической обстановке и энергичному военачальнику выдвигался на ведущее место в формирующемся объединении. В данном конкретном случае в начале XI в. это место заняли шары — «желтые» кипчаки. Они стали тем мощным ядром, вокруг которого объединились все разрозненные и разбросанные по степи орды печенегов, гузов, а частично и остатки болгарского и аланского населения.

Новое этническое объединение, складывавшееся в степях, получило имя половцы. Так называли их русские, «калькировав» самоназвание новых орд. Вслед за русскими они получили названия у некоторых европейских народов: поляков, чехов, немцев («плавцы», «флавен»), венгров («палоч»). Впрочем, последние именовали их также кунями-куманами, так же как делали это часто сталкивавшиеся с ними византийцы и болгары. Чем можно объяснить разные наименования одного этнического формирования? Не лишена вероятности гипотеза ряда исследователей, которые полагают, что в южнорусских степях XI—XII вв. протекало сложение не одного, а двух близкородственных этносов: кунов-куманов, возглавлявшихся одной или несколькими кипчакскими ордами, и половцев, объединявшихся вокруг орд шары-кипчаков. Куманы занимали земли западнее Днепра, они значительно чаще, чем половцы, сталкивались с Византией и другими западными государствами, и потому в хрониках

этих последних фигурировали обычно куманы (вполне возможно, даже и в тех случаях, когда на самом деле они встречались с половцами).

Половецкие кочевья располагались восточнее куманских. Их территория очень четко определяется благодаря распространению каменных изваяний, характерных, очевидно, только для шары-кипчаков (половцев). Самые ранние статуи половцев, имеющие аналогии со статуями кипчаков X—XI вв., локализуются в бассейне среднего и нижнего течения Северского Донца и в Северном Приазовье. Это стеловидные плоские изваяния с лицами и некоторыми деталями фигур (грудью, руками, сосудом в руках и пр.), прочерченными по плоской поверхности или сделанными низким рельефом. Статуи, как и в восточных кипчакских ордах, ставили в равной степени мужские и женские. Сооружение святилищ предков уже является свидетельством перехода кочевников от стадии нашествия ко второй стадии кочевания, для которой, как известно, характерны прежде всего некоторая стабилизация и упорядочение кочевания по определенным маршрутам с постоянными местами зимовищ и летовок. В свою очередь, стабилизация означает конец сложного и беспокойного периода «обретения родины».

Нам не известны конкретные факты из жизни донецко-приазовских шары-кипчаков в первые десятилетия их пребывания на новых кочевьях, которые они заняли, видимо, в 20-х годах XI в. Как правило, об этом темном периоде становления и формирования кочевого общества письменные источники сопредельных стран не говорят ничего: современников не волновали события, происходившие внутри степных формирований. Первые упоминания появляются, естественно, тогда, когда сложившееся объединение начинает искать выход накопленной энергии. Обычно этот выход заключается в нападении на ближайшего соседа. Для половцев таким соседом стала Русь.

В 1060 г. половцы сделали первую попытку пограбить богатые русские земли. Святослав Ярославич Черниговский с дружиной смог разбить вчетверо большее войско половцев. Множество половецких воинов было убито и потоплено в реке Снови, их предводители были взяты в плен, видимо,

почти без сопротивления. «...Князи их руками яша», — писал летописец (ПСРЛ, II, с. 161). Разгром был полный.

Однако уже в конце января — начале февраля 1061 г. «придоша половци первое на Руськую землю воевати... Се бысть первое зло на Руськую землю от поганых безбожных враг; бысть же князь их Сокал...» (ПСРЛ, II, с. 152).

То обстоятельство, что воевали с половцами в те годы черниговский и переяславский князья Святослав и Всеволод, говорит, видимо, о нападении половцев, граничивших с Русью на юго-востоке, т. е. кочевавших где-то в донецких степях.

Следующий набег с той же юго-восточной стороны отмечен в летописи под 1068 г. На этот раз на речке Лъте (в Переяславском княжестве) с половцами встретились соединенные силы «триумвирата» — полки Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Однако и они были разбиты половцами. После этого события стало ясно, что новая страшная опасность нависла над Русской землей.

Синхронно с половецкой общностью развивалась и западная ветвь кипчакского завоевания — куманская. Там протекали те же процессы, что и у половцев. Возможно, что они были более, чем у половцев, осложнены большим числом кочующих по степному Днепро-Днестровскому междуречью печенегов и гузов, постепенно вливавшихся в формировавшееся там новое объединение. Отсутствие каменных изваяний не позволяет нам археологически зафиксировать факт стабилизации — перехода кочевников ко второй стадии кочевнической экономики. О его завершении мы можем судить только по сообщению русской летописи о набеге половцев на русское правобережье Днепра. Это случилось в 1071 г.: «...воеваша половци у Ростовца и у Неятина» (ПСРЛ, II, с. 164). Оба городка располагались в западной части Поросья — области на левом берегу Роси — правого притока Днепра. Напомним, что по правому берегу Роси находился громадный лесной массив, делающий реку почти по всему ее течению недоступной со стороны степи. Попастъ к реке можно было только по дороге, идущей вдоль Днепра к устью Роси, или же огибая лес с запада — почти у Буга. Видимо, набег 1071 г. был совершен какой-то куманской ордой, захватив-

шей земли в Побужье — там, где ранее кочевала печенежская орда Иавдиертим. Следующий набег, вероятно, той же орды относится уже к концу XI в.: в 1092 г. в тяжкое для Руси засушливое лето «рать велика бяше от половец отовсюду», и конкретно указывается, что взяты были поросские западные городки — Прилук и Посечен. Кроме того, в тот же год эти половцы (куманы?), заключив военный союз или нанявшись, участвовали в походе князя Василька Ростиславича «на ляхи».

Василько Ростиславич был не первым из русских князей, кто начал в своих целях использовать военный потенциал степняков, всегда готовых к бою и грабежу. Первым это сделал Олег Святославич в 1078 г., бежавший от Всеволода Ярославича в Тмутаракань и затем «приведе... поганные на Рускую землю» (ПСРЛ, II, с. 191). Полки Всеволода были разбиты, и «мнози убьени быша ту». В дальнейшем этот князь-авантюрист, образно названный в «Слове о полку Игореве» Олегом Гориславичем, неоднократно наводил половцев на Русь. Характерно, что на протяжении всего XII в. его потомки особенно охотно роднились с половцами и, имея среди них многочисленную родню, постоянно призывали их к участию в междоусобицах.

Нам в сообщении о событиях 1078 г. интересно то, что в них, несомненно, участвовали половцы, кочевавшие на берегах Дона или в Приазовье, т.е. шары-кипчаки, поскольку именно через их кочевья проезжал Олег в Тмутаракань и обратно.

По записям о первых столкновениях с половцами мы видим, что пришедших в начале XI в. новых кочевников русские именovali половцами независимо от того, где располагались их орды — на Буге или на Дону. Много позднее, уже в XII в., летописцы даже специально, как уже говорилось в начале книги, писали, что половцев называли еще и команнами, но при этом не указывали, каких — западных, восточных или всех — именovali они этим двойным именем. В общем, из летописи следует как будто, что все половцы были команнами и наоборот. Вполне возможно, что в XII в. так оно и было с точки зрения русского летописца. Однако на самом деле, особенно в начале истории половцев,

в восточноевропейских степях деление было, видимо, вполне реальным и заметным, хотя, конечно, куманы, половцы и группы вливавшихся в их орды печенегов, гузов, болгар и других этносов постоянно перемешивались друг с другом, ходили в общие походы, заключали общие перемирия и, естественно, были неотличимы для постороннего, еще мало привыкшего к ним взгляда современника.

Как бы там ни было, но мы можем уверенно говорить, что уже в 60-х годах закончился период «обретения родины» у шары-кипчаков (половцев), занявших земли по Донцу, нижнему Дону и Приазовью, и, вероятно, немного позднее — к началу 70-х годов — у команов (куманов, кунов), кочевавших, как говорилось, в степях, ранее занятых четырьмя западными ордами печенегов.

И те, и другие, относительно упорядочив внутренние отношения и экономику, начали свои внешнеполитические действия с набегов на русские пограничные земли. Характерно, что сразу же определяется и другой аспект взаимоотношений с Русью — заключение военных союзов. Причем по вине русских князей, весьма склонных к политическим интригам и авантюрам, половцы неоднократно обрушивались и успешно грабили беззащитные, враждующие друг с другом русские княжества.

К концу XI в. процесс консолидации разрозненных половецких орд, кочевавших на Донце и в Приазовье, закончился. Земли были строго распределены между несколькими ордами. Каждая из них владела большим участком земли, протянувшимся в меридиональном направлении — от Донца к Азовскому морю. Очевидно, зимовища этих орд находились на берегу моря. Поскольку половцы на зиму не запасали сена, то они вынуждены были регулировать свои перекочевки так, чтобы зимой стоять в удобных местах, где скот мог легко из-под снега добывать сухую траву. У моря и по долинам многочисленных рек и речушек, естественных «хранилищ сена» (хорошо высушенной на солнце и ветре высокой и питательной травы — сухостоя), корма было много. Весной, после рыбной путины, после отела и окота коров и овец, начиналось медленное движение вверх по рекам к донецким низинам, также полным высококачественной травы, где на летние месяцы половцы останавливались на определенных стойбищах-летниках, а затем по тому же маршруту, выпасая скот на уже вновь подросшей к осени траве, они спускались к зимовищам.

Не только каждая орда, но и входившие в нее более мелкие подразделения наделялись ханом участками земли, обя-

зательно включавшими в себя зимник, летник и маршрут кочевки между ними.

Что представляли собой эти подразделения? Прежде всего это были так называемые курени — соединения нескольких, в основном патриархальных, родственных семей, по существу, близких большесемейным общинам земледельческих народов. Русские летописи называют такие курени родами. В орду входило много куреней, причем они могли принадлежать (и наверняка принадлежали) нескольким этносам: от болгар до кипчаков и кимаков, хотя их всех вместе русские называли половцами.

Мы знаем, что русские летописцы, более других европейских хронистов знакомые с половцами, уже в конце XI в. четко выделили среди них «князей». К именам некоторых из них они прибавляли степной эквивалент этого русского титула — «кан» — хан: Тугоркан, Шарукан. Ханами были, очевидно, главы орд, однако следует помнить, что одновременно каждый хан был и главой куреня, поскольку этого требовала сама структура половецкого общества и его экономика: хан кочевал в рамках принятого в степях общественно-экономического членения. Следует отметить, что имена многих глав куреней оканчивались прибавлением слов «опа», «оба», «епа», происходящих от корня древнетюркского слова, обозначающего «жилище», «становище» (Урусоба, Алтунопа и др.). Кроме них, в летописях говорится о массе половецких воинов (рядовых участниках набегов), и в записях начала XII в. в половецких кочевьях зафиксированы летописью еще две социальные категории, стоявшие явно на самых низших ступенях кочевого общества того времени: «челядь» и «колодники». Первые — вероятно, рядовые, бедные, но свободные члены куреней; колодники же были военнопленными (домашними рабами), услугами которых пользовались кочевники евразийских степей до XIX в. включительно.

Организация набегов на Русь и более далеких походов на Византию и Болгарию требовала постоянных военных союзов ханов отдельных орд между собой. Таким образом, именно стремление к умножению своего воинского потенциала привело к образованию союзов орд — первых крупных

степных объединений. Они фактически не имели никаких государственных учреждений. Тем не менее хан, выбранный главой такого объединения на съезде аристократии, обладал, видимо, очень большой властью. В основном эта власть заключалась в абсолютизации его права вести внешнюю политику союза: заключать мир, но главное, конечно, организовывать грабительские походы. Чем жестче вел свою линию хан, чем талантливее он был как политический деятель и полководец, тем сильнее была его власть над входившими в орды куренями и аилами. По данным русской летописи мы можем с достаточной долей вероятности говорить о том, что, во-первых, таких глав русские называли «великими князьями», а половцы — каанами, т. е. ханами ханов, а во-вторых, деятельность «великих князей» половецких стала особенно ощутима для Руси начиная с 90-х годов XI в.

О каких половецких ханах XI в. особенно часто и с особым чувством антипатии говорится в русских летописях? О Боняке и Тугоркане. Недаром оба они прочно вошли в русский фольклор как заклятые враги русских. Боняк фигурирует в западноукраинских сказаниях и песнях под именем Буняки Шелудивого, отрубленная голова которого катается по земле и уничтожает все живое на своем пути (Кузмичевский, 1887), а Тугоркан не раз упоминается в русских былинах, именуясь там Тугарином или Тугарином Змеевичем (Рыбаков, 1963, с. 85).

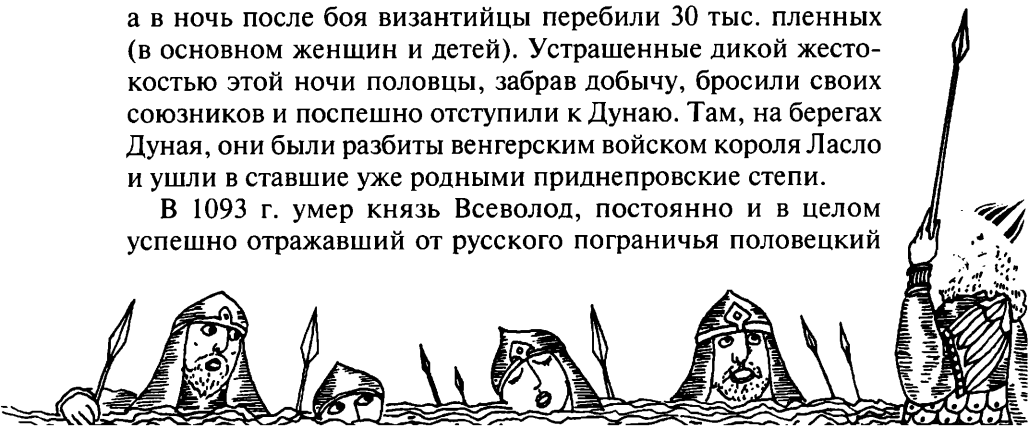
Наиболее ранние известия об этих ханах мы находим не в русской летописи, а в сочинении византийской царевны Анны Комниной, писавшей о жизни и делах своего отца — императора Алексея Комнина (Анна Комнина, с. 233—240). Она называет их Маниак и Тогортак. Академик В. Г. Васильевский считал, что отождествление этих имен с Боняком и Тугорканом не вызывает сомнений (Васильевский, 1908).

В самом начале 90-х годов Византийская империя зашаталась под ударами печенежских орд, отступивших еще ранее на Балканы под напором половцев. Допущенные Византией сначала только на земли северного пограничья печенеги, видимо, не поместились на отведенных для них зем-

лях и двинулись на основную территорию империи, разоряя и грабя открытые поселения и слабо укрепленные городки. Алексей Комнин обратился за помощью ко всему «христианскому миру», поскольку византийские войска даже под личным его руководством не могли справиться с печенегами. Помогли Алексею не христианнейшие государи, а только половцы, пришедшие в Византию под предводительством Боняка и Тугоркана. Император принял половецких военачальников с царской роскошью. Он осыпал их подарками, пытаясь всеми силами уверить их в своей благодарности и закрепить союзнические отношения.

Характерно, что обе стороны, т. е. византийцы и половцы, не верили друг другу. Алексея при первом взгляде на половецкий лагерь охватили «отчаяние и страх», поскольку он легко предположил, что половцы соединятся с печенегами и уничтожат сравнительно небольшое войско императора. Половцы же были хорошо осведомлены о коварстве византийских правителей и поэтому некоторое время боялись вступать с ними в тесные контакты. Хан Боняк, например, сначала вообще отказался от всех приглашений Алексея посетить его в лагере византийского войска, опасаясь предательства и плена. Несмотря на то что Алексей при заключении военного союза «потребовал от куманских вождей клятв и заложников», он в течение нескольких дней не решался даже свести на поле боя печенегов и половцев (куманов), боясь, что во время битвы воины обоих народов, говорившие на одном языке, договорятся между собой и вместе бросятся на византийцев. Только после ультимативного требования половцев, заявивших, что в случае дальнейших промедлений они начнут самостоятельные действия, царь назначил день сражения. Оно закончилось полным разгромом печенегов, а в ночь после боя византийцы перебили 30 тыс. пленных (в основном женщин и детей). Устрашенные дикой жестокостью этой ночи половцы, забрав добычу, бросили своих союзников и поспешно отступили к Дунаю. Там, на берегах Дуная, они были разбиты венгерским войском короля Ласло и ушли в ставшие уже родными приднепровские степи.

В 1093 г. умер князь Всеволод, постоянно и в целом успешно отражавший от русского пограничья половецкий

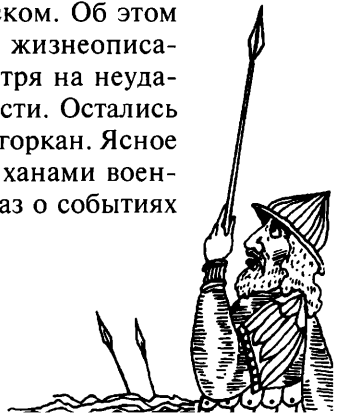
натиск. Прослышав о смерти враждебно настроенного к ним князя, половцы, совсем было уже собравшиеся в очередной грабительский поход, решили заключить мир с Русью. Для этого они направили в Киев к великому князю Святополку Изяславичу послов. Однако князь явно не рассчитал своих сил, он позволил себе разгневаться на резкие речи послов и посадил их «в погреб», т. е. в подземную темницу. Узнав об этом, половцы кинулись в Поросье, осадили главный город этой пограничной области — Торческ — и начали грабить окрестности. Только после этого Святополк стал собирать войско, набрал всего 800 человек, и тогда дружина Святополка, видя явное несоответствие сил, посоветовала ему просить помощи у двоюродных братьев. Летописец так говорит об этом: «Реша ему мужи смыслени: “...почто вы распрю имата межи собою? а погании губят землю Рускую”» (ПСРЛ, II, с. 209). Дело в том, что князь Владимир Всеволодич Мономах, княживший тогда в Чернигове, отговаривал князей и воинов от столкновения с половцами: очевидно, даже соединенных сил трех князей (Святополка, Ростислава и Владимира) было мало для открытого боя с ними. Однако Святополк с киевлянами настоял на «рати». Полки двинулись к югу по приднепровской дороге, дошли до устья Стугны, миновали Треполь и, наконец, перешли через пограничный вал и там остановились между валами, ожидая половцев. Последние подошли, пустили сначала перед собой легкую конницу-стрельцов, затем заняли позиции («поставиша стяги своя») напротив русских полков и всей силой обрушились на Святополка.

Когда полки Святополка были разбиты, половцы бросились и на двух остальных князей и также буквально смяли их. Русские побежали, при переправе через Стугну (дело было весной) в наводнившейся речке Ростислав утонул. Так кончился первый этап этой длительной и губительной для Руси войны. После разгрома русских войск половцы вновь вернулись в Поросье к Торческу и «створи бо ся плачь велик у земле нашей и опустеша села наша и городе наши и быхом бегающе пред враги нашими», — горестно записал летописец. Святополк был снова разбит, Торческ взят, сожжен, а жители уведены в плен — в вежи. Святополк был постав-

лен перед необходимостью во что бы то ни стало заключить мир с половцами. И вот в 1094 г. он не без труда добился мира и «поя жену, дочь Тугорканю, князя половецкого» (ПСРЛ, II, с. 216). Так впервые на страницах летописи был упомянут Тугоркан — ближайший соратник Боняка. Вполне возможно, что оба хана объединили под своей властью несколько западных орд. Недаром Анна Комнина постоянно именует их куманами и, что особенно интересно, указывает, что язык их тот же, что и у печенегов. Несомненно, что тюркские языки, как и славянские, похожи один на другой, но они все же разные у разных народов и этносов. В данном случае следует учитывать, что печенежский и половецкий языки относились даже к различным языковым группам. Тот факт, что Анна Комнина подчеркивает единство, а не схожесть языка, весьма существен: у куманов мог быть общепринят печенежский язык, поскольку, как говорилось, в западные орды влилось много печенежского населения.

Заключив мир с Русью, половцы занялись организацией нового похода на Византию. Туда привлекала их богатая и сравнительно легко доставшаяся добыча. Нашелся и повод для этого: к половцам за помощью и поддержкой обратился политический авантюрист — претендент на византийский престол, выдававший себя за давно убитого Константина, сына императора Романа-Диогена. Русский летописец в записи 1095 г. писал: «...идоша половце на греки с Девгениевичем и воеваша на греки, а царь я Девгениевича и ослепи» (ПСРЛ, II, с. 217).

Поход не принес половцам никакой выгоды. В нем погибли более половины отправившихся в Византию воинов, а вся добыча была отнята у них в одном из сражений преследующим их императорским войском. Об этом с большим удовольствием написала в своем жизнеописании царица Анна. Однако половцы, несмотря на неудачу и потери, не утратили своей боеспособности. Остались живы и их военачальники — ханы Боняк и Тугоркан. Ясное представление о силе возглавляемых этими ханами военных соединений дает нам летописный рассказ о событиях 1095—1096 гг.

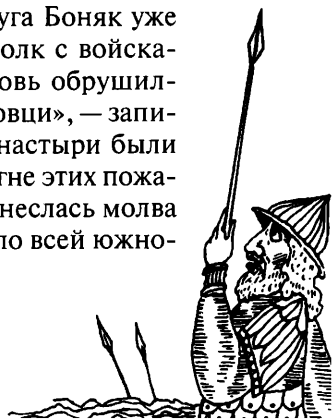
Пока Боняк и Тугоркан воевали, грабили и интриговали в Византии, у них дома стряслась беда: весной 1095 г. два половецких «владельца» Итларь и Китан пришли в Переяславль к Владимиру Всеволодичу для заключения мира и были убиты по приказу князя, еще даже не начав переговоров. Сначала Владимир склонялся к миру и в залог дал Китану, который вместе с военным отрядом разбил лагерь у переяславских валов, своего сына Святослава. Итларь без опасения вошел в город. Два дружинника Владимира — Славята и Ратибор — уговорили князя уничтожить послов. Сначала Владимир направил своих дружинников с небольшим отрядом торков к Китану. Они выкрали маленького Святослава, убили Китана и перебили всю его дружину. Наутро убили и ночевавшего в городе Итларя. После этого Владимир и Святополк «идоста на веже и взяста вежи и полониша скоты и кони, и вельблуды, и челядь и приведоста в землю свою» (ПСРЛ, II, с. 219). Это был первый поход русских в степь, закончившийся к тому же удачно. Очевидно, вежи Итларя и Китана вместе со своими хозяевами подошли близко к русским границам. Без своих глав и ушедших с ними воинов оставшееся в вежах население не смогло сориентироваться: ни отбить нападение, ни уйти от врагов в глубь степи. В описании этого события интересен тот факт, что Итларь и Китан ни разу не названы летописцем с упоминанием титула. Отсутствует даже приставка «опа», типичная, как мы предполагаем, для глав куреней. Видимо, оба они были главами больших богатых семей — «кошевыми», принадлежавшими к знатным родам (курениям). О последнем свидетельствуют претензии Итларя и Китан на самостоятельную внешнюю политику, в частности на заключение сепаратного мира с Русью, а также пребывание в гостях при дворе князя Олега Святославича сына Итларя. Владимир и Святополк потребовали выдать его.

«...Се у тебе есть Итларевич, любо убий, любо даи нама, то есть ворог нама и Русьской земле», — говорили они (ПСРЛ, II, с. 219). Олег отказался выполнить требование двоюродных братьев. «...И бысть межи ими ненависть», — заключает летописец.

Вернувшиеся из далекого похода Боняк и Тугоркан узнали о «коварстве» Владимира и столкнулись с паникой, охва-

тившей кочевья в связи с проникновением русских дружин в степи и захватом ими полона. Неудача в Византии не способствовала поднятию духа. Ханы встали перед необходимостью решительных действий, которые прежде всего должны были восстановить их пошатнувшийся престиж. Нужно было также показать своим сородичам, что их кровно касается смерть Китана и Итларя и что они намерены отомстить за нее. Началась настоящая война. В то лето половцы подошли к Юрьеву, все лето осаждали его, потом направились к Киеву, вернулись и дотла разорили и сожгли Юрьев. В апреле следующего года Боняк направил свой удар сначала на Поросье, прошел его огнем и мечом и бросился к Киеву. Города он не взял, но ограбил окрестности и сжег княжеский двор в Берестове. Одновременно с Боняком, но на левом берегу Днепра, начал действовать и Тугоркан: в мае окрестности Переяславля были разорены отрядом половцев под главенством Кури, в том же месяце, 31-го, подошел к Переяславлю и сам Тугоркан. Почти семь недель переяславцы выдерживали осаду. Только 19 июля Святополк и Владимир смогли поддержать оборону города, подойдя к нему с полками со стороны Днепра. Вторично за два года одержали победу русские под руководством князя Владимира.

«Побежени быша иноплемьннице, и князь их Тугоркан убыен быс и сын его, и инии князи мнози ту падоша» (ПСРЛ, II, с. 222). Интересно, что Святополк, несмотря на политическую (государственную) вражду к Тугоркану, счел своим долгом найти на поле сечи труп своего тестя и похоронить его «на могиле» поблизости от Берестова. Так несчастливо закончился для этого половецкого хана сепаратный (без поддержки Боняка) набег на русское княжество. В ответ на весть о смерти соратника и друга Боняк уже 20 июля, воспользовавшись тем, что Святополк с войсками под Переяславлем празднует победу, вновь обрушился на Киев. «...Мало в город не вогнаша половци», — записал летописец. Выдубецкий и Печерский монастыри были сожжены и ограблены, церкви разрушены. В огне этих пожаров закалилась сила Боняка и его воинов, разнеслась молва об этом грозном и удачливом военачальнике по всей южно-

русской степи и, возможно, за ее пределами — в соседних со степью странах.

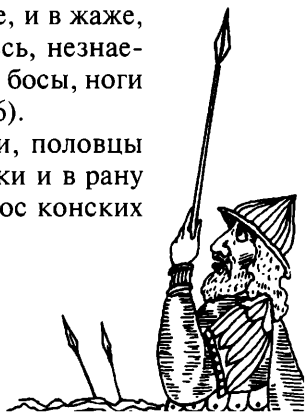
Многие годы «шелудивый хыщник» Боняк, неоднократно проклинаемый монахами-летописцами, грозил русскому пограничью. Где же находились кочевья орд, объединенных под его властью? Источники не дают возможности точно восстановить их местоположение. Можно только предполагать, что половцы, ходившие в Византию, кочевали в районах, находившихся ближе к Балканам, чем донецко-приазовские кочевья. Следовательно, это были, как уже говорилось, кочевья куманов — западной половецкой ветви. Это находит как будто подтверждение в одной из записей «Поучения Владимира Мономаха»: «...и на Бог идохом с Святополком на Боняка за Рось». Д. С. Лихачев полагает, что под «Богом» Мономах имел в виду реку Западный Буг (Лихачев, 1950, с. 448). Возможно, что это ошибка переписчиков рукописи. Фраза Мономаха дает довольно точные координаты расположения Боняковой орды (опять-таки примерно там, где кочевали печенеги орды Иртим). Характерно, что Боняк в конце XI в. направлял свои удары исключительно на правобережную линию обороны русских: на Поросье и далее — на Киев. Таким образом, от Днепра до Буга и даже Днестра тянулись земли орд, признававших, во всяком случае, военную власть Боняка. Однако если мы можем хотя бы приблизительно очертить «объединение Боняка», то о местопребывании орды или орд Тугоркана не сохранилось прямых данных. Единственное свидетельство в летописи о направлении похода Тугоркана помещено под 1095 г., когда этот хан подошел к Переяславлю, т. е. на левобережные русские земли. Это сообщение является косвенным подтверждением того, что Тугоркан кочевал в левобережье, так как в мае, когда он отправился в поход, переправа через Днепр, да еще и под «жестким контролем» русских полков, была невозможна. Интересно, что после смерти Тугоркана Боняк в начале XII в. тревожил набегами не только Поросье, но и Посульское пограничье (Лубны, Ромны, Вырь), а также заключил союз с донецкими половцами.

На протяжении всей своей долгой жизни враждебность Боняка по отношению к Руси была так сильна, что он почти

не участвовал в междоусобных войнах русских князей, хотя они всегда были выгодны кочевникам. Только однажды, в начале своего политического пути, в 1097 г. он принял участие в русской смуте на стороне противников киевского князя Святополка, бывшего его лютым врагом. Посчитался он в этой междоусобице и с венграми за поражение на Дунае. Венгры были приглашены Святополком в качестве союзной конницы. В битве, которая произошла у Перемышля на реке Вягре, Боняк проявил себя как опытный полководец. Он разделил свое войско на три полка, каждый по сто воинов, и послал один из них во главе с Алтунопой на венгров. Полк Алтунопы осыпал венгров стрелами и начал поспешно отступать вдоль реки, заманивая за собой противника к засаде, в которой сидел Боняк с двумя полками. Венгры, увлекшись погоней, попали в окружение. Два дня гнали их и рубили саблями половцы. Разгром был полный (ПСРЛ, II, с. 246). Следует сказать, что никакой особенной выгоды от этой победы половцы не получили — это, как мы и предполагали, была продолжавшаяся месть Боняка за смерть своего друга — Тугоркана.

Борьба с половцами становилась с каждым годом все ожесточеннее. Внутренние экономические изменения, упорядочение мест кочевий, появление кое-где постоянных становищ (поселков) укрепляли силы половцев. С другой стороны, они становились доступнее для своих соседей-врагов. Каждый хан, даже каждый «кошевой» имел определенную территорию, на которой его можно было настигнуть, вежи и скот разграбить и увести в плен женщин и детей, т.е. ответить половцам ударом столь же болезненным, как и набеги половцев на русские земли. Очень выразительно о судьбе пленников написано в летописи: «...людие разделища и ведоша их у веже... Мучими зимою и оцепляемы у алчбе, и в жаже, и в беде побледневше лица и почерневше телесь, незнаемою страну, языком испаленом, нази ходяще и босы, ноги имуще избодены терньем» (ПСРЛ, II, с. 215—216).

Для того чтобы измученные люди не бежали, половцы калечили пленным мужчинам ноги: резали пятки и в рану засыпали «тернии» — чаще всего рубленый волос конских хвостов.

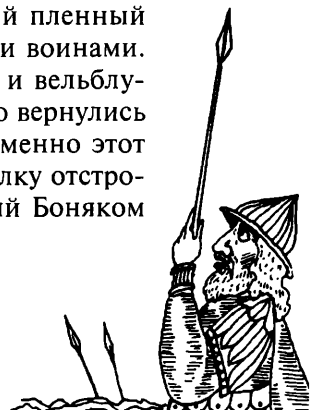
Несмотря на то что уже в 1097 г. умный и дальновидный Владимир Мономах, учитывая сложившуюся обстановку, предлагал русским князьям объединиться для борьбы с половецким бедствием, еще пять лет князья «утрясали отношения». Только в записи 1102 г. летописец наконец получил возможность зафиксировать, что «вложи бог мысль добру в русьские князи, умыслиша дерзнуть на половце, пойти в землю их». Весной 1103 г. состоялся знаменитый Долобьский съезд князей, на котором произошел хорошо известный спор. Святополк с дружиной считали, что воевать весной нельзя — смерды, мол, должны пахать и сеять, а Владимир ответил: «...оже начнет смерд орати, и половчин приеха вдарить смерда стрелою, а кобылу его поиметь, а в село въехав поиметь жену его и дети и все именье возметь...» — и затем призвал воинов к походу (ПСРЛ, II, с. 252–253).

Святополк согласился с Владимиром, после чего оба брата обратились с предложением похода к другим русским князьям. Интересно, что только Олег ответил «не здравлю», а остальные присоединились. Сбор был назначен в Переяславле. Туда, кроме Владимира и Святополка, подошли полки еще пяти князей. Далее «поидоша на коних и в лодях и приидоша ниже порог, и стаща в Протолчех и в Хортичим острове». Передохнув на Хортице, они отправились в глубь степи на речку Сутин, до которой следовали четыре дня. Летописная Сутин — это река Молочная (Кудряшов, 1948, с. 91–95), впадающая в Азовское море. Сюда после тяжелой зимы, проведенной, очевидно, в «протолчах» — в широкой правобережной долине среднего Днепра, откочевали на весеннее время вежи приднепровских половцев. Владимир точно рассчитал время похода — весной, когда скот у половцев бывал обессилен скудным зимним питанием и отелами и его фактически было невозможно спешно перегонять на недоступное для врагов место. Кроме того, он, конечно, продумал и направление удара: сначала в «протолчи», ожидая захватить там припозднившиеся зимники половцев, а в случае неудачи идти по известному уже и на Руси маршруту этой группировки на весенние пастбища на берегу моря.

Половцы, услышав о движении русских полков в степь и поняв, что столкновение неизбежно, собрали «съезд»,

на котором прошло обсуждение сложившейся обстановки. Осторожный старый Урусоба советовал уклониться от битвы и просить мира, но младшие («унышие», как называет их летопись) члены этой группировки, привыкшие к победоносным набегам на окраины Руси, не согласились с ним, весьма самонадеянно заявив, что собираются не только разбить пришедшие в степь войска, но и пойти после этого на Русь, захватить города. «...И кто избавить ны от нас?» — вопрошали они (ПСРЛ, II, с. 254).

Навстречу русским они послали «славившегося мужеством» Алтунопу (шесть лет назад он вместе с Боняком громил венгерское войско). Это была как бы разведка боем — русские князья также выставили перед основными своими силами «заслон» смельчаков, которые и сразились с Алтунопой. Половцы были впервые разбиты на их собственной земле, Алтунопа погиб. Затем столкнулись основные силы. Русский летописец очень выразительно рассказывает о произошедшей битве. Несмотря на то что половцев было больше — «не бе презрети их!», они испугались соединенных и уже раз победивших их русских полков и ослабили натиск. «Дремахи same и конем их не бяше спеха у ногех», — образно заключает летописец. В бою были убиты, видимо, почти все участвовавшие в битве половецкие «князья» — всего двадцать: это были Урусоба, Кочий, Ярославона, Китанона, Кунам, Асуп, Курьтык, Ченегрепа, Сурьбарь «и прочая князи их». Кроме того, в плен был взят Белдуз, которого и привели к Святополку для решения его дальнейшей судьбы. Белдуз начал сразу же предлагать за себя «злато и серебро, и коне и скот». Однако Владимир решительно воспротивился каким-либо переговорам с этим «князем» и предложил казнить его, поскольку многократно разорял он и грабил Русскую землю. Поэтому и этот единственный пленный половецкий аристократ был зарублен русскими воинами. С огромным полоном «скоты и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью» и со славою вернулись русские домой из степи. Не исключено, что именно этот полон позволил в этом же году князю Святополку отстроить вновь городок-крепость Юрьев, сожженный Боняком в 1096 г.

Так была уничтожена большая половецкая группировка, находившаяся в тесном взаимодействии с ордами Боняка, а возможно, входившая в его «объединение». Однако победа на Сутине, естественно, не уничтожила половецкой опасности. В течение нескольких последующих лет Боняк продолжал постоянный натиск на пограничные русские княжества. Особенно доставалось Поросью. Зимой 1105 г. Боняк напал на Заруб и с полоном вернулся в степь. В следующем году половцы опять пограбили Поросье в окрестностях Заречья. Но на этот раз князь Святополк послал за ними погоню, во главе которой поставил опытных воинов Яна и Путятю Вышатичей, Иванко Захарыча и Козарина. В сообщении об этом набеге представляет интерес, во-первых, то обстоятельство, что половцев не просто догнали и отобрали у них полон, а еще и загнали к западному краю их земли — на берег Дуная. Это поражение не обескуражило Боняка, так как уже в мае 1107 г. он вновь напал на Русь — на этот раз подывая к Переяславлю и угнав оттуда табуны коней, пасшихся в окрестностях города.

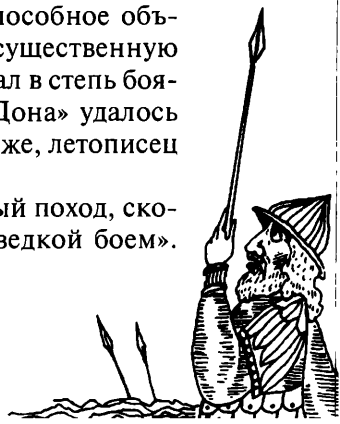
Нападения на русские пограничья были вполне успешными, но Боняк стремился к организации более серьезной борьбы с Русью, ставящей целью не столько грабеж, сколько политическое ослабление соседнего государства. Не исключено, что в этом желании его деятельно поддерживала Византия. Мы знаем, что Боняк был хорошо известен на Балканском полуострове и в Подунавье. Недаром именно к нему обратились за помощью в 1140 г. два византийских царевича, очередные политические изгнанники империи. Они же при дворе Мстислава Владимировича в Киеве осмелились говорить о нем столь лестные речи, что князь, разгневавшись, заточил их, а сам собрался в поход на Боняка; и только благоразумие и предусмотрительность этого великого русского политика предотвратили слабо подготовленный поход на половцев, которые, по словам летописца, тогда «налегали на Русь».

Итак, думается, что связи Боняка с Византией продолжались в течение всей первой половины XII в., а может быть, и дольше — до конца его жизни. Несмотря на политическое и экономическое стимулирование борьбы с Русью, импе-

рия не желала открытой вражды с этим мощным государством и никогда не стала бы военным союзником Боняка. Для усиления нажима на Русь он должен был искать союзников рядом — среди своих соплеменников. Этим союзником стал глава восточного (донецко-приморского) объединения — Шарукан. Мы уже говорили о том, что восточные половцы в XI в. почти не участвовали в бурной деятельности западных сородичей (куманов). Не считая союзнических походов с Олегом Святославичем, они даже не подходили к русским землям. Ханы восточных орд были заняты регулированием внутренней жизни на собственной территории. Однако активность Боняка и явные выгоды, которые получали половцы, участвовавшие в успешно кончавшихся походах, естественно, способствовали возбуждению интереса к этим набегам у половцев, доселе мирно кочевавших в донецких и приазовских степях. В 1107 г. Боняк и Шарукан организовали совместный поход на Переяславское княжество. Собрав большие силы, они подошли к пограничному городу Лубны (на Суле) и встали там на левом берегу, поджидая русские полки. Святополк и Владимир не только собрали большое войско для отпора (на сей раз в нем участвовал даже Олег), но, видимо, смогли быстро переправиться на «половецкую» сторону реки Сулы и неожиданно с победным криком бросились на половецкий стан. Половцы «от страха не възмогаша и стяга поставит, но побегоша хватающе копии» (ПСРЛ, II, с. 258). В погоне большинство бегущих были порублены русскими конниками, многие взяты в плен. Убит был брат Боняка Тааз, в плен взят хан Сугр с братьями. Едва избежал плена и «великий хан» Шарукан.

Несмотря на поражение и разгром объединенных половецких полков, русским князьям стало ясно, что на юго-востоке от Руси сложилось сильное и дееспособное объединение, представляющее для нее весьма существенную опасность. В 1109 г. в декабре Владимир послал в степь боярина Дмитра Иворовича с полком. Там «у Дона» удалось захватить 1000 веж (Доном, как мы увидим ниже, летописец постоянно именует Северский Донец).

Этот небольшой стремительный и успешный поход, скорее набег, был, видимо, своеобразной «разведкой боем».

Владимиру необходимо было выяснить свои возможности в борьбе с опасностью, нависшей над его Переяславским княжеством. Кроме того, была и вполне конкретная цель — оттеснить половецкие зимовища с земель, фактически вплотную подходивших к русской границе. Результат как будто был удовлетворительным, на следующий год весной Святополк, Владимир и Давыд решили закрепить свои успехи еще одним походом в степь, дошли до Воиня на Днепре и вернулись назад. Судя по направлению похода, русские князья намеревались идти на стоявших вежами в Среднем Приднепровье половцев. Очевидно, половцам удалось каким-то способом уклониться от столкновения и сделать невозможным углубление в степь русских полков. В том же году приднепровские половцы, собравшись с силами, также подвели свои войска к Воиню, но, как и русские, не решились идти дальше и повернули назад в южные кочевья.

Донецкие же половцы, пограбленные Дмитрием Иворовичем, в отместку Владимиру отправились к Переяславлю, «повоевали» в его окрестностях, взяли много сел, уведя в свои вежи большой полон. Вот этот набег и заставил Владимира поторопиться с организацией серии походов, направленных на донецких половцев.

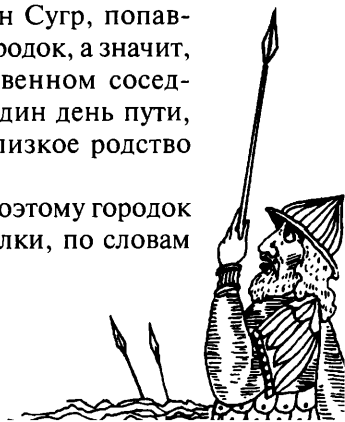
В 1111 г.* Владимир вновь на Долобском съезде князей начал уговаривать весной идти на половцев. На этот раз в походе участвовали Святополк, Вячеслав, Давыд и Владимир с сыном. Направление этого похода очень подробно освещается летописью, указывается там и время похода: из Переяславля выступили на вторую неделю поста, т. е. 26 февраля, в воскресенье; через пять дней, в пятницу, были уже на гра-

* Следует сказать, что здесь и далее при указании точных дат событий я даю их по Ипатьевской летописи без учета поправок на «ульtramартовские», «сентябрьские» и «мартовские» годы (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963), поскольку читателям данной книги легче найти конкретную сноску в летописи под тем годом, который в ней указан. Принципиального значения для нашей темы исправления дат на несколько месяцев значения не имеют.

нише «поля половецкого» — на реке Суле, затем в субботу подошли к Хоролу и здесь «пометоша сани»; значит, до 4 марта они шли по степи еще на сани, на Хороле их оставили и далее пошли к «Дону» — Северскому Донцу, последовательно пересекая Псел, Голтву, Ворсклу и еще «многие реки» (Кудряшов, 1948, с. 112—121). Следует помнить, что была ранняя весна и, возможно, реки еще не вскрылись. Этим объясняется стремительность марш-броска русских полков через пересеченное реками почти 500-километровое степное море. 19 марта, также в воскресенье, они подошли «к Донови». Здесь «оболичишася во броне и полки изрядиша и поидоша ко граду Шаруканю». Жители этого городка вышли навстречу русскому войску и приветствовали его подношением угощения рыбой и вином. Судя по тому, что Владимир приказал подходить к городку с пением молитв, встреча их была организована христианами. Факт этот представляет значительный интерес, поскольку свидетельствует о наличии в степях среди донских половцев населения, готового перейти на сторону Руси как по религиозным, так, возможно, и по политическим соображениям. Скорее всего это были асы-ясы-аланы, оставшиеся в степях после прихода сюда печенегов, а затем половцев, бывшие подданные хазарского кагана. Как и их сородичи — аланы, жившие в предгорьях Кавказа, — они, вероятно, в массе своей приняли христианство. Не подлежит сомнению, что христиане и земледельцы аланы с большой охотой перешли бы под власть русских князей.

Городок на берегу Донца (Дона) принадлежал, судя по названию, лично великому хану Шарукану, жители были обязаны выплачивать ему дань. Поблизости от Шарукана стоял еще один «город», т. е. небольшое укрепление — Сугров. Видимо, хозяином его был хан Сугр, попавший в 1107 г. в плен к русским. Поскольку городок, а значит, и кочевья Сугра находились в непосредственном соседстве к Шарукану (между городками всего один день пути, не более 40 км), можно предполагать их близкое родство (братья, отец и сын?).

Сугричи не встретили русских дарами, и поэтому городок был взят и сожжен. После этого русские полки, по словам

летописца, ушли «с Дона» (вероятно, имеется в виду с берега Донца). Первая встреча с половцами произошла «на протоке Дегая» — видимо, на каком-то небольшом ручейке в бассейне Донца. Половцы были разбиты, отступили и вновь собрали силы. Через два дня на реке Сальнице половецкие полки снова преградили путь русским и «брань бысть люта», — писал летописец.

С большим трудом досталась русским победа. Взято было «полона много и скоты, и кони, и овце, и колодников много изоимаша рукама» (ПСРЛ, II, с. 268).

Следует сказать, что половцы через год (в 1113 г.) попытались взять реванш. В этом году умер Святополк, и половцы, учитывая некоторый разброд среди князей, стремившихся сесть на киевский стол, решили воспользоваться этим. Соединенными силами нескольких орд они подошли к русской границе — к городу Вырю. Однако Владимир Мономах, объединив полки своих сыновей и племянников и уговорив участвовать в контрударе Олега, повел их навстречу половцам, которые, узнав об этом, бежали, не приняв боя.

Несмотря на поспешное отступление половцев, самый факт нападения на пограничье всего по прошествии года после разгрома их у Сальницы показал, что военный потенциал половцев остался весьма значительным. Поэтому Владимир вновь начал готовиться к походу на восточное (донецкое) объединение.

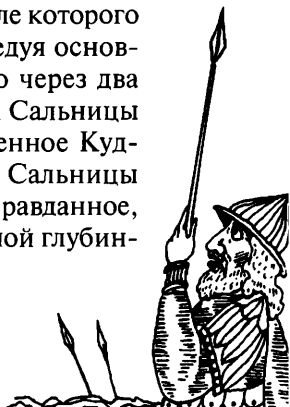
В 1116 г. он послал своего сына Ярополка, а Давыд — сына Всеволода «на Дон». Молодые князья вновь на берегах Донца захватили городки Шарукан и Сугров, а также третий город — Балин. Кроме того, Ярополк взял там себе красавицу жену — дочь «ясского князя», что еще раз подтверждает заселенность городков яским (аланским) населением. Интересно, что эта княгиня — Елена Яска — еще раз упоминается в летописи под 1145 г., когда она перехоранивала останки своего мужа Ярополка из церкви св. Андрея в церковь Анны.

Несмотря на то что исследователи походов Владимира Мономаха единодушно соглашались с отождествлением летописного «Дона» с современным Северским Донцом (Кудряшов, 1948, с. 112–118), «половецкие города» на этой

реке размещаются ими по-разному. Так, К. В. Кудряшов помещал их на правом берегу Донца между г. Изюмом и устьем речки Казенный Торез. Мне представляется, что более правы те ученые, которые размещают эти городки на Донце в районе современных городов Чугуева, Змиева и сел Коробовы хутора, Гайдары, т. е. на 100 км северо-западнее указанного Кудряшовым участка, а это значит, что городки и зимовища половцев располагались почти вплотную к русской границе: пограничный город Донец на реке Уды стоял всего в 30 км от Чугуева. В этом случае вполне понятно неистовое желание Владимира оттеснить половцев с занятых ими позиций.

Они находились слишком близко от русских поселений и вследствие этого были особенно опасны для них. Что касается конкретного определения места каждого из упомянутых летописью городов, то, к сожалению, ни в Чугуеве, ни в Змиеве не сохранилось никаких следов древних культурных слоев, и поэтому мы не можем уверенно говорить, что здесь в XII в. стояли алано-половецкие городки-зимовища. Тем не менее в качестве гипотезы локализация Шаруканя на месте Чугуева, а Сугрова — Змиева вполне допустима. Название третьего города — Балин, возможно, происходит от тюркского *balıq*, что означает «город». Он находился, как известно, рядом с двумя предыдущими. Немного южнее Змиева, у села Гайдары, археологи обнаружили слабо укрепленное поселение, датирующееся примерно XII в. Возможно, это остатки третьего половецкого городка-становища.

В походе 1111 г. русское войско, взяв городки, стоявшие на правом, высоком берегу Донца, переправилось еще по льду (был март) на левый берег. Там произошло у них первое столкновение с половцами (на Дегае), после которого русские, естественно, углубились в степь, преследуя основные силы половцев. Встреча произошла только через два перехода, т. е. еще через 70 км (минимум) у речки Сальницы (в районе нынешнего города Изюма). Предложенное Кудряшовым размещение городков ниже впадения Сальницы в Донец предполагает, на мой взгляд, ничем не оправданное, причем поспешное, возвращение князей из степной глубин-

ки после взятия городков. Битвы с половцами по неясной причине также происходили на обратном пути, а значит, русские даже не собирались сражаться с половцами и, главное, разгромить их. А это, как мы знаем, не соответствует решению князей на Долобьском съезде: они направляли удары для уничтожения опасности, а не для грабежа ближайших кочевий. Характерно, что в 1116 г., когда в поход пошли только молодые князья, они не решились после повторного взятия городков идти в глубь степи: сил для этого было недостаточно. Тем не менее одна из задач, поставленных Владимиром, была решена: половцы ушли из этого региона и более уже не возвращались сюда.

Под тем же 1116 г. в летописи сообщается, что половцы у Дона бились с торками и печенегами «два дни и две ноши», после чего побежденные торки и печенеги пришли на Русь под защиту Владимира. Видимо, на этот раз речь шла о Доне в современном понимании. Дело в том, что под 1117 г. в летописи следует краткая запись о приходе «беловежцев на Русь», а Белая Вежа (хазарский город Саркел) находилась, как мы помним, на нижнем Дону.

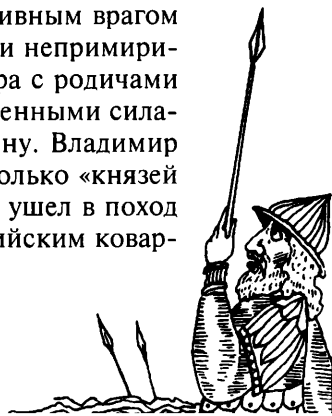
Археологически подтверждается, что интенсивная жизнь в городе прекратилась действительно в начале XII в. Перестало, естественно, функционировать и расположенное рядом с городом кладбище. В то же время прекратил рост и беловежский курганный могильник торко-печенегов (Плетнева, 1963). Именно с этой торко-печенежской ордой, бывшей на службе у города и оборонявшей его, и произошло, видимо, сражение половцев. Кажется весьма вероятным, что последние принадлежали к той части орд донских (донских) половцев, которые были вытеснены походами Владимира с берегов Донца. Занятая стадами торко-печенегов широкая пойма нижнего Дона, естественно, привлекла внимание хозяев степи. Не пожелали они терпеть на Дону и русских, которых было явно недостаточно для серьезной обороны города, окруженного половцами. Беловежцы предпочли, видимо, мирно уйти, оставив половцам выкуп и свои жилища. Некоторое время половцы еще пользовались заброшенным поселком, возводили там даже новые постройки из сырцового кирпича, однако около середины

ХII в. жизнь в нем полностью замерла и более не возобновлялась.

Несмотря на оставление русским населением Белой Вежи, результаты походов, организованных русскими князьями в начале ХII в., были чрезвычайно эффективными. Это понимали и современники событий, и летописцы, ведшие записи спустя 100 лет. В летописи неоднократно повторяется, что Владимир Мономах не только «пил золотым шоломом Дон», но и «приемшю землю их (половцев. — С. П.) всю и загнавшю оканьныя агаряны» (ПСРЛ, II, с. 716). Итак, изгнание половцев с их уже крепко освоенных земель по среднему Донцу было первым достижением Мономаха. Вторым было физическое уничтожение очень большого числа половцев, разрушение кровнородственных куренных связей, распад многих орд. Этот процесс привел к выделению аилов (больших семей) и формированию у донских половцев новых орд, уже не кровнородственных.

Владимир Мономах поддерживал свой престиж в степях не только военными действиями, но и многочисленными мирами, которые он заключал с главами отдельных орд, тем самым также разбивая половецкое единение. Так, в январе 1107 г. Владимир, Давыд и Олег отправились в степь в кочевья «Аяпы и другого Аяпы». Они заключили с половцами мир, и Владимир женил сына Георгия (будущего Юрия Долгорукого) на Епиопиной дочери, а Олег взял за сына «Акаепиду дщерь Яневу внуку». Позже, в 1117 году, Владимир заключил еще один столь же важный «династический брак», женив сына Андрея на внучке Тугоркана. Этими браками он в значительной степени обезопасил южную границу Переяславского княжества.

Фактически, по сведениям, сообщаемым в «Поучении» Владимиром Мономахом, единственным активным врагом Руси по-прежнему оставался неустрашимый и непримиримый Боняк. Как раз перед заключением мира с родичами Тугоркана в 1116 г. Боняк подходил с соединенными силами половцев к посульскому городку Кснятину. Владимир с трудом справился с ним, взяв в битве несколько «князей лепших». В конце следующего года хан Аепа ушел в поход на болгар, и болгарский царь с чисто византийским ковар-

ством выслал ему в ставку отравленное вино: «...и пив Аепа и прочии князи вси помроша» (ПРСЛ, II, с. 285). Другой же Аепа после этого, видимо, счел заключенный с русскими князьями мир недействительным и снова вместе с Боняком пошел к русской границе — к городу Вырю. Правда, Владимир и Олег быстро организовали контрнаступление и половцы «бежаша».

Следует сказать, что Владимир очень кратко, но чрезвычайно экспрессивно и выразительно повествует о своих многосторонних отношениях с половцами: о битвах, закончившихся победами, о совместных с половцами походах на княжества братьев, о заключенных мирах, о взятых в плен, убитых и отпущенных из плена половецких «князьях».

Подавляющее большинство военных столкновений с половцами происходило во время отражения русскими половецких набегов, преследования уходящих с полоном половецких полков. В таких «оборонительных» мероприятиях Мономах участвовал двенадцать раз. В отдельных случаях, например у Стародуба или у Прилука, половцы бывали разгромлены, их предводители взяты в плен (ханы Асадук, Саук, братья Бегубарсовы — Осень и Сакзь) или убиты (Китан и Итларь).

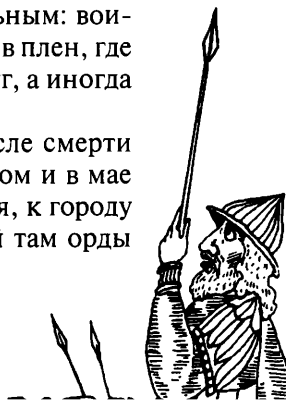
В других ситуациях половцев просто отгоняли от границы: к тактике стремительного налета и столь же стремительного отступления прибегал обычно Боняк. Именно поэтому его не удавалось взять в плен или убить во время боя. Так было при нападениях этого хана на Поросье и Посулье. Иногда Владимир несколько отклоняется от истины. Так, война Святополка с Боняком и Тугорканом в 1093 г., закончившаяся полным поражением русских полков и вынужденной женитьбой князя Святополка на дочери Тугоркана, освещается очень сухо: упомянуты взятые под Барином половецкие вежи и затем говорится о заключении мира половцев со Святополком.

Дважды Владимир, несмотря на весьма целеустремленную политику против половцев, прибегал к их помощи в борьбе с тем или иным русским князем и наводил половцев на русскую землю. Так, по его вине один раз ограблена

была Черниговщина, однажды разорен, разграблен половцами и затем сожжен город Минск. Владимир достаточно скромнен: он нигде не написал в своем сочинении, что организация походов в глубь половецкой степи — его заслуга и его инициатива. Он всего в нескольких словах говорит о трех основных степных эскападах, закончившихся победой. О более мелких русских походах он не считал нужным упомянуть, хотя, как писал летописец, организовывал эти походы Мономах. Зато с гордостью писал он о заключенных мирах: «И миров есмь створил с половецкими князи без одного 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое. И пустил есмь половецских князь лепших изь оковъ толико: Шаруканя два брата, Багубарсовы 3, Осеня братьев 4, а всех лепших князий инехъ 100» (ПВЛ, I, с. 162).

Из этого отрывка следует, что мир с кочевниками покупался, как и столетие назад, разнообразными дарами. Однако появился благодаря упорно проводимой Мономахом активной наступательной политике и «дополнительный аргумент», а именно освобождение из плена влиятельнейших в степи аристократов. Они по законам войны обязаны были выплатить откуп за себя. Возможно, что сами они могли играть роль «даров» при заключении перемирия. Владимир гордится тем, что он лично взял в плен четырех «князей»: Косуся с сыном, таревского князя Азгулуя, Аклана Бурчевича. Кроме того, во время похода 1111 г. он захватил 15 «кметей молодых» и зарубил их, а также 200 «лучших мужей» половецких. Рядовых же воинов никто не считал. Даже если допустить, что Владимир был самым отважным, сильным и решительным русским князем-воином и что остальные русские воины (в том числе и князья) были менее удачливы, очевидно, что истребление половцев было тотальным: воинов беспощадно убивали, а семьи угоняли на Русь в плен, где они вливались в состав княжеских и боярских слуг, а иногда и дружинников.

В 1125 г. умер Владимир Мономах. Как и после смерти Святополка, половцы несколько воспрянули духом и в мае этого года прорвались в окрестности Переяславля, к городу Баручу, предполагая захватить вежи зимовавшей там орды

торков. Однако они были быстро оттеснены к Суле Ярополком Владимировичем и там разгромлены. «...Часть их избиша, а часть истопе в реке...» — записал летописец.

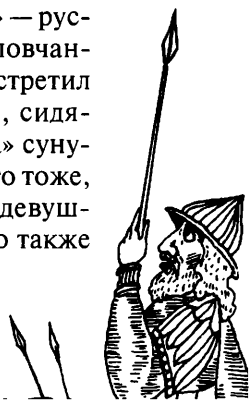
Сил у половцев явно не хватало, тем более что нажим со стороны Руси некоторое время и после смерти Владимира не ослабевал: его сыновья продолжили его политику. О Мстиславе Владимировиче, умершем в 1132 г., летописец спустя почти сто лет после его смерти написал, что он загнал половцев «за Дон, за Волгу, за Яик».

В заключение следует сказать, что этот период половецко-русских отношений нашел отражение не только в официальных государственных документах — летописях, но и в устном народном творчестве, прежде всего в былинах, сохранивших нам даже некоторые ханские имена, принадлежавшие наиболее рьяным врагам Русского государства. Мы уже говорили о страшном Буняке — отрицательном герое многих западно-украинских народных песен. Несомненно, к тому же времени относится и большая часть былин о нашествии на Киев кочевых орд. В некоторых из них орды возглавляются Кудреванко-царем или Шарк-великаном. Оба имени убедительно сопоставляются академиком Б. А. Рыбаковым с Шаруканом, или ханом Шаруком (Рыбаков, 1963, с. 84). В других былинах главой обложивших Киев кочевников называется Тугарин Змеевич, которого уже давно ученые сопоставляют с Тугорканом. Таким образом, все три «великих хана», неоднократно упоминаемые летописью, фигурируют и в былинно-песенном русском наследии. Представляет интерес и тот факт, что Тугарина в былинах постоянно величают Змеевичем. Одна или несколько орд каи (змеи) могли, как мы видели, прийти из Приуралья-Прибалхашья вместе с кипчаками в южнорусские степи. Естественно, что русские знали половецкие самоназвания и их значение, а следовательно, легко переводили их на русский язык.

В летописи после победы над половцами 1103 г. говорится, что Владимир «скруши главы змеевыя» (ПСРЛ, II, с. 255). Именно так, видимо, появился в былинах Змеевич. Змеи проникли в русский фольклор значительно шире. Определенный «пласт» русских сказок буквально заполнен трех-, семи- и двенадцатиглавыми Змеями или Змеями Горыны-

чами, лютыми врагами русских богатырей. Обычно «Змеи» подходят к пограничной реке Снепороду (в летописях Снепородом называется Самара). Мы знаем, что на Самаре вполне могли встречаться русские полки, углубившиеся в степь, но на самом деле эта река не была пограничной. Пограничной была Сула, и именно к ней из года в год подходили половецкие орды, грабя окрестности пограничных крепостей, форсируя реку и прорываясь на земли Переяславского княжества. Самое название реки Сула происходит от тюркского «sulaq», что означает «полноводный» (Менгес, 1979, с. 131). На русско-половецком пограничье, да и во всех русских южных городах половецкий язык был общеизвестным. Поэтому тюркские названия рек, небольших городков, урочищ легко воспринимались русским населением. Впрочем, как мы видели, разноплановое общение с половцами способствовало проникновению не только отдельных слов и понятий в древнерусский язык, но и целых образов в древнерусский фольклор и даже в письменную культуру. Взаимодействие двух формирующихся народов происходило и в последующее столетие, поэтому мы неоднократно будем возвращаться к этому вопросу ниже.

Здесь же упомянем еще об одном половецком образе, проникшем в русский эпос в рассматриваемый в данной главе период. Это образ «поляницы», т. е. женщины-богатырши. Хорошо известно, что в эпоху средневековья во всех европейских государствах положение женщины было чудовищно тяжелым. Христианская религия (как и мусульманская) способствовала этому. Женщина была грязным «сосудом греха». Времена княгини Ольги — правительницы молодого Русского государства и опекунши своего сына и внуков — давно прошли и были забыты христианолюбивым народом. Не могло быть речи в XI в. о каких-то «поляницах» — русских девушках. Это, несомненно, были молодые половчанки. Характерно, что былинный Добрыня Никитич встретил «поляницу» в «чистом поле», т. е., видимо, в степи, сидящей на добром коне. Победив Добрыню, «поляница» сунула его в кожаный мешок, притороченный к седлу. Это тоже, несомненно, кочевнический образ, тем более что девушка не ранила Добрыню, а «сдернула» его с седла, что также

является типичным приемом кочевников. В былине «поляница» названа дочерью короля «ляховецкого» Настасьей Никуличной, однако следует помнить, что имя половцев уже давно стерлось из памяти народной, женские тюркские имена не были распространены на Руси и не попали в эпос. Добрыня, после того как был извлечен из кожаного мешка под угрозой позорной смерти («на долонь кладу, другой прижму и в овсяный блин да его сделаю»), согласился жениться на «полянице», и когда привез ее в Киев, то прежде всего девушку «привели в верушку крешеную». Таким образом, она прошла обычный путь девушки-половчанки, взятой из степи замуж за русского князя или простого воина: ее прежде надо было окрестить (дать ей христианское имя), а потом уже вести под венец. Свадебные обряды в степи включали в себя и единоборство жениха с невестой (Липец, 1983). Поэтому можно думать, что не только Добрыня, но и все привозившие жен из степи проходили сначала через языческий свадебный обряд, а по прибытии на родину — подтверждали его церковным браком.

Следует сказать, что женщины в половецком обществе пользовались большой свободой и почитались наравне с мужчинами. Женщинам-предкам сооружались святилища. Многие женщины вынуждены были в отсутствие своих мужей, постоянно уходивших в далекие походы (и погибавших там), брать на себя заботы по сложному хозяйству кочевий и по их обороне. Так и возникал в степях институт «амазонок», женщин-воительниц, сначала запечатленных в степном эпосе, песнях и изобразительном искусстве, а оттуда перешедших в русский фольклор.

Итак, в 30-х годах XII в. закончился еще один период истории половцев в южнорусских степях. Основной его особенностью было формирование более или менее крепких объединений орд и появление в степях «великих ханов» — глав этих объединений. Не все они упомянуты в русской летописи, так как менее воинственные ханы обычно не привлекали внимания современников. Как мы видели, хорошо были известны в то время Боняк, Тугоркан, Шарукан, а также, несмотря на отсутствие сведений об их участии в военных действиях против Руси, ханы Осень и Бегубарс.

Первые объединения были рыхлыми, часто распадались, вновь образовывались в новом составе и на другой территории. Эти обстоятельства не дают нам возможности точно определить местонахождение владений каждого великого хана и тем более каждой орды. Относительная стабилизация, вернее, определенность сложилась в степях позднее — во второй половине XII в. Однако для того чтобы последовательно рассмотреть этот период, необходимо вернуться к судьбам печенего-торческих орд, оставшихся в степях после прихода в них половцев, поскольку они играли весьма активную роль в жизни как степных кочевников, так и населения южных русских княжеств.

Глава 5 Черные клобуки и «дикие половцы»

В главе о печенегах и гузах история их жизни в восточноевропейских степях прервана на времени появления здесь первых половецких группировок. Вместе с приходом половцев начался новый период существования этих двух этносов в южнорусских и более западных (придунайских) степях.

Часть их, как уже говорилось, влилась в половецкие (куманские) союзы орд и продолжала первое время кочевать на прежних землях. Однако доля этих федератов* в половецких объединениях была, видимо, нелегкой. Половцы гоняли их в походы, отнимали лучшие кочевья, требовали абсолютного подчинения и забвения собственного имени и, вероятно, языка. Все это вместе взятое способствовало тому, что значительное количество торческих (гузских) и печенежских орд начало откалываться от половцев и отходить к границам оседлых государств под их покровительство и защи-

* Федератами в Римской империи называли варварские племена, поступившие на военную службу к римлянам. За это они получали пограничные земли для поселения и жалование. В данном случае термин употреблен в более широком смысле. — *Прим. ред.*

ту, предлагая взамен прежде всего пограничную военную службу.

Традиция создания таких «заслонов» кочевниками от кочевников возникла в древности. В эпоху раннего средневековья хорошо известны наемные группировки «южных хунну», а позднее — тюрков (ту-гю) вдоль северных границ Китая, тюркские разноэтничные группы у границ Ирана, гуннские и аварские — на северном пограничье Византии и т. д.

В начале XI в. Византийская империя приняла и поселила орды печенегов на свободных землях северных провинций. Однако, как мы видели, печенеги не были удовлетворены и поэтому всей массой двинулись на юг — на основную территорию империи. В результате огромное количество их было уничтожено. Только незначительная часть была расселена в Западной Болгарии. Иная судьба была у печенегов, обратившихся к Венгерскому королевству (Расовский, 1933). Активное проникновение их в Венгрию началось еще в первой половине X в. при короле Золтане, поселившем их на северо-западном пограничье и женившем сына, королевича Токсона, на знатной печенеженке. Став королем, Токсон продолжил печенегофильскую политику отца. Он принял ко двору хана Тонузобу, приведшего ему на службу целую орду, которой дали кочевья вдоль северной границы страны — на Тисе. Мало того, венгерские источники упоминают еще двух ханов — Билу и Баксу, перешедших на службу к Токсону. Им был отдан во владение город Пешт. При сыне Токсона в конце X в. в Венгрию пришли еще несколько печенежских ханов со своими ордами. В результате не только пограничные, но и центральные области королевства были заселены печенегами, довольно быстро начавшими сливаться с венграми, принявшими вместе с ними католичество и к концу XI в. ни по культуре, ни по языку не отличавшимися от основного населения страны.

Таким образом, помимо оставшихся с половцами печенегов, огромное их количество откочевало в Подунавье и на Балканский полуостров. И только небольшая их часть разделила судьбу торков (гузов). Эти последние после разгрома их Всеволодом Ярославичем с братьями в 1066 г. и, видимо, последующей затем постоянной войной с полов-

цами, старавшимися освободить для себя как можно больше пастбищных угодий, были предельно ослаблены и деморализованы. Неприкайнные блуждания по степям привели наконец к тому, что примерно в конце 70-х — начале 80-х годов XI в. они обратились к киевскому князю с просьбой предоставить им пограничные области для поселения и кочевков.

К сожалению, в летописи не сохранилось рассказа об этом событии. Возможно, объясняется это тем, что проникновение торков и печенегов в пограничье не было единовременным, а происходило постепенно, путем заключения частных мелких договоров русских князей с отдельными семьями (аилами) или куренями. Характерно, что процесс этот протекал далеко не мирно и неоднократно прерывался прежде всего из-за недовольства кочевников, претендовавших, видимо, на большие территории и предъявлявших князьям непомерные требования. Об одной из таких стычек упоминает летописец под 1080 г.: «...заратишася торци переяславстии на Русь, Всеволод же посла на не сына своего Володимера, Володимер же шед побив тороки...» (ПСРЛ, II, с. 196). Сообщение это представляет интерес не только из-за факта попытки какой-то части торков бороться с самим киевским князем, но также и тем, что в нем подчеркивается существование именно переяславских торков. Ясно, что их расселяли широко по всему южному русскому пограничью: помимо переяславских, были и другие торки, что, несомненно, следует из сообщения летописи под 1093 г. о существовании на правом берегу Днепра, в Поросье, города Торческа. Наличие городка говорит уже о наметившейся у торков тенденции оседлости, а значит, в Поросье они пришли, во всяком случае, лет за 10—15 до основания собственного укрепленного поселения.

Поросьем в русской летописи именуется участок лесостепи, ограниченный с юга правым притоком Днепра — речкой Росью, с севера — Стугной. В X в. этот район (примерно 80 × 150 км) был нейтральной полосой между русскими землями и кочевьями печенегов. Ярослав присоединил Поросье к Руси. Эта река была для кочевников и без укреплений довольно сильным препятствием, но еще большим «засло-

ном» от степи были для Поросья окружающие его с юга, юго-запада и севера большие леса, через которые конница могла пробираться только по наезженным дорогам и опушкам. Территория Поросья, изрезанная небольшими речками, представляла собой огромное пастбище с прекрасной травой и великолепными водопоями.

В конце XIX — начале XX в. в Поросье были проведены буквально тотальные раскопки курганов и курганных могильников. Основным их исследователем был генерал Н. Е. Бранденбург. Оказалось, что в подавляющем большинстве курганы принадлежат кочевникам. Обряд погребения дает возможность говорить, что в основном это были захоронения торков (гузов) и печенегов, датирующиеся XII — началом XIII в. При картографировании погребений удалось даже наметить территорию, занимаемую преимущественно печенегами (на Россаве), а данные летописи позволили разместить в Поросье и остальные упомянутые в нем этносы (см. ниже).

На степном пограничье Переяславского и Черниговского княжеств также селились кочевые орды, предавшиеся русским князьям, но пока ни кочевнических могильников (как в Поросье), ни даже отдельных курганов здесь не обнаружено. Однако исследователи древнерусского пограничья в ряде случаев весьма убедительно связывают некоторые районы с местами расположения кочевнических стойбищ. Так, на правом берегу Сулы в среднем ее течении, на территории летописных городков-крепостей Варина, Пирятина, Кснятина, расположены участки пастбищ, покрытых характерной для выпаса коней и овец лугово-солончаковой растительностью. Еще в XVII в. один из таких участков на речке Сулице назывался «земля Чобановская», а в первой половине XIX в. на них располагались известные всей России конные заводы. Вот, очевидно, на этих пастбищах и пасли свой скот переяславские торки. Жили они, как и в Поросье, в близлежащих городках. Где располагались их кладбища, в настоящее время неизвестно. Такие же пастбища со слабозасоленными почвами выявлены и на черниговской границе у городков Всеволож, Уненеж, Бохмач и Белавежа — там, видимо, также обитали кочевые федераты княжеств (Моргунов, 1988).

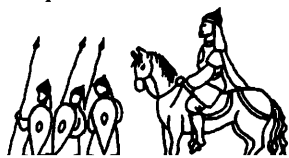

Итак, судя по первым летописным упоминаниям, основным этническим компонентом кочевых федератов были торки, обитавшие на всем русском пограничье (на правом и левом берегах Днепра). С 1080-го до 1146 г. — года первого упоминания поросского кочевого союза черных клобуков — о торках говорится в восьми записях Ипатьевской летописи. О печенегах, которые связываются летописцем только с Поросьем, упомянуто в семи записях. Третьим компонентом, о котором сказано в той же летописи всего четыре раза, были берендеи. Следует сказать, что о происхождении торков и печенегов летописец дает довольно подробную справку, о берендеях же до 1097 г., когда о них только вскользь наряду с двумя другими этносами упоминается в летописи, он не написал ничего. Откуда появляются они в Поросье почти одновременно с печенегами и торками? Поскольку в летописи сохранился рассказ об ослеплении князя Василька, главную роль в котором играл торчин по имени Берендя, ученые неоднократно, ссылаясь на это, приходили к выводу, что берендеи были торческим родом (курением). Это вполне возможно, так как в числе гузских родов арабские источники называли и род баяндур. Правда, по другим восточным известиям, баяндур был кипчакским родом. Как бы там ни было, но берендеи распространились по Руси очень широко. Помимо Поросья, они заселяли даже один из районов во Владимиро-Суздальской земле, о чем свидетельствуют сохранившиеся топонимические наименования: Берендеева слобода, станция Берендеево, Берендеево болото. Очевидно, попали они сюда в период войн Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского за стол в Киеве, т. е. уже значительно позже первых десятилетий пребывания их на землях, предоставленных им русскими князьями.

Следует сказать, что в формировании кочевнического заслона большую роль сыграл все тот же деятельный, умный и дальновидный русский князь Владимир Всеволодич Мономах. Во всяком случае, все первые упоминания об этих кочевниках связаны с его именем. Мы уже говорили, что начало процесса образования заслона относится к концу 70-х годов и что длился он продолжительное время, в течение нескольких десятилетий русское пограничье пополнялось но-

выми куренями, откочевывавшими сюда из половецкой степи. Еще в 1103 г. после победы русских войск над половцами на реке Сутин (на обратном пути) Владимир, помимо половецкого полона, взял в степи и привел на Русь «печенеги и торки с вежами». То же, очевидно, произошло и в 1117 г. после ухода «беловежцев» с Дона на Русь. Беловежцы, как известно, основали городок-крепостицу на Черниговском пограничье, окружив ее своими прежними союзниками печенегами и торками, разбитыми половцами у старой Белой Вежи в 1116 г. Очевидно, поселяясь в пограничных землях, кочевники могли не только кочевать круглый год по небольшой отведенной им территории, но и переходить по маршрутам с зимников на летники. Однако в основном они вели уже оседлый образ жизни и пастушеское хозяйство с преимущественным развитием коневодства и овцеводства. При этом вряд ли они были склонны заниматься земледелием в той конкретной сложившейся на пограничье обстановке. Дело в том, что они жили там вперемешку с русским земледельческим населением. Так, хорошо известно, что еще Владимир Святославич, сооружая укрепления по Устрье, Трубежу, Суле и Стугне, населял их «лучшими мужами» из словен, кривичей, вятичей и даже чуди. То же делал и Ярослав, ставя крепости по Роси. Н. Е. Бранденбург и другие археологи, помимо кочевнических курганов, обнаружили и раскопали там несколько курганных могильников, принадлежавших славянскому населению. Экономический симбиоз этого населения, занимавшегося, конечно, земледелием вокруг заселенных ими городков, с недавними кочевниками, достаточно искусными скотоводами, составлял характерную особенность хозяйства южных пограничных районов.

С князьями, выделившими земли торкам, печенегам и берендеям, в первые десятилетия заселения этих земель отношения были очень неровные. Кочевники стремились, естественно, к федеративности, дающей им самостоятельность и фактическое равноправие с русскими княжествами. Этого ни в коей мере не желали допустить князья и прежде всего Владимир Мономах. Мы уже говорили, что, будучи еще молодым княжичем, он по поручению отца приводил к повиновению взбунтовавшихся торков, это повторилось

и в 1121 г., когда он вновь прогнал кочевников из Руси: «прогна... берендичи... а торци и печенези сами бежаша» (ПСРЛ, II, с. 286). Очевидно, действия Владимира были весьма суровыми, если кочевники сами — без нажима — ушли от разгневанного князя.

Единственной формой взаимоотношений, которых добились и требовали русские князья, были вассальные. Часть кочевников принимала эти условия: за пожалованную землю они становились вассалами сюзеренов — Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств. В 1126 г., когда умер Владимир, половцы пошли в поход на Переяславскую землю со специальной целью захватить торческие вежи. Отсюда следует, что в 1121 г. не все торки «убежали» от Владимира. Сообщение это интересно еще и тем, что в нем указано точное местоположение торческих веж — у городка Баруча, стоявшего севернее Переяславля примерно на 20 км, а также тем, что во время набега торки вместе с русскими укрылись за стенами этого городка.

Далее в течение четверти столетия эти кочевнические соединения почти не фигурируют на страницах основных русских летописных сводов. Исключением является краткое упоминание о печенегах, когда в 1142 г. во время распри Всеволода Ольговича с братьями этот князь использовал их в качестве дополнительной силы.

Только с 1146 г. начались почти ежегодные записи о действиях поросских вассалов киевских князей, объединенных, судя по записи этого года, в новое образование, названное летописцем «черные клобуки». Запись особенно интересна потому, что в ней черные клобуки уже явно выступают в качестве вассалов Изяслава, княжившего тогда на киевском столе: «...и ту прислашася к нему чернии клобуци и все Поросье и рекоша ему: ты наш князь, а Ольгович не хотим; а поеди в борзе, а мы с тобою» (ПСРЛ, II, с. 328).

Особенно выразительно подчеркивается роль киевского князя в качестве черноклобуцкого сюзерена в лаконичном сообщении летописца о смерти князя Изяслава Мстиславича в 1154 г.: «...и плакася по нем вся Руская земля и вси чернии клобуци и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци...» (ПСРЛ, II, с. 469).

Итак, за предоставленные в Поросье земли черные клобуки обязаны были киевскому князю военной службой. Годы последующего полувека они верой и правдой служили ему. Войны киевский князь вел с наседающими на южные границы княжества половцами и со всеми князьями, посягавшими на Киев и на «великий стол». Причем следует сказать, что они присягали не отвлеченному «киевскому князю», а вполне конкретным лицам, сидевшим на киевском столе. Особенной популярностью пользовался Изяслав. В борьбе с Юрием Долгоруким он не раз терял Киев, но черные клобуки оставались ему, как правило, верными вассалами. Правда, Ростислав Юрьевич, приехав в Суздаль к Юрию в 1149 г., уговаривал последнего скорее выступить против Изяслава, мотивируя это тем, что «слышал есмь, оже хочеть тебя вся Руская земля и чернии клобуки» (ПСРЛ, II, с. 373). Но это были только слухи, усиленные интригами Ростислава. На деле же в 1050 г. к Изяславу «приехала... вси чернии клобуки с радостью великою всеми своими полки» (ПСРЛ, II, с. 396). В течение всей этой напряженной борьбы черные клобуки только один раз действительно изменили Изяславу; испугавшись Юрия, они предложили своему сюзерену: «Княже! сила его велика, а у тебя мало дружины... не погуби нас, ни сам не погибни, но ты наш князь, коли силен будеши, а мы с тобою, а ныне не твое время, поеди прочь...» (ПСРЛ, II, с. 401). Изяслав отступил, но уже в том же году сделал попытку вновь захватить Киев. В результате именно с их поддержкой и, конечно, с помощью самих киевлян Изяславу удалось победить тогда (в 1151 г.) Юрия и сесть на киевский стол.

После смерти Изяслава на освободившийся стол сел князь Ростислав, и летописец специально отмечает: «...быша ему ради все, и вся Руская земля и вси чернии клобуки обрадовашася» (ПСРЛ, II, с. 470). Видимо, это означало, что они присягнули на этот раз Ростиславу. И, надо сказать, в целом вновь верно служили своему киевскому сюзерену. Только наиболее многочисленная из входивших в союз черных клобуков орд — берендей — иногда начинала «политическую игру» самостоятельно, всячески стараясь соблюсти прежде всего свою выгоду. Так, уже при преемнике Ростислава

князе Мстиславе, которому они также присягали, против него пытался бороться его брат Владимир. Дружина отказалась поддержать притязания Владимира, и он обратился к берендеям, встретив их вежи «ниже Ростовца» (в районе истоков Роси). Берендеи сначала согласились за известную мзду помочь князю, но затем, поразмыслив, отказались, сказав: «Се ездеши один и без мужии своих (без дружины. — *С. П.*), а нас прельстив, а нам лучше в чюжую голову, нежели в свою» (ПСРЛ, II, с. 536), т. е. пусть в битвах погибают другие, а не берендеи. Затем они начали стрелять в князя и даже ранили его двумя стрелами, после чего раздосадованный Владимир посетовал: «...не даи бог поганому веры яти николиже, а яз уже погинул и душою и жизнью» (ПСРЛ, II, с. 537). Однако, как мы видим по свидетельству летописца, верить клобукам было можно — они были значительно более честными вассалами, чем русские феодалы-князья, которые сразу же после «целования креста» начинали плести интригу и напускать на русскую землю полчища союзников-половцев. Итак, во второй половине XII в. киевский князь распоряжался Поросьем как одним из своих наиболее верных уделов, население которого всегда было готово к походам и обороне.

Несмотря на то что с 40-х годов XII в. все кочевники, жившие в Поросье, объединились в союз, т. е. сделали первый шаг в формировании нового этнического образования, они фактически на протяжении всего своего существования в Поросье твердо помнили, к какой первоначально этнической группировке принадлежала каждая орда. Мало того, постепенно выросло количество этнических наименований, входивших в черноклобуцкий союз, а также и кочевого вассального населения, обитавшего по окраинам Переяславского и Черниговского княжеств.

Помимо торков и берендеев, очень часто упоминающихся в Ипатьевской летописи как самостоятельные, отдельно действующие объединения и после создания союза, летописец называл также печенегов (1151 и 1162 гг.), коуев (1151, 1162, 1170, 1185 гг.), турпеев (1150 г.), каеничей (1160 г.), бастиев (70-е годы). Последнее наименование особенно интересно, поскольку благодаря последовательным летописным запи-

сям о них удалось проследить процесс сложения этой этнической группировки. Так, в первых записях упоминается вычленившаяся из берендеевской орды «бастеева чадь», т. е. большой аил богатого бая или даже хана Бастия. Позднее летописец говорит уже просто «бастии».

Этот процесс выделения из большой массы новых малых этнических образований, получавших имя от главы семьи или куреня, был, видимо, характерен для степняков. Этим путем шло формирование многих степных группировок, неожиданно возникавших на страницах средневековых хроник. Представляется весьма вероятным, что именно так выделились из торческих орд берендеи. В 1097 г. в летописи говорится о торчине Береньде. Ясно, что не этот Береньдя был основателем многотысячной орды берендеев, поскольку он служил всего-навсего «овчухом» у князя Святополка, но факт существования этого имени у торков можно считать установленным, а потому не исключено, что аил какого-то богатого и знатного Береньди стал ядром многочисленных сильных и чрезвычайно активных политически берендеев. После изгнания их Владимиром Мономахом в 1121 г. с занятых ими пограничных земель они вновь появляются на летописных страницах только спустя восемнадцать лет: летописец записал, что в междоусобице Ярополка с Всеволодом Ольговичем на помощь Ярополку пришло 30 тыс. берендеев, посланных королем Венгрии. Вполне возможно, что это была та же разросшаяся на дунайских пастбищах орда. Нуждающийся в помощи киевский князь вновь предоставил ей для пастбищ земли в Поросье, и с тех пор берендеи стали самой дееспособной частью вассальных Руси кочевников. Надо сказать, что сообщение 1139 г. о берендеях представляет ценность еще и из-за того, что это одна из немногих в русской летописи количественных характеристик участвовавших в походах кочевников. Обычно летописец употреблял эмоциональные определения: «множество», «мнози» и «аки борове». Совершенно очевидно, что, называя такую значительную цифру, летописец имел в виду не количество воинов, а численность всей берендеевской орды. Демографические расчеты показали, что примерное соотношение воинов к остальной массе населения в эпоху средневеко-

вья равняется 1:5. Если допустить, что из Венгрии пришло 30 тыс. воинов, то можно предположить, что всего берендеев было не менее 150 тыс. Но это вряд ли возможно: территории в Паннонии и в Поросье были очень небольшими, и на них не могло поместиться такое громадное количество населения, причем нужно помнить, что его сопровождали стада, без которых кочевники не могли существовать.

Выше мы говорили о том, что Анна Комнина писала о 30 тыс. печенегов (с детьми, женщинами, стариками), взятых в плен императором Алексеем Комниным после победы над ними. Учитывая, что большинство печенежских воинов погибло в битве, всего печенегов было не более 35 тыс. Видимо, мы можем уверенно говорить, что 30–40 тыс. — средний размер любой кочевнической орды.

В дальнейшем в Ипатьевской летописи еще дважды говорилось об участвовавших в военных походах берендеев: в 1172 г. — 1500 воинов, в 1184 г. — 2100. Это, как мы видим, вполне реальные цифры, исходящие из действительного количества берендеев, живших в Поросье, поскольку очевидно, что в обоих случаях (частных набегах на половцев) берендеи выставляли не весь имевшийся в их распоряжении воинский контингент, равный, видимо, 5000–6000.

Берендеи занимали в Поросье довольно большие территории. Судя по сообщениям летописи, они располагались в верховьях Роси, вокруг русского города Ростовца. Там находились их вежи и даже небольшие городки, вероятно, не очень сильно укрепленные, так как в 1177 г. шесть «городов берендичь» были легко взяты половцами, которые очень редко брали города, хотя и часто осаждали их. Кроме того, берендеи упомянуты еще в 1105 г., т. е. до изгнания их Владимиром, в описании половецкого похода на Заруб: «...пришед Боняк зиме на Зарубе и победи торки и береньдее». Их вежи стояли вперемежку в долине Днепра, по которой проходила дорога на Заруб. По пути Боняк взял их.

Мы уже говорили, что печенеги обжили земли в верховьях Россавы (левого притока Роси). Торческие владения располагались в центральных районах Поросья. Там уже в конце XI в. возник на древнем скифском городище город Торческ. Кочевники вообще, оседая, любили использовать более древние

укрепления для своих поселений. Обычно они только немного подновляли их и ставили на древние валы деревянные, обмазанные глиной частоколы. Так произошло и с Торческом. Скифские городища обыкновенно были очень большими. Торческ располагался по всей площади древнего городища и был, безусловно, крупным средневековым поселением, однако заселен он был негусто, постройки были легкие, наземные — скорее всего войлочные юрты. Размещены они были в городе не улицами, а «гнездами» (дворами). Каждое «гнездо» принадлежало, видимо, одной большой семье — аилу, или чади, как называет их летописец. Один двор от другого был отделен иногда довольно значительным свободным от застройки пространством, поскольку известно, что скотоводы наиболее ценный скот (породистых коней) и молодежь предпочитали держать поблизости от своих жилищ. Видимо, каждый двор, принадлежавший большой семье, именовался летописцами «вежей». Вежи ни в городе, ни в степях никогда не были специально укреплены какими-то фундаментальными сооружениями, но для них, как правило, было характерно расположение юрт по периметру круга, в центре которого ставили юрту главы семьи. По внешнему периметру круга в степи нагромождали связанные между собой телеги, а в городе, возможно, могли ставить плетневые загородки, аналогичные тем, которые плетут вокруг двора (база) казаки. Таким образом, русские недаром называли аильные дворы вежами, т. е. укреплениями. Пробраться внутрь вежи-двора было, вероятно, весьма затруднительно.

Торческие вежи были разбросаны и за пределами торческих укреплений, так как, занимаясь пастбищным скотоводством на сравнительно небольшой территории, скотоводы были вынуждены и летом, и зимой постоянно быть при своих стадах, перегоняя их с места на место, чтобы трава на пастбищах не выщипывалась и не вытаптывалась полностью и пастбища способны были «самовосстанавливаться».

Коуи — четвертое по величине (и значимости) этническое соединение, входившее в союз черных клобуков. Местоположение их веж и пастбищ в 50–70-е годы XII в. устанавливается только косвенно. Дело в том, что они постоянно выступают вместе с горками, берендеями и печенегами

в составе черных клобуков. Поскольку этот союз образовался и локализовался на территории Поросья, то логично предположить, что коуи жили там же, где и остальные этнические группировки этого союза. Однако под 1185 г. летописец неоднократно упоминает особую группу этого этноса, названную им «коуи черниговские». Следовательно, помимо Поросья, коуи раскинули в то десятилетие свои вежи и пастбища и в Черниговском княжестве: на его границах и, возможно, даже частично в окрестностях самого Чернигова — по широкой деснинской пойме.

Что касается турпеев и каепичей, то оба эти небольших этноса обитали, видимо, на переяславско-черниговском пограничье, поскольку упоминаются в летописи в связи с военными действиями, ведшимися князьями друг против друга именно на территории этих княжеств. Иных, более веских свидетельств о месте их обитания у нас нет.

Следует сказать, что, помимо этих перечисленных в Ипатьевской летописи этнических группировок, вассальных Руси, мы можем считать вслед за крупным советским тюркологом Н. А. Баскаковым какими-то формирующимися соединениями перечисленных в «Слове о полку Игореве» могутов, татранов, шельбиров, топчаков, ревугов и ольберов. Баскаков справедливо предполагает, что это названия большесемейных коллективов (айлов), таких же, какой была Бастеева чадь (Баскаков, 1985, с. 128–137). Под 1159 г. в летописи упоминается Олбьерь (Ольбер?) Шерошевич (дружинник князя Мстислава). Это подтверждает гипотезу Н. А. Баскакова о том, что в «Слове» действительно перечислены производные от имен собственных названия отдельных вассальных айлов. Из них при благоприятных обстоятельствах могли сложиться и более крупные объединения. Перечисленные в «Слове» семьи принадлежали, вероятно, наиболее богатым вассалам черниговского князя, уже начавшим выделяться из общей массы вассальных пограничных скотоводов, вполне возможно — из среды коуев или торков.

Таким образом, сложный процесс этнообразования постоянно протекал и волновал не только вольные стенные объединения, но и уже полуосевших или даже полностью

осевших кочевников. Характерно, что этот процесс заключался не только в слиянии мелких групп, но и в выделении из старого, давно сложившегося этноса небольших группировок, нередко перераставших в новые этносы. При этом культурные традиции, культовые обряды, общая бытовая культура менялись весьма незначительно. По существу, в Поросье, где было раскопано много кочевнических курганов, мы смогли выявить только два обряда: печенежский и торческий, мало отличавшиеся друг от друга (Плетнева, 1973). Оба народа хоронили своих покойников головами на запад, укладывая их на спину и сопровождая одновременно захороненным чучелом коня, от которого сохраняются обычно взнузданный череп, кости ног, отчлененных чаще всего по пястный сустав, и отпечатки шкуры с хвостовыми позвонками. Этот обряд свидетельствует о полном сохранении и культивировании в Поросье всаднических традиций. В них тонули те незначительные отличия, которые, очевидно, были и в обрядности, и в быту разных черноклобуцких этносов. Во всяком случае, археологически их уловить не удастся.

Все этнические процессы протекали в теснейшей взаимосвязи с экономическим развитием и социальными изменениями. Мы уже говорили, что с самых первых лет появления орд торков и печенегов в пределах русского пограничья кочевники вынуждены были резко изменить свою экономику, фактически перейдя от кочевания к оседлому пастушеству. Однако как в военной организации своих полков (всадники, лучники и пр.), так и в экономике и быту сохранялись прежние, выработанные столетиями традиции кочевничества.

Под 1155 г. в рассказе летописца о борьбе Изяслава и Юрия за Киев черноклобуцкие воины начали беспокоиться о безопасности оставленных ими на Роси семейств, и поэтому все они, вполне соглашаясь сложить головы за Изяслава и его родню, решительно заявили, что желают забрать «веже свое, и жены свое, и дети свое и стада своя и што своего всего, поидем же к Киеву» (ПСРЛ, II, с. 427), т. е. под защиту и под покровительство русских войск и города. И действительно, пришли в окрестности Киева «с вежами

и со стады и скоты их многое множество, и великую пакость створиша... монастыри оторгоша и села пожгоша и огороды вси посекоша» (ПСРЛ, II, с. 428). К сожалению, все это было неизбежно — семьи должны были жить, жечь костры и, главное, пасти скот. Это довело город до бедственного положения, но Изяслав благодаря скоплению разнообразных и многочисленных войск вокруг города одержал победу над Юрием, приведшим к Киеву половцев, которые даже «по стреле не пустили» и бежали в свою степь. Насколько известно из летописи, несмотря на несомненную помощь черных клобуков своему сюзеру, более такой дорогостоящей для киевлян ошибки киевские князья не допускали. Очевидно, в случае опасности черные клобуки поступали обычно так, как в 1150 г., а именно «жены своя и дети своя в городех затворише на Поросьи, а сами приехаша к Изяславу всеми своими силами» (ПСРЛ, II, с. 400).

Оба эти сообщения интересны тем, что они свидетельствуют, во-первых, о сохранении первичных бытовых форм существования (в вежах со стадами) и, во-вторых, о появлении и активном использовании оседлых укрепленных поселков (городков), т. е. о какой-то оседлости. С каждым годом все более и более крепили их связи с русским пограничным населением. В Поросье начал складываться быт, характерный впоследствии для казачества. Мужчины были всегда готовы к военным походам, на женщинах же фактически держалась вся экономика, а дети (мальчики) сызмальства воспитывались в духе удалства и всадничества. Связи с русским населением выражались прежде всего в обмене продуктами, получаемыми с основной отрасли экономики (скот меняли на хлеб). Кроме того, из русских городов в вежи шли некоторые предметы ремесленного производства, особенно часто гончарного. В печенежских и торчешских погребениях Поросья нередко попадаются обычные русские горшки. Безусловно, помимо предметов материальной культуры, «экспортировалось» в Поросье и христианство, однако здесь, среди сплоченных в единый, крепко связанный традициями союз, оно просачивалось тонкими струйками. Об этом свидетельствует устойчиво языческий погребальный обряд,

которого придерживались поросские пастухи вплоть до монголо-татарского нашествия.

Иначе обстояло дело с пограничным населением Черниговского и Переяславского княжеств. Кочевники растворились в русском окружающем населении значительно больше: археологически уловить их не удастся. По-видимому, подавляющее большинство торков и коуев приняли христианство, и их погребения ничем не отличались от русских и располагались на общих кладбищах. Так было, например, на кладбище около Белой Вежи (на Дону), где погребения кочевников помещены среди христианских беловежских и также были христианскими (иначе их не позволили бы совершить на христианском кладбище). Интересно, правда, что, видимо, на всякий случай в одну из могил сунули стремя, в другую (в засыпку) — голову коня, в третью — ноги коня и кое-какие вещички и т. д. Вероятно, и на границах Руси недавние кочевники, хороня своих родственников, делали то же, но христианские кладбища обычно не раскапываются, и поэтому обнаружить аналогичные следы язычества в христианском обряде археологи не могут.

Связанные крепкими вассальными отношениями с феодальным государством черные клобуки сами быстро феодализировались. Основу общества у них составляла большая семья (аил), называемая русскими летописцами чадью. В нее входили как кровнородственные члены, так и их слуги из других обедневших семей и даже домашние рабы. Богатые семьи достигали очень больших размеров и превращались, как мы видели выше, в новые этнические единицы. Чадь была не только социальной формой существования, но и в большей степени важнейшей экономической организацией, поскольку вести пастушеское хозяйство было выгоднее большим коллективом. Необходимость таких коллективов усугублялась тем, что все молодые мужчины каждой семьи были всегда обязаны принимать участие в любой войне сюзерена, т. е. у них не было возможности постоянно участвовать в хозяйственной деятельности семьи. Несомненно, существовало сильное экономическое расслоение внутри черноклобуцкого союза. Оно прекрасно выявляется археологами при анализе инвентаря, обнаруженного в могилах вме-

сте с покойниками. Прежде всего бросается в глаза различие захоронений с останками коня и без них.

Те и другие погребения синхронны и произведены под курганами, т. е. по языческому обряду, поэтому разницу в обряде можно уверенно объяснять имущественным неравенством захороненных. Покойники без останков коней, безусловно, принадлежали к беднейшей части населения. Многие из них сопровождаются небольшим ножичком, горшком и кресалом с кремешком. Иногда в них вместо конских частей (чучела) бросали уздечку, от которой сохраняются железные удила. Таких погребений в Поросье обнаружено около 25 процентов от общего числа раскопанных комплексов.

Погребения с чучелами коня далеко не все одинаковы по количеству, разнообразию и богатству сопровождающего инвентаря. Обычно состав находок очень ограничен: кроме оседланного и взнузданного чучела коня, с мужчинами помещались те же ножики, кресала, точила, а у женщин — серьги, зеркала, единичные бусинки и пр. К другой категории относятся погребения воинов с остатками луков и колчанами со стрелами. Третья категория погребений представлена мужскими захоронениями с полным набором оружия, т. е., кроме лука и стрел, в них помещены копыя и самое дорогое, обыкновенно передававшееся по наследству оружие — сабля. Самые богатые (единичные) погребения отличаются не только богатой отделкой оружия и сбруи (обычно серебряной чеканкой или резной костью), но и помещением в них оборонительных доспехов: железных шлемов, иногда сложных забрал в виде прекрасно выкованных личин, кольчуг, а также серебряных и золотых украшений и сосудов.

Таким образом, состав и качество находок позволяют нам говорить об очень четком разделении черноклобуцкого общества на несколько экономических и, очевидно, социальных категорий: безлошадных бедняков (пастухов), воинов-лучников, воинов тяжеловооруженной конницы и, наконец, воинов, принадлежавших к верхушке черноклобуцкой аристократии. Почти все категории черноклобуцкого общества и войска отражены в летописных записях. Лучники

названы «молодью». Обычно это действительно были молодые воины-стрелки, обязанностью которых в бою был первый обстрел вражеского войска и заманивание его ложным бегством в засады. Тяжеловооруженные воины назывались «лучшими мужами», во всяком случае, часть из них, происшедшая из наиболее знатных семей, относилась к этой категории общества. Аристократы, как и половецкие ханы, именовались князьями. Однако в летописи сведения о них почти не сохранились. Мало того, летописец вообще предпочитает не называть имен черноклобуцких воинов. Исключения единичны: это три берендея — Тудор Сатмазович, Каракоз Мнюзович, Карас Кокай (1159 г.), затем Бастий (1170 г.), Кульдюрей, Чурнай и Кунтувдей (1183, 1190, 1192 гг.). О последнем, названном определенно «торческим князем», в летописи сохранились некоторые сведения биографического порядка. В 1190 г. его по ложному навету взял и посадил в «погреб» киевский великий князь Святослав. Соправитель Святослава Рюрик отпустил торческого князя, поскольку, мол, этот «муж дерз и надобен Руси». Кунтувдей не стерпел «сороба» и бежал в степь к половецкому хану Тоглы. «Половцы же обрадовашася ему и почаша с ним думати, куда бы им выехать в Рускую землю» (ПСРЛ, II, с. 668—669). Первый поход Кунтувдея с половцами был направлен на поросский городок Чурнаев, который был взят и сожжен, а две жены Чурная и челядь его были взяты в плен, затем они направились к Боровому, но, узнав, что в Торческе сидит сын Рюрика Ростислав, повернули в степь. Судя по направленности этого похода, от которого фактически пострадал только Чурнай, можно думать, что именно этот князь, или «лепший муж», наклевбал на Кунтувдея и из-за него началась эта ссора сюзерена с вассалом.

Зимой хан Тоглий (Итогды) с Акушем и Кунтувдеем вновь обрушились на Поросье. Половцы с Тоглием во главе неожиданно от пойманного «языка» узнали, что Святослав с войском стоит у городка Кульдеюрева, и бросились в паническое бегство, а половцы, шедшие с Кунтувдеем, дошли до Товарого, но также вынуждены были отступить, причем лед на реке Роси проломился и из-за этого многие погиб-

ли и попали в плен, но «Кунтувдей утече», заключает летописец.

В 1192 г. все лето киевские князья простояли с войсками у Канева, сторожа свои земли. Видимо, Кунтувдей не давал возможности передохнуть ни одного месяца. Поэтому зимой этого года Рюрик послал за Кунтувдеем к половцам. Хан пришел с большой половецкой свитой. Дипломатичный Рюрик не позволил себе разгневаться на недоверие к его слову, он «половце одарив дары многими... и отпусти их восвояси, а Кунтувдея остави у себе и да ему горь на Рси Дверен, Руское земле деля» (ПСРЛ, II, с. 674). Так закончился конфликт. Рассказ этот интересен тем, что в нем неоднократно указывалось не только на существование городков, но и на принадлежность их определенным лицам: Кюльдурею, Чурною, наконец, герою повествования Кунтувдею, получившему во владение прекрасную русскую крепостицу. Таким образом, очевидно, что богатые черноклобуцкие аристократы предпочитали уже селиться в «городках», по-видимому, своеобразных феодальных замках, которые, судя по Чурнаеву, занимала одна семья (аил) данного хана или «лепшего мужа».

Итак, у черных клобуков прослеживается ясно выраженная социальная иерархия, совпадающая в их военизированном обществе с военной. Наверху стояли крупные аристократы, подчинявшиеся непосредственно князю главного города княжества. Характерно, например, что в 1185 г., собираясь в поход против Кончака, Игорь Новгород-Северский обратился за помощью к своему сюзерену — черниговскому князю, и тот дал ему «коув черниговских». Своей властью Игорь не мог взять их в свое войско. Следует сказать, что после образования разноэтничного черноклобуцкого союза в Поросье, видимо, сложилась довольно напряженная обстановка. Ханы трех основных орд — торков, печенегов и берендеев — неизбежно должны были бороться за первенство в союзе. Недаром, как мы уже видели, каждая группа стремилась выступать самостоятельно. Киевского князя такая неустойчивость вполне устраивала, так как объединенные под властью одного сильного хана черные клобуки сразу стали бы для Руси реальной опасностью. Поэтому некото-

рую разрозненность князя не только допускали, но и поддерживали. Однако им все чаще и чаще, особенно в борьбе с половецкой опасностью, необходимы были соединенные силы черных клобуков. В записи 1151 г. говорится, что сами черные клобуки захотели объединиться, причем не непосредственно под властью киевского князя, который в это время должен был организовать оборону Киева, а под властью его брата Владимира. Так впервые появился у черных клобуков свой русский князь, всегда находившийся в вассальных отношениях к киевским князьям. Юрий Долгорукий, захватив на несколько лет Киев, поставил в Поросье князя Василько. Поросское владение не было наследственным. Туда посылали наиболее верных Киеву бояр и молодых княжичей, как правило, на один или несколько походов (на несколько лет). Черные клобуки предпочитали этих молодых, энергичных и подвижных предводителей.

В 1172 г. они сказали великому князю: «Княже, не ездь, тебе лепо ездити в велике полку... ныне пошли брата которого любю и берендеев несколько...» (ПСРЛ, II, с. 556—557). Глеб послал после этого на половцев брата Михалко с сотней переяславцев и 300 берендеями. В 1185 г. Святослав и Рюрик послали воеводой к черным клобукам для походов на половцев боярина Романа Нездиловича, а в 90-е годы князем над черными клобуками был посажен сын Рюрика Ростислав. Он, очевидно, уже крепко осел в Поросье: его постоянным местожительством стал Торческ. Матерью Ростислава была половецкая — дочь хана Беглюка, взятая Рюриком в 1163 г.; поэтому естественна склонность этого князя к жизни в Поросье, в быту населения которого сохранились кочевнические традиции.

Надо сказать, что Поросье, с его своеобразным военизированным бытом, возможностью отличиться в боях, получить надежных союзников-побратимов среди черноклобуцкого населения, привлекало русских воинов всех рангов. В этом отношении очень интересно одно богатейшее поросское погребение, совершенное под курганом у села Таганча. В нем похоронен мужчина, ориентированный головой на запад, вместе с ним положена была целая туша коня. Инвентарь этого захоронения очень богат и разнообразен:

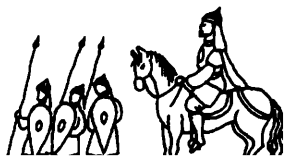

остатки узды и седла, сабля, копье, остатки щита, булава, кольчуга, шлем, серебряные накладки и серебряная чаша. Датируется погребение концом XI–XII в. Погребальный обряд явно языческий, несмотря на находку в могиле медальончика с изображением Христа. Однако считать это погребение принадлежащим какому-то богатому тюркскому воину мы не можем, потому что измерения его черепа показали, что это европеоид, длинноголовый, с признаками «средиземноморского типа». Характеристика черепа позволяет считать погребенного принадлежащим к русской княжеской семье (об этом свидетельствуют и скандинавская длинноголовость, и греческая средиземноморская примесь) (Плетнева, 1958, с. 185). Некоторое своеобразие инвентаря подтверждает его отличие от кочевнических погребений. Кочевники, в том числе и черные клобуки, не пользовались щитом, остатки которого найдены с воином из Таганчи, не было у них и булав. Необычна, конечно, и находка христианского медальончика, причем раннего, относящегося к X в., что, видимо, означает наследственное владение этим предметом в течение нескольких поколений. Погребение это вызвало множество гипотез. Особенно необычным казался языческий обряд, совершенный при захоронении русского князя в XII в. В настоящее время это уже не кажется столь невероятным, так как археологи обнаружили в Прикарпатье целую сеть языческих святилищ, датирующихся от XI до XIII в. включительно (Русанова, Тимошук, 1986).

Это важнейшее свидетельство чрезвычайной устойчивости языческих мировоззрений на Руси во всех слоях общества. Попадая в окружение язычников, даже русские князья, судя по Таганче, легко вновь обращались к язычеству, и поэтому черноклобуцкие соратники (а возможно, и жены?) хоронили их в соответствии со своим языческим мировоззрением. Таким образом, погребение это если и принадлежало не самому Ростиславу Рюриковичу, то, во всяком случае, такому же лихому князю, взявшему на себя трудные обязанности «промежуточного вассала» киевского князя в его взаимоотношениях с черноклобуцкими аристократами и воинами.

Выше уже говорилось, что поросские кочевники были участниками подавляющего большинства военных действий киевских князей. В 40—50-е годы это были междоусобные драки, в которых со стороны врагов киевского князя участвовали, как правило, половцы, поэтому уже тогда черноклобуцкие воины не только нажили себе в степях обозленных врагов, но и научились не бояться сражаться с ними. В 80—90-е годы русские князья постоянно организовывали походы на степняков, и их верными помощниками в этих походах были черные клобуки. Летописцу известно только два случая, когда те не пожелали биться с половцами. Первый раз это произошло в 1187 г., когда черноклобуцкие воины предупредили половцев о походе Святослава и Рюрика: «...даша весть сватом свом в половци». Поход был сорван. Второй раз черные клобуки в 1192 г. просто отказались идти на половцев «бяхуть бо сватове им сидяще за Днепром». Мотивировка в обоих случаях одна — в половецкой орде, на которую готовился поход, у черных клобуков были родственники — «сваты», т. е. совершенно очевидно, что они брали себе жен из половецких кочевий. Археологические данные подтверждают это: среди раскопанных печенежских могил встречаются женские погребения, принадлежащие, видимо, половчанкам. Кроме того, попадают там и мужские погребения, совершенные с целой тушей коня (около 15 процентов), что характерно для половцев, а следовательно, принадлежавших половцам, влившимся в разноэтничный черноклобуцкий союз.

Однако русские князья приобретали среди половцев вассалов не только в составе черных клобуков. Примерно в те же 40-е годы XII в., когда складывался в Поросье черноклобуцкий союз, в разных районах русского пограничья начали формироваться небольшие объединения (орды?), которые русский летописец называл «дикие половцы». Академик Б. А. Рыбаков предложил убедительную гипотезу о происхождении этих новых группировок. Он считал «диких половцев» остатками половецких орд, разбитых русскими в начале века; поэтому их и называли «дикими», т. е. не входящими ни в какие известные в степях крупные половецкие объединения. По характеру эти новые образования были ана-

логичны черноклобуцкому союзу, так как состояли из семей (аилов), вышедших из различных орд и не связанных друг с другом кровнородственными отношениями.

Летописные данные позволяют считать, что существовали две группировки «диких половцев». Первая группировка занимала земли, видимо, где-то в степном Подолье (между Осколом и Доном или на самом Дону). Эта группа политически была связана с князьями Черниговского княжества и с Юрием Долгоруким. Среди них были дядя князя Святослава Ольговича — Тюпрак и Камоса Осолуковичи. Связь эта была не только родственной, но и традиционной, поскольку еще в 1128 г. в летописи упоминается хан Селук (видимо, их отец), пришедший по просьбе Всеволода Ольговича к Вырю, т.е. на юго-восточную границу Черниговского княжества. Это косвенно подтверждает факт местоположения кочевий Селука и его сыновей в бассейне Дона. В 1149 г. Юрий, пройдя земли вятичей, подошел к старой Белой Веже, т.е. на нижний Дон. Оттуда, не дождавшись там половцев, Юрий направился к русской границе (опять-таки юго-восточной), и уже там к нему присоединились «дикие половцы». Через два года после этого Юрия снова поддерживали в его борьбе с Изяславом «дикие половцы», причем соединение их с русскими полками произошло на левом берегу Днепра — на южной границе Переяславского княжества. Следует отметить, что среди этих половцев, видимо, одним из военачальников был сын знаменитого Боняка — Севенч, погибший во время осады Киева. Этот факт представляет интерес потому, что Боняк, как известно, был ярым врагом русских князей (и Мономаховичей, и Ольговичей), а его сын, отколовшись, вероятно, в силу каких-либо причин от орды отца, стал «диким половцем», беспрепятственно грабившим в союзе с Ольговичами и Юрием Киевское княжество.

Помимо упоминаний о «диких половцах», явно связанных с юго-восточным пограничьем Руси, в летописи значительно отчетливее выявляется группировка, участвовавшая в «западных» походах в качестве союзников русских князей. Так, еще в 1146 г. Всеволод Ольгович в союзе с ближайшими родственниками и с Болеславом Лядским, а также «дики-

ми половцами» пошел на Галич. Им удалось зажечь «острог», но в открытом бою Всеволод потерпел неудачу и вернулся в Киев, где вскоре умер.

Можно, конечно, считать, что речь идет о «диких половцах», обитавших поблизости от черниговского пограничья и привлеченных Ольговичем в данный поход потому, что среди них было много друзей, в том числе хан Селук. Однако то обстоятельство, что Всеволод был тогда киевским князем, а также последующие сообщения летописи, свидетельствующие о «западном» направлении интересов какой-то части «диких половцев», позволяют все-таки полагать, что эта группировка обитала где-то на западе от Киевского княжества. В 1151 г. в летописи записано, что какие-то «дикие половцы» вместе с уграми (венграми) помогали киевскому князю Изяславу вести борьбу против Юрия и Ольговичей. Они же в 1159 г. должны были участвовать в планировавшемся киевским князем походе против Ивана Берладника, земли которого находились в Прутско-Днестровском междуречье. Князь ждал их на западной границе — у городка Мунарева. Ясно, что не донские «дикие половцы» были участниками этих событий.

Под 1162 г. в летописи сохранился рассказ о большом совместном походе князей западных княжеств (в частности, Галицкого) и черных клобуков на Киев — на одного из Ольговичей, захвативших после смерти Юрия киевский стол. «Дикие половцы» в этом походе были на стороне Ольговича — они «устрогоша рати» и предупредили князя о надвигающейся опасности. Видимо, узнать об этом походе «дикие половцы» могли только в том случае, если сами они занимали земли, находившиеся на пути или поблизости от пути этого собиравшегося войска. Эти земли находились, возможно, в междуречье верховий Буга и Днестра на южной окраине Галицко-Волынского княжества. Им мог принадлежать и раскопанный Н. Е. Бранденбургом Каменский могильник, прослеженный на котором погребальный обряд свидетельствует о сильной этнической смешанности хоронившего там своих родичей населения. В то же время преобладание явно половецких черт в погребальном обряде (камни в насыпях, восточная ориентировка, захороне-

ние целых туш коней) говорит как будто о преобладании в этой группировке половецкого этнического элемента. Появление на территории, занятой кочевниками, могильников является одним из важнейших признаков, подтверждающих возникновение здесь хотя бы относительной оседлости. Видимо, образ их жизни, экономика и социальные отношения были очень близки к черноклобуцким. Следует сказать, что «дикие половцы» не стали вассалами русских князей, они не селились на русских землях, а кочевали только поблизости от них как на востоке, так и на западе. Однако в середине XII в. примерно в течение двадцати лет они были союзниками русских князей в их междоусобных драках, причем, как правило, на стороне Ольговичей. Против половцев они не выступали ни разу. После 1162 г. «дикие половцы» 33 года не упоминались летописцем, хотя, судя по Каменскому могильнику, относящемуся ко второй половине XII в., продолжали жить на занятых ранее землях. О них «вспомнили» только в 1195 г., когда к власти в Киеве пришел князь Рюрик. Он начал свое княжение с миротворчества: сумел помирить всех князей и затем «роспусти дружину свою, и братию свою, и дети своя: и дикий половцы отпусти в вежи своя, одарив я дарами многими» (ПСРЛ, II, с. 690). Уже в следующем году мир кончился, Рюрик стал собирать силы для борьбы с Ольговичами и привлек диких половцев. Видимо, в этих событиях принимала участие опять-таки западная группировка. И это было в последний раз.

В заключение главы обратимся еще к одному степному наименованию, появившемуся на страницах летописи одновременно с черными клобуками и «дикими половцами». Это бродники — отряды вольных русских степных поселенцев, аналогичных казачеству, возникшему в степях на 500 лет позднее. Название «бродники» происходит от слова «бродить», близкого по смыслу тюркскому корню «каз» (кочевать), от которого образовалось слово «казаки». Для локализации месторасположения в степях броднических поселений в нашем распоряжении есть только косвенные данные. Бродники упоминаются, как правило, вместе с половцами, связанными с Черниговским княжеством (с Ольговичами).

Отсюда можно сделать вывод, что они жили где-то рядом с этими половцами, кочевавшими, как мы видели, в бассейне Дона. В археологических разведках, которые наш отряд вел на среднем Дону (в Воронежской области), были обнаружены остатки (скорее следы) нескольких кратковременных небольших поселков (почти кочевий), характеризующихся находками на них обломков типичных древнерусских горшков XII в. Не исключено, что эти поселки, расположенные в устьях маленьких правых притоков Дона, в скрытых от врагов и ветров овражках, принадлежали выходцам из Руси, бежавшим от притеснений боярства и князей, — бродникам. Возможно, что отдельные их группы находились не только на среднем Дону, но и в других, отдаленных от Дона районах степи. Вероятно, бродниками были основаны поселки, остатки которых, обнаруженные на нижнем Днепре и сопровождавшиеся обширными христианскими кладбищами, характеризуются находками обломков типичных русских сосудов. Последний раз в летописи они были упомянуты в кровавый 1223 г. как участники битвы на Калке. Характерно, что бродники вместе с половцами первыми дрогнули и начали отступать под напором врага. Они чувствовали себя гораздо ближе к кочевникам, чем к русским воинам. Видимо, к этому времени (через три поколения после первого упоминания) бродники в основной массе слились с половцами. Это естественно: в степь из Руси бежали мужчины, жен они брали не с далекой родины, а из ближайших кочевий, а следовательно, большинство их в начале XIII в. только на четверть были русскими. Впрочем, к тому времени и в самих половецких кочевьях было много таких же «квартиранов»: браки между представителями двух миров — русского и степного — были постоянными.

Итак, мы познакомились с двумя видами соподчинения кочевников на Руси. Один из них — вассальный — распространился широко во всех граничивших со степью русских княжествах. Союзнические, как бы «федеральные» отношения поддерживали с этими же княжествами «дикие половцы», а иногда в них вступали и бродники. Летопись сохранила сведения еще об одной форме использования

русскими князьями кочевнических воинов, преимущественно из числа рядовых пленников. На Руси они превращались в княжеских слуг. Под 1015 г. в летописи говорится о поваре князя Глеба «именем Торчин», который зарезал юного князя по приказу «окаянного Горесара». Аналогичные «грязные дела» поручались и Баидюку — «отроку» Владимира Мономаха, который пригласил Итларя в баню, где хана убили (1095 г.), и овчуху «торчину именем Береньди», выколовшему по приказу своего князя глаза князю Васильку (1097 г.). Все они относились, вероятно, к беднейшей части пленных воинов или даже захваченным вместе с вежами рядовым пастухам. Как мы видим, на Руси они исполняли обязанности слуг низших категорий: повара, овчуха, седельника. Был среди них и «отрок», т. е. самый младший, но все-таки дружинный «чин». Были пленными и «кошеи» — взятые на поле битвы главы семей (аилов, кошеи), не могущие по каким-то причинам выкупиться из плена. Эти своих не предавали. Так, в 1170 г. кошей Иславич попытался предупредить своих (правда, поздно!) о надвигающихся на них полках девяти русских князей. Таких «кошеев» можно было использовать только в междоусобицах. Там они, как и беднейшие пленные, не жалели русских (ни своих «господ», ни чужих). Иногда в летописи назывались имена тюркоязычных воинов, вероятно, перешедших на службу к князьям: «половчанин именем Куман» (1096 г.), Кулмей (1097 г.), Горепя и Судимир Кучебич (1147 г.), Олбырь Шерошевич (1159 г.) и др. Все это не пленные, презрительно именуемые общей кличкой «кошеи», а придворные и дружинники, которых князья направляли друг другу в качестве послов, которым поручали возглавлять часть войска. Но и этих как будто бы верных и проверенных придворных привлекали обычно только в межкняжеских распрях. В степи с ними не ходили.

Следует подчеркнуть, что начиная с середины XII в. в летописных записях уже не попадают тюркские имена отдельных придворных, слуг и воинов. Вероятно, это можно объяснить окончательно оформившимися вассальными отношениями с черными клобуками и другими кочевническими группировками, локализовавшимися на границах

Черниговского и Переяславского княжеств. Использование пленных потеряло необходимость, поскольку под рукой всегда были опытные и связанные вассалитетом отряды отважных всадников, всегда готовых идти в любой поход: как на соседнее княжество, так и на дальние степные кочевья половцев. Это было тем более нужно русским князьям, что вторая половина XII в. знаменуется постепенным укреплением половецких орд, расширением территории их кочевания, восстановлением сил после сокрушительных ударов Владимира и его сына Мстислава.

Глава 6 Орды в степях

Разбитые Владимиром Мономахом, находившиеся под постоянной угрозой новых сокрушительных походов (Мстислава и других русских князей) половцы утратили агрессивность и более чем на 30 лет потеряли инициативу в борьбе со своим основным соседом и врагом — Русью.

Прежнее деление на две основные группы (западную и восточную) сохранилось только номинально, скорее как намять о бывших когда-то сильными степных объединениях. Сохранение этой «памяти» обуславливалось, по-видимому, не прекратившимся еще процессом сложения в степях двух различных этносов: куманского и шары-кипчакского (половецкого), которые в XI в., как мы видели, фактически совпадали с политическими объединениями Боняка — Тугоркана и Шарукана — Сугра.

Попытаемся проследить сначала судьбу половецкого этноса в годы, последовавшие за смертью Владимира Мономаха. Восточная группировка пострадала от напора Руси в начале XII в. особенно сильно. Сам Владимир стоял на берегу «Дона» (Донца) и, как образно выразился летописец, «пил золотым шоломом Дон и приемшу землю их всю». Во вся-

ком случае, в донецкую лесостепь после этих ударов половцы уже никогда не подкочевывали.

Однако южнее, в степях на правых притоках Донца (Тор, Сухой Торец и др.), обосновалась, по-видимому, орда, возглавленная сыном Шарукана Сырчаном. Брат Сырчана Атрак (Отрок, как называет его русский летописец) со значительной частью некогда громадного объединения ушел с берегов среднего Донца в более южные области. Не исключено, что именно его воины разбили у Белой Вежи соединенные силы печенегов и торков в 1117 г. Во всяком случае, в 1118 г. несколько половецких орд, находившихся под властью Атрака, расселились в предкавказских степях. Именно в этом году к ним направил послов грузинский царь Давид Строитель, предложивший Атраку переселение его самого и части подчиненных ему подразделений в Грузию (Анчабадзе, 1960, с. 117; Лордкипанидзе, 1974, с. 97). Согласно данным грузинской летописи, с ханом Атраком пришло 40 тыс. половцев, в том числе 5 тыс. отборных бойцов. Грузинские ученые полагают, что в летописи указано только число половецких воинов, вместе же с семьями их было около 230—240 тыс. Цифра эта вполне реальна для всей предкавказской группировки. Там, на обширных кубанских пастбищах, она могла разместиться со всеми своими стадами. В то же время в Грузии на тех землях, которые им предоставил царь Давид, это было бы невозможно без нанесения непоправимых бедствий стране.

Поэтому представляется более вероятным, что Атрак перевел в Грузию через Дарьял (согласно русской летописи — в «Обезы, через Железные ворота») не все 40 тыс. подвластных ему воинов с семьями, а всего 5 тыс. (тех самых — «отборных», наличие которых специально подчеркивает грузинская летопись), т. е. примерно 25—30 тыс. человек. Естественно, что оставшиеся в Предкавказье 35 тыс. воинов, стоявшие «под рукой» Атрака, были неисчерпаемым резервом для грузинского царя во все время пребывания Атрака при его дворе.

Перешедших через Дарьял половцев Давид расселил по южному и восточному пограничью и в Картли, население которой было почти поголовно уничтожено во время

нашествий сельджуков. Как и все умные и деятельные правители, Давид использовал вассальных кочевников в борьбе как с внешними врагами — сельджуками, так и с внутренними — грузинскими феодалами, стремившимися к самостоятельности.

Половцы выполняли в Грузии те же обязанности, что и черные клобуки при киевском князе. Атрак стал придворным фаворитом. Его влияние опиралось не только на силу воинов, но и на родственные отношения с царем: он выдал за него свою дочь Гурандухт (Анчабадзе, 1960).

Атрак откочевал с Донца еще при жизни Владимира; когда же этот страшный для степняков князь умер, Сырчан послал об этом весть брату в Грузию. Летопись сохранила поэтический рассказ об этом и последующими затем событиями. Сырчан отправил Атраку своего любимого певца Орева и просил брата вернуться в родные степи: «Воротися, брате, поиде в земле свою». Предполагая, что Атрак может и не захотеть «своей земли», находящейся в непосредственном соседстве с сильным и опасным противником, Сырчан приказал Ореву: «Пои же ему песни половецкие... дай ему поухати зелья именем евшан» (ПСРЛ, II, с. 716). Песни должны были напомнить Атраку о воинской славе, а евшан (вид степной полыни) — запах детства и юности, прошедших в богатых степных донецких просторах. Действительно, Атраку, несмотря на прослушанные песни, не хотелось уезжать от сытой и роскошной жизни при грузинском дворе. Он колебался и отказывался. Тогда только передал ему Орев и траву евшан, понюхав которую Атрак воскликнул: «Луче есть на своей земле костью лечи, нали на чюже славу быти!» Так случилось, что в конце 20-х годов XII в. Атрак вновь подкочевал к берегам Донца. Думается, что он привел назад только свой «курень» — род и некоторое число воинов, не пожелавших расстаться с энергичным и воинственным ханом, способным возглавить грабительский набег как на соседнее русское княжество, так и на близлежащую орду. Тот же факт, что много половцев не последовало за Атраком и осталось в Грузии, подтверждается, в частности, сообщением грузинской летописи о брате «кипчакского царя», находившемся на службе у дочери Давида — царицы

Тамары. Это был, несомненно, один из членов семьи (аила) Атрака, скорее всего (судя по возрасту) его сын.

Сырчан ошибся, полагая, что жизнь в степях после смерти Владимира Мономаха будет более спокойной. Известно, что сын Владимира Мстислав «загна половцы за Дон и за Волгу, за Яик», т. е. он самым активным образом продолжал политику отца. Политика эта привела к перемещениям кочевий в степи — значительная часть половцев отхлынула от русского пограничья на восток и юг.

Так, под 1146 г. в летописи говорится об орде Ельтукове. В нее бежал Ростислав Ярославич из Рязани от сыновей Юрия Долгорукого — Андрея и Ростислава. Логично предположить, что это была ближайшая от Рязанского княжества орда, располагавшаяся, вероятно, где-то между Доном и Хопром. Далее, в следующем году (1147) в очередной русской междоусобице принимали участие воины из орды Токсобичей, подходившие на помощь к Дедославлю (на верхний Дон), а в 1152 г., поддерживая Юрия Долгорукого, добивавшегося в то время великого киевского стола, они же подошли к городку Ольгову под Курском. Видимо, орда Токсобичей кочевала на землях, наиболее близких к указанным летописью пунктам. Это могли быть степи в междуречье Донца и Дона. Там же у юго-восточного, слабо заселенного русского пограничья находилась еще одна орда, известная летописцу, — Отперлюеве. Вместе с Токсобичами они принимали участие в войне Юрия и ждали князя у Ольгова.

Юрий неоднократно пользовался, очевидно, помощью этих орд, только летописец уже не упоминал в других записях их названия. В 1149 г. Юрий сам направился в глубь степи за помощью. В летописи говорится, что он сначала пошел на вятичей, а оттуда, т. е. с верховий Дона, направился на юг «на Белувежу на старую и стояша у Бельвежи месяц». Мы знаем, где находилась старая Белая Вежа, бывший Саркел, — в нижнем течении Дона. В 1117 г. она была оставлена русскими и занята половцами, которые довольно долго использовали этот небольшой степной городок в качестве зимника. При раскопках археологи обнаружили остатки характерных для кочевников глинобитных жилищ в верхнем слое городища, относящемся к XII в. Следует сказать,

что далеко не все исследователи считают возможным так реконструировать путь Юрия из вятичей. Многие полагают, что Юрий подошел к Белой Веже, поставленной, видимо, выходцами с Дона на границе Черниговского княжества. Однако тогда непонятно, зачем летописец подчеркнул, что Белая Вежа «старая». Поскольку это был, видимо, зимник, а Юрий подошел к нему летом, ему пришлось ждать воинов этого кочевья, ушедших на летние пастбища. Юрий их так и не дождался и направился на Русь со своими полками, по дороге известив о походе «диких половцев», которые и присоединились к нему в «великом множестве». Для нас эта эскапада Юрия интересна тем, что дает возможность предполагать наличие еще одной группы, вероятно, орды половцев, занимавшей обширные нижнедонские степи вплоть до Приазовья.

Южнее их, по Покубанью, раскинула свои кочевья орда, ушедшая с Атраком. Пользуясь обильными пастбищами, соседством земледельческих народов, с которыми можно было торговать (а при случае и пограбить их), выходом к морскому портовому городу Тмутаракани, половцы этой орды начали быстро богатеть и через одно-два поколения заняли уже не только кубанские степи, но и земли восточнее их — почти до Каспия (Минаева, 1964).

Именно в эти десятилетия первой половины XII в. русские потеряли не только маленький, весьма важный городок — Белую Вежу, поскольку она была русским форпостом в половецких степях, но и контроль над всем Приазовьем и над его «столицей» Тмутараканью. Тмутараканское княжество постепенно превратилось для Руси в «землю неизвестную», как образно назвал ее позже автор «Слова о полку Игореве».

Несмотря на постоянный жесткий нажим со стороны русских князей, на частичные откочевки в восточные земли, на полную ликвидацию лесостепных стойбищ, основные силы «донских» половецких орд Сырчана и Атрака оставались на правобережье среднего Донца. Кроме сообщения летописца о возвращении в «родные» степи Атрака, прямых сведений об этой орде у нас нет. Поэтому особенный интерес приобретают данные, которые мы получили в результате изучения каменных половецких изваяний (Плетнева,

1974). Выше уже говорилось, что самые ранние типы статуй — стеловидные, плоские, со слабой детализировкой фигур или совсем без нее — сосредоточены в основном на среднем Донце, немного в Приазовье (на северном берегу) и на нижнем Донце. Следующая группа статуй характеризуется несколько большей объемностью, неизменным выделением головного убора и груди. Мы знаем, что основная масса половецких статуй — вполне реалистические фигуры с множеством разных подробностей в одежде, причёске и, главное, с прекрасно «проработанными» лицами. Естественно предположить, что в развитии от плоских стел к этим выразительным произведениям степного искусства была какая-то промежуточная ступень. Она и представлена, видимо, «объемными», несколько примитивными скульптурами второй группы. Очевидно, эти статуи появились в степях несколько позже первых и могут быть датированы примерно первой половиной XII в. Картографирование этого вида статуй дало весьма интересные и значимые результаты. Они, помимо территорий, на которых выявлены ранние типы статуй, встречаются на нижнем Дону и в Предкавказье (а это подтверждает данные летописи).

К сожалению, почти не сохранилось каменных изваяний (всех групп) в донских степях, на которых мы предположительно разместили орды Ельтукове, Токсобичей и Отперлюеве. Поэтому мы не можем подтвердить археологически нахождение там этих орд или вообще половцев первой половины XII в. Зато статуи «промежуточной» группы в довольно большом количестве обнаружены на левобережье среднего Днепра.

Очевидно, это означает, что одна или несколько небольших орд или даже куреней половцев (шары-кипчаков), возможно, непосредственно после разгрома их крайних западных орд Мономахом откочевали на юго-запад во владения куманской группировки. Поскольку никакой вражды между ними не было, а в конце XI в. Боняк и Шарукан заключили даже военный союз, перекочевка, видимо, на свободные (не занятые никем) пастбища не вызвала никакого сопротивления. Во всяком случае, всегда внимательные к степным делам русские летописцы ни разу не зафиксировали внутрен-

ние крупные столкновения между ордами. Под 1152 г. летописец писал уже о всей Половецкой земле, «что же их меж Волгою и Днепром». Эти крайние рубежи половецких кочевков соответствуют распространению половецких каменных статуй «промежуточного» вида и более ранним записям летописцев. О том, что на Руси очень четко представляли размещение собственно половцев, свидетельствует запись, сделанная летописцем под 1140 г.: «...прииде Половецкая земля и князи половецкыи на мир... к Малотину» (ПСРЛ, II, с. 308). Малотин находился в Переяславском княжестве; ясно, что половцы приходили сюда не с правого берега Днепра, а из среднечереповского левобережья. Поскольку говорится о всей Половецкой земле, вероятно, к приднепровцам присоединились донецкие и даже нижнедонские половецкие «князи».

Такова была сложившаяся в земле шары-кипчаков обстановка в 20—50-х годах XII в.

От Днепра на запад до Дуная степи были заняты кочевьями куманов. Русские летописцы предпочитали пользоваться единым наименованием, данным на Руси своим южным соседям, так как отлично понимали, что оба крыла мало отличаются друг от друга и, главное, представляют для Руси равную опасность. Надо сказать, что западные авторы тоже не делали различия при упоминании о половцах, только называли их всех куманами. Характерно, что в середине XII в. знаменитый арабский географ ал-Идриси (Рыбаков, 1980), рассказывая о Юго-Восточной Европе, разделит степи между Белой и Черной Куманьями. Зная о каких-то различиях двух группировок, он дал им также одно этническое название — куманы. Что касается других восточных авторов, то все они называли степи от Дуная до Урала кипчаками, не отмечая внутреннее членение кипчаков на разные намечающиеся этносы. Не исключено, что, чем дальше жили половцы в восточноевропейских степях, тем больше стирались различия, наметившиеся там в XI в.

В записях XII в. неоднократно упоминалась в летописи орда Бурчевичей. Представляется вероятным, что территория, занятая этой ордой, может быть локализована на речке Волчьей — притоке Самары (левом притоке Днепра),

поскольку название орды происходит скорее всего от тюркского *bögi* — волк (бурчевичи — волки). В этой связи интересен поэтический рассказ, помещенный в русской летописи под 1097 г., о волхвовании хана Боняка перед битвой на Вягре: «...и яко бысть полунощи и встав Боняк и отъеха от рати и поча волчьски выти» (ПСРЛ, II, с. 245). Так хан — жрец культа волка-покровителя — испрашивал у волков, которые, ответив ему, предсказали и обеспечили будущую победу. Боняк уверенно сообщил о ней, вернувшись в стан, своему союзнику князю Давыду. Очевидно, хан Боняк, ждущий покровительства волков, и орда, имеющая личным тотетом* волка, отчего и получила свое имя, связаны между собой: хан был главой этой орды. Как известно, соединение функций гражданских и культовых в руках одного человека характерно для периода перехода к классовому обществу, в данном случае от военной демократии к раннему феодализму.

В период, рассматриваемый нами в этой главе, Боняк был уже пожилым человеком: по самым скромным подсчетам, ему было в 20-х годах XII в. не менее 40—50 лет. Возглавленное им объединение рухнуло и разделилось на несколько довольно крупных орд. Одной из них была орда Бурчевичей, ханом которой он продолжал оставаться. Несмотря на то что орда эта крепко засела на левобережье Днестра, несмотря на влившиеся в нее курени половцев (шарыкипчаков), ее военная сила постепенно хирела синхронно со старением хана. Даже сын Боняка Севенч ушел из отцовской орды в «дикие половцы». Боняк прожил очень длинную жизнь. Сообщение о его гибели помещено в летописи только под 1167 г. — хану было тогда примерно 90—95 лет. К тому времени орда настолько ослабела, что потерпела поражение от удара удельного князька Черниговского княжества Олега Святославича, отправившегося в степь с малой дружиной за полоном и добычей. «Великий» хан умер, и только после его смерти началось медленное гражданское и военное возрождение орды. В конце XII в., как мы увидим ниже, мно-

* Тотетизм — вера в кровнородственные связи между родом и определенными растениями или животными, реже — явлениями природы. — *Прим. ред.*

гие ее ханы были известны на Руси, в мирных и союзнических отношениях с ордой были заинтересованы как русские киевские князья, так и половецкие ханы — главы соседних объединений.

Уже в XI в. вполне определилось местопребывание лукоморских половцев. Они были разбиты в первом большом походе русских в степь в 1103 г. Однако, судя по тому, что во второй половине XII в. Лукоморцы начинают играть весьма заметную роль в жизни степи, полностью эта орда уничтожена не была. К тому же находки каменных статуй «промежуточной» группы в районе предполагаемого расположения основного массива Лукоморцев на речке Молочной, впадающей в Азовское море, также свидетельствуют в пользу того, что жизнь здесь не замирала и в первой половине XII в. Правда, довольно длительное время орда, как и орда Боняка, оставалась безвестной. Она не принимала участия в военных действиях, и на нее — ослабленную и разбитую на айлы — не имело смысла ходить в походы (взять с разоренных айлов было нечего). Однако постепенно мирное существование приводило к экономическому укреплению входивших в орду куреней и айлов. И это, в свою очередь, привело к увеличению ее военного потенциала.

На западных от Приднепровья землях, помимо орды «диких половцев», о которой мы говорили в предыдущей главе, где-то в степях бассейна Буга локализовалась крупная куманская орда. Под 1159 г., видимо, именно об этой орде писал летописец. Русский приднестровский князь Иван Берладник, заключив военный союз с половцами (естественно, с ближайшей к нему ордой), ходил на «подунайские земли», взял там «товара много» и затем, по словам летописца, «пакостяше» галицким рыбакам, подойдя к галицким городам Кучелмину и Ущице. Однако он не разрешил половцам взять и ограбить эти городки, и обиженные кочевники отошли от него: «...разгневашся половци, ехаша от Ивана» (ПСРЛ, II, с. 497).

Второе сообщение под этим же годом также, видимо, касается этой орды. В нем даются немногочисленные, но весьма любопытные сведения. Во-первых, указываются размеры орды — 20 тыс. человек. Во-вторых, в тот год во главе ее стоял хан Башкорд. В-третьих, он назван отчимом вщижско-

го князька Мстислава Владимировича, «бе бо мати его бежала в половци и шла за него (Башкорда. — С. П.)» (ПСРЛ, II, с. 501). Летописец специально подчеркивает, что мать бежала в степь, т. е. второй раз вышла замуж «самоволкой». Это было нарушение установившихся за прошедшие сто лет отношений Руси с кочевниками. Русские князья никогда не отдавали своих дочерей замуж за ханов, хотя сами часто женились на знатных половчанках. В данном случае безотказно действовал неписанный закон средневековья: в тех случаях, когда кочевые правители стояли во главе сильных государственных объединений, владельцы соседних оседлых государств не только брали из степи жен, но и отправляли своих дочерей и сестер в жены степному властителю, подчеркивая этим свое равноправие с ним. Можно безошибочно судить о степени влияния кочевого объединения по тому, брали ли жен из него или вообще не рождались с ним и, что особенно существенно, отдавали ли в него своих родственниц. Так, не известно ни одного случая браков русских князей с дочерьми вассальных черных клобуков, переяславских торков или черниговских коуев. С «дикими половцами» и со всеми остальными половецкими ордами русские князья охотно рождались. Начиная со Святополка, взявшего за себя дочь Тугоркана в 1094 г., браки с половчанками стали, по-видимому, частым явлением среди русской знати и особенно князей, которым постоянно нужны были союзники и наемники в войнах. Характерно, что Святополк женился на дочери половецкого хана после сокрушительного поражения, которое он потерпел от будущего тестя. Несмотря на то что в момент женитьбы русский князь был слабее, он не отдавал в степь свою дочь или сестру, а, наоборот, брал из степи девушку. Этот акт был официальным признанием кочевых соседей в качестве достаточно самостоятельной и влиятельной «организации». Однако в целом сила и международный вес половецких ханов были значительно меньше, и ни один из них за все время пребывания в южнорусских степях половецких орд и объединений так и не смог получить в жены русскую княжну. Вот потому-то уникальная история матери Мстислава Владимировича и нашла отражение в летописной записи.

Интересно, что хан Башкортд вовсе не считал себя обязанным помогать своему «сыну», перейдя на сторону Изяслава, воевавшего в тот год с Мстиславом Владимировичем, а также с Владимиром и Ярославом, которые стремились выгнать его с киевского стола. В то же время и Мстислав не жаловал своего степного «родича». Когда половцы вслед за Изяславом отступили от осажденного Белгорода к Юрьеву, русские князья (в том числе и Мстислав) послали за ними в погоню берендеев «и много их изоимаша берендичи и гюргевици и ино их во Рси истопе» (ПСРЛ, II, с. 502). Очевидно, «самовольное» родство не признавалось ни в степи, ни в русских княжествах.

Западнее Буга отдельные степные районы Подунавья начали также осваиваться половцами-куманами (Голубовский, 1889). Есть сведения, что первая группа, или «волна», куманов осела в 90-х годах XI в. на реке Прай. Еще одна группировка кочевала в Добрудже. Вероятно, именно на них посылал Изяслав свои полки в 1153 г. на реку Сирет. Возможно, что половцы частично уже утвердились и на южном берегу Дуная. После смерти византийского императора Алексея Комнина (1118 г.), бывшего отважным воином и хитрым политиком, умевшим держать «варваров», с которыми приходилось сталкиваться, под своим контролем, половцы вторглись в Болгарию и заняли долину вокруг городка Видина, а в 1122 г. они разрушили город Гарван (древнюю Диногетию), также находившийся на левом берегу Дуная. В середине XII в. Оттон Фризенгентский писал, что половцы кочуют вместе с печенегами в Подунавье на востоке от Венгрии, за Трансильванией. Тогда же появилось в источниках упоминание об одном из нижнедунайских бродов, названном Куманским. Все это свидетельствует об активном освоении куманами придунайских долин и пастбищ. В конце XII в. русский летописец вполне определенно называл эту группировку Подунайцами (запись 1190 г.).

Какие же черты характеризуют половецкое общество, внутреннюю и внешнюю политику половцев в первой половине XII в.?

Прежде всего это очевидное разделение половецкого и куманского объединений на разрозненные самостоятельные орды. Каждая орда имела определенную террито-

рию кочевания. Во главе орды стоял правящий род — курень, в котором выделялась семья (аил, кош) главного хана. Наибольшим влиянием и властью, как правило, в степях пользовались и при жизни, и даже после смерти наиболее сильные и деятельные в военном деле ханы — военные предводители. Однако в годы, о которых рассказывается в данной главе, у половцев нет выдающихся ханов-воителей. Во всяком случае, их не называют летописцы, повествующие о событиях, происходивших в южных русских княжествах и в степи. Так, с 20-х по 60-е гг. в летописных записях фигурируют всего три половецких хана: Селук (1128 г.), Боняк (1140 г.) и Башкорд (1159 г.). Рассказ о Сырчане и Атраке помещен в летописи много позже — в записи 1201 г.

Отсутствие имен конкретных лиц вовсе не означает, что русские князья совершенно не общались со степью. Наоборот, общение было постоянным и весьма активным. Только характер его полностью изменился. На Руси в те десятилетия начались разъединяющие ее междоусобицы. Они особенно усилились после смерти Владимира Мономаха: столкновения двух «лагерей» — Мономаховичей и Ольговичей — стали фактически ежегодными. При этом первые обычно привлекали для борьбы «своих поганых», т. е. черных клобуков, а Ольговичи — половцев, продолжая начатую еще Олегом Гориславичем жестокую политическую игру, в которой от половецких набегов страдали подданные не только чужих, но и своих княжеств. Половцы обычно не разбирали, кого грабить: попав с разрешения князя на русские земли, они в качестве компенсации за помощь увозили все, что попадалось им в руки, и ежегодно угоняли сотни и тысячи пленных. Кроме того, в качестве «помощников» являлись порой не только воины той или другой орды, но и вся орда полностью: женщины, дети, старики, рабы, стада. Именно в таком составе, например, пришел на русскую землю хан Башкорд, упомянутый нами выше (он привел с собой весь наличный состав орды — 20 тыс.). Такая «помощь» была особенно обременительной, так как стада начисто вытаптывали и уничтожали посевы.

Поскольку, как говорилось, междоусобные склоки велись постоянно, то и военная добыча половцам поступала регу-

лярно. А это, естественно, способствовало укреплению экономической базы половецких орд.

Уже в 1128 г. Всеволод Ольгович для борьбы с сыновьями Мономаха Мстиславом и Ярополком просил помощи у хана Селука, который не замедлил прийти с семью тысячами воинов к черниговской границе (за городок Вырь). Правда, в том году дело кончилось, видимо, благополучно для русских людей, поскольку половцы, не получив повторного приглашения от Ольговича, «бежаша усвоiasi» (ПСРЛ, II, с. 291).

Много трагичнее развернулись события в 1135 г. в междоусобице Ярополка, ставшего в 1133 г. киевским князем, с тем же Всеволодом Ольговичем. Всеволод позвал на помощь своих братьев и половцев и повел их прежде всего на Переяславское княжество (родовую вотчину Мономаховичей), «воююще села и городы», «люди емлюще, а другие секуще» (ПСРЛ, II, с. 296). Так дошли они почти до Киева, взяли и зажгли Городец, расположенный на левом берегу Десны примерно в 10–15 км от стольного города.

В следующем году эти же Ольговичи с половцами зимой (29 декабря) перешли по льду на правый берег Днепра у Треполя, т. е. обошли стороной черноклобуцкое Поросье, и направились на Красн, Василев, Белгород. Далее они прошли по окраинам Киева к Вышгороду, обстреляв через Лыбедь киевлян. Ярополк поспешил заключить мир с Ольговичами, выполнив все их требования. Киевское княжество было основательно разорено, окрестности всех перечисленных городков ограблены и сожжены.

Прошло всего два года, и вновь «приведе Всеволод Ольгович половце» (в 1139 г.). На этот раз пострадало переяславское пограничье — Посулье, в котором были взяты Прилук и несколько менее крупных городов. Ярополк также собрал для отражения большую рать, в числе которой было 30 тыс. берендеев. Черниговцы заставили Всеволода прекратить войну, сказав ему: «Ты надеешися бежати в половце, а волость свою погубиши» (ПСРЛ, II, с. 301).

В 1140 г. Всеволоду Ольговичу все-таки удалось сесть на киевский стол. На некоторое время прекратились и приглашения половцев для укрощения непокорных князей.

В удельной склоке 1142 г. Всеволод Ольгович воспользовался как полновластный киевский князь силами вассальных печенегов, не привлекая половецких воинов, а в 1146 г. в походе на Галич он использовал только «диких половцев». В 1146 г. Всеволод умер. Киевляне не желали, чтобы власть над городом прочно (наследственно) перешла в руки Ольговичей, и пригласили править собою Изяслава Мстиславича. В предыдущей главе мы говорили, что Изяслав победил с помощью черных клобуков. Однако Святослав Ольгович не захотел подчиниться Изяславу и просил своих «уев» (половецких дядей по матери) помочь ему в борьбе против Изяслава. Те прислали 300 воинов. Немного ниже в летописи поясняется, что «уи» были «дикими половцами» Тюпраком и Камосой Осолуковичами (Селуковичами). В 1147 г. те же родственники выслали навстречу Святославу уже не воинов, а 60 аилов (чадей), т. е. опять-таки примерно 300 воинов, но вместе с семьями. Во главе их стоял Василий Половчин. «Прашаем здоровья твоего, а коли ны велишь к собе со силою прити?» — осведомлялись дядья через Василия (ПСРЛ, II, с. 341). Позже они присоединились к Святославу, который призвал еще и других половцев — Токсобичей, возглавить которых он приказал своим, очевидно, нерусским дружинникам Судимиру Кучебичу и Горепе. Появление на Руси людей с тюркскими именами и, наоборот, в степи с русскими христианскими именами свидетельствует о непрерывных связях этих двух миров: родственных, служебных, дипломатических. Причем эти связи устанавливались не столько на самом высоком государственном (княжеском) уровне, сколько у рядовых дружинников и простых горожан и смердов. Однако как бы ни были близки между собой два соседних народа, князья, нуждавшиеся в военной поддержке, звали на Русь половцев обычно для грабежей и поджогов. Так, в 1147 году большие соединения Святослава прошли Посемье к Вырю и обратились к выревцам с требованием сдачи городка, а иначе «дамы вы половцем на полон», — пригрозил Святослав (ПСРЛ, II, с. 356). Вырь все-таки взять не удалось, но соседний Попаш был разграблен. Несмотря на частичный успех, половцы, услышав, что Изяслав с братьями и черными клобуками идет на них,

бросили своего союзника и в «ту же ночь» ушли в степь. На этом фактически поход и закончился.

После этого с 1148-го по 1154 г. в борьбу за киевский стол вступает Юрий Долгорукий, ежегодно привлекавший половецкие отряды в свои войска. Например, «Гюрги же ста в Гуричева и пусти половцы к Чернигову воевать, половцем же, пришедшим к городу, много полона взяша и Семынь пожгоша...» (ПСРЛ, II, с. 456). И так, как мы видели, было всегда.

Половцы (ханы и рядовые) отнюдь не склонны были жертвовать жизнью за союзника, не заботящегося о своей земле, своих подданных и позволяющего их грабить.

Следует сказать, что в случае опасности (а иногда и ложной тревоги) половцы легко оставляли своего союзника: «...половци... ни по стреле пустивше, побегоша...» (ПСРЛ, II, с. 438). Так случилось в 1151 г. в битве, где явно начал побеждать Изяслав. В том бою при отступлении было взято в плен много половецких «князей», многие из них погибли. Однако имена этих «князей» или даже некоторых, наиболее крупных из них летописец не считает нужным упомянуть. Степные властители в те годы не выделялись своими военными подвигами и не привлекали внимания современников. Это были скорее «хозяйственники», участвовавшие в походах на русские земли не для славы или иных, более высоких политических соображений, а прежде всего для обогащения своего лично и своей орды (или рода).

Впрочем, нельзя сказать, что половцы вовсе избегали самостоятельно нападать на русское пограничье. В мае 1126 г., обрадовавшись смерти Владимира Мономаха, они буквально хлынули на Переяславское княжество, обошли Переяславль и осадили Баруч. Основной целью их был захват пленных, в частности переяславских торков. Однако, услышав о приближении Ярополка, они отступили в Посулье, там были настигнуты русскими, которые «часть их избиша, а часть их истопе в реке». Этот разгром, по-видимому, показал половцам, что сражаться «на равных» они с русскими полками не могут. Почти четверть столетия о самостоятельных походах половцев на Русь летописец не упоминает. И только под 1153 г. появилась запись о том, что половцы

«пакостехуть тогда по Суле», а под 1155 г. «придоша половци и воеваша Поросье». Этот набег отразили берендеи, возглавленные молодым княжичем Василько Юрьевичем — сыном Юрия Долгорукого, сидевшего тогда на киевском столе. Следует подчеркнуть, что оба набега были организованы уже в конце эпохи «замирения»: половцы начали активно пробовать свои силы.

Характерно, что не стремились в те десятилетия половцы и к заключению миров и брачных контрактов (династических браков), которые нередко фиксировались летописью в предыдущий период. Половцы предпочитали быть военными наемниками русских князей, разорявших в междоусобьях собственные княжества. Это было много выгоднее, поскольку самое главное для степняков было восстановление пошатнувшейся экономики, а на русских землях они находили скот, пополнявший их стада, рабов для домашних работ и продажи, хлеб и разнообразные предметы ремесленного производства. Беспрепятственный грабеж был чрезвычайно выгоден половцам.

Орды в глубине приднепровско-донских степей крепили и богатели. Отдельные небольшие набеги русских в степь, носившие не политический, а, как и набеги половцев, чисто экономический характер, не мешали общему заметному подъему экономики в степях. Поэтому с 60-х годов взаимоотношение сил на политической арене стало вновь меняться в пользу степняков. Начинаясь новый период их истории, отличающийся от прошедшего как внутренней стабилизацией, так и усилением политической значимости новых половецких объединений.

Глава 7 Половцы у себя дома

В течение нескольких тысячелетий восточноевропейские степи были колыбелью кочевничества. Одна за другой набегали кочевнические волны из Азии на берега Черного и Азовского морей и многочисленных могучих рек, прорезавших с севера на юг богатейшие пастбищные угодья — необозримые степные просторы. Н. В. Гоголь создал великолепное стихотворение в прозе, посвященное девственной степи: «Степь, чем далее, тем становилась прекраснее... Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов...» («Тарас Бульба»).

Попадая в царство многотравного изобилия после зауральско-заволжских скудных сухих пространств и азиатских полупустынь, кочевники всеми силами старались закрепиться на этих землях, предоставляющих им возможность максимально полного развития кочевого скотоводства. По словам Ал-Джуджани, писавшего свой труд в середине XIII в., «Туши (Джучи. — С. П.), старший сын Чингисхана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел,

что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» (Тизенгаузен, II, с. 14). И он решил, что нужно остаться в этих степях. И так делали все и до монголов пришедшие сюда орды.

Обычно каждая климатическая зона ограничивает видовой состав стад. Особенно ярко это можно видеть на севере — в тундре, где разводят только оленей, или в пустынях, в которых может выжить только верблюды. Восточноевропейское степное разнотравье позволяло держать стада, в которые входили все виды домашних животных, способных к постоянному передвижению на довольно больших пространствах, т. е. практически все, кроме свиней.

О составе половецкого стада мы можем судить по неоднократным упоминаниям о нем в летописях. Летописцы с удовольствием перечисляли захваченную во время удачного степного похода добычу, в том числе и скот — основное богатство кочевника. Впервые такое перечисление помещено под 1103 г., когда после победы над половцами у Молочной «взяша бо тогда скоты, и овце, и кони, и вельблуды». Это наиболее полная характеристика половецкого стада. Как мы видим, в него входили даже верблюды, а наличие в стаде «скотов», т. е. крупного рогатого скота, свидетельствует о развитости кочевнического хозяйства. К сожалению, обычно летописцы, рассказывая о добыче, просто указывают на взятие стада. Однако после особенно удачных походов они говорят о захваченных конях и овцах (1111 г.), о «скотах» и конях (1170, 1193 гг.). Естественно, самой ценной добычей всегда были кони — основная военная и рабочая сила в эпоху средневековья не только у кочевого, но и у оседлого земледельческого населения, поэтому о них пишут чаще, чем об остальных взятых в вежах животных.

Кипчаки и кимаки, захватив степи и разделив зоны кочевания между собой, довольно долго кочевали по степям круглогодично, ведя так называемое таборное кочевание. Степь была настолько обширна и богата травами, что в первое время можно было кочевать, не деля ее на более мелкие участки между ордами, куренями и аилами.

Аммиан Марцеллин, писавший в конце IV в. о гуннах, находившихся на этой же стадии экономического развития, что и половцы в середине XI в., так характеризует кочевническое экстенсивное «хозяйствование» гуннских орд: «Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки... истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Гоня перед собою упряжных животных и стада, они пасут их...» (Плетнева, 1982, с. 20).

Русский летописец был отлично осведомлен об этом способе кочевания. Рассказывая под 898 г. об угрох, проходивших мимо Киева, он говорит: «...пришедше к Днепру, стаща вежами, беша бо ходяще, яко и половци» (ПСРЛ, II, с. 18). Мы знаем, что экономике, находящейся на стадии таборного кочевания, свойственны в общественных отношениях военнo-демократический строй. А для последнего уже характерны социально-политические объединения типа союзов племен.

Именно такими союзами, во всяком случае — первоначально, были известные нам объединения XI в., возглавленные в конце этого века Боняком, Шаруканом, Тугорканом, Урусобой и пр. Основной целью их был захват все новых и новых земель, максимальное овладение степью, а где это было возможно, и лесостепными районами.

Однако довольно быстро этот процесс захвата прекратился — многотравные богатые пастбища вполне, видимо, обеспечивали кормами громадные стада. В то же время содержание скота на подножном корме круглогодично приводило к необходимости более рациональной организации освоения степи, в частности более строгого разделения кочевков на летние и зимние. Экономическая необходимость стимулировала установление для каждого степного подразделения определенных маршрутов перекочевков и более или менее постоянных мест для зимних и летних становищ.

В одном из предыдущих разделов книги говорилось, что половцы уже в последние десятилетия XI в. перешли ко второй стадии кочевания. От первой она отличается прежде всего разделением пастбищ на определенные участки, принадлежавшие конкретным ордам, куреням и аилам, т. е. значительно большей стабильностью кочевых группи-

ровок, ограниченных в своем движении четкими пределами. Усиливавшаяся с каждым годом стабилизация сделала кочевников доступными для русских полков. Первые походы русских в степь — косвенное, но надежное свидетельство возникновения у половцев определенных мест становищ. Другим доказательством является, как говорилось выше, установка вблизи становищ и на кочевых маршрутах многочисленных святилищ предков с одной, двумя, десятью и более каменными статуями. Кроме того, в районах наиболее населенных, начали сооружать над погребенными большие или малые курганы, а иногда и целые могильники (до этого половцы предпочитали хоронить своих умерших родичей в древних курганных насыпях). Распространение каменных статуй и курганных захоронений, датирующихся по сопровождающим вещам XII в., дает представление о расселении половцев по степи. В предыдущей главе мы проследили, как расселялись половцы в первой половине XII в. (по распространению статуй «промежуточных» типов). Статуи следующей, «эволюционной», группы встречаются в значительно большем количестве сравнительно с ранними и «промежуточными». Это говорит, очевидно, не только о широком развитии камнерезного ремесла у половцев во второй половине XII в., но, по-видимому, и о количественном росте половецкого населения в ордах.

К сожалению, в письменных источниках почти не сохранилось сведений о размерах кочевнических, в частности половецких, орд. Тем не менее по отрывочным упоминаниям мы можем все-таки составить какое-то представление об этом. Так, с 40-тысячной ордой откочевал в Венгрию из восточноевропейских степей хан Котян в 1237 г. Видимо, можно считать, что это был обычный, самый распространенный размер одной орды. В 1109 г., 2 декабря, боярин Владимира Мономаха Дмитр Иворович с полком взял у Дона (Донца) 1000 половецких веж. В одну вежу, или, как их называли русские, чадь, в среднем входило не более 35—40 человек, а значит, боярину удалось захватить в плен целую орду. Удался этот отчаянный набег потому, что зимой кочевники были, как правило, ослаблены, заняты поисками наиболее удобных пастбищ, а если зима была суровой, то просто

спасением скота от голодной смерти. И сами они, и их кони зимой нередко голодали и, во всяком случае, не были способны к активным действиям. Надо сказать, что это обстоятельство отлично было известно на Руси: обычно русские отправлялись в степь за полоном зимой (иногда подчеркивается, что зима была «лютой») или ранней весной, когда половцы еще не оправились от тяжелой зимы и, главное, не могли быстро маневрировать по степи из-за весеннего отела скота. Характерно, что и половцы при нападениях на русские земли всегда учитывали время наибольшей занятости населения княжеств полевыми работами и приходили на Русь летом (иногда по три раза за сезон!) и, пользуясь бедственной засухой, почти беспрепятственно грабили русские пограничные села и городки.

Возвращаясь к вопросу о численности половецкой орды, следует вспомнить 7 тыс. воинов хана Селука, пришедших на Черниговщину в 1128 г. С учетом того, что часть воинов все же оставалась в вежах, можно думать, что и орда Селука достигала того же «среднего» размера — 40 тыс. человек. Правда, были в степях и менее крупные группировки, например, орда Башкорда, в которую входили всего 20 тыс. человек. Еще меньше была орда (возможно, курень) хана Тоглия, о которой летопись упоминает в связи с событиями 1172 г. Размеры всей группы равнялись 7 тыс., а воинов они выставили 1200, т. е. и здесь примерно соблюдалась пропорция 1:5.

Несмотря на несомненное существование в степях самых различных по величине и политической значимости подразделений, представляется весьма вероятным, что размеры орд колебались от 20 до 40 тыс., причем преобладали 40-тысячные орды. Вместе с окружающими вежи стадами это были весьма представительные объединения, и недаром Аммиан Марселлин писал о том, что гуннские становища напоминают ему города на колесах. Всего в восточно-европейских степях кочевало, как мы видели в предыдущей главе, в первой половине XII в. не менее 12–15 орд, а это значит, что общее количество населения равнялось примерно 500–600 тыс. человек. Если учесть, что в среднем малая семья в пять человек, чтобы вести кочевое хозяйство, должна

была иметь стадо, соответствующее по поголовью 25 лошадям (1 лошадь = 5 голов рогатого скота+6 овец), то можно представить себе размеры передвигавшихся по степям соединенных кочевий-веж. Следует помнить также о существовании степных богачей, имевших во владении стада, состоявшие из 10 тыс. коней и 100 тыс. голов овец (Ибн Фадлан, с. 126; Тизенгаузен, 1884, с. 286).

Несмотря на природные богатства, южнорусские степи фактически могли обеспечить относительно небольшое количество скотоводов-кочевников. Требовались новые земли и постоянная забота о добыче новых средств к существованию. Тем более что вновь, как два столетия назад, в Приуралье у шары-кипчаков (половцев) наметилась к середине XII в. тенденция к демографическому подъему. Донецкая орда начала активно расселяться на запад, и этот процесс продолжался и во второй половине XII в. «Донцы», судя по распространению каменных статуй, заняли уже правый берег Днепра вплоть до Ингульца и крымские степи. Интересно, что на Ингульце (Ивле, как называет его летописец) стояли «сторожи половецкие» — в 1193 г. в походе русские полки прежде всего столкнулись с ними, а потом уже пошли к Днепру — вежам и стадам. Ивля, видимо, была тогда пограничной западной рекой половецких (шары-кипчацких) кочевий.

Очень увеличилась численно нижнедонская группировка половцев, продвинувшаяся на восток по степям до среднего течения Дона. То же случилось и с предкавказской ордой, распространившейся не только в прикаспийских степях современной Калмыкии, но и в Дагестане (в грузинской летописи упоминаются «дербентские кипчаки»). Отдельная группа половцев занимала берега Нижней Волги. Там уже в первой половине XII в. восточные авторы помещали город Саксин. Ал-Гарнати побывал там дважды — в 1131-м и 1153 гг. Он писал, что основное население Саксина — гузы, а кроме них, там живут хазары, болгары и сувары (Федоров-Давыдов, 1969). При этом гузы и болгары управляются разными эмирами. Этнический состав города позволяет нам предполагать, что Саксин возник на руинах хазарской столицы Итиль. Как городки на Донце, как Белая Вежа, Саксин

превратился в ремесленный степной городок, вокруг которого раскидывали свои кочевья кипчаки-половцы. Сохранились сведения, что в конце XII в. город часто грабили отдельные кипчацкие отряды. Тем не менее он продолжал существовать вплоть до монгольского нашествия и даже дал области вокруг себя свое имя. Его получили также и кочующие там половцы. Русский летописец именует их отдельно от половцев: «саксины» и «половцы» фигурируют в летописи в рассказе о нашествии монголов. Очевидно, это вполне оправданное деление, поскольку на Нижней Волге население было всегда перемешано. Недаром Рашид-ад-Дин уже в XIV в. называет кипчацкие степи Поволжья «Дешт-и-Хазар», т. е. хазарские степи. Население Хазарского каганата продолжало жить вместе с новыми завоевателями. Вероятно, именно из-за смешанности населения здесь, на Нижней Волге, кипчаки не ставили святилищ с каменными статуями: обычай «заглох» в чуждой этнической среде.

Как бы там ни было, следует констатировать, что во второй половине XII в. половцы и куманы освоили все восточно-европейские степи. Подунайская орда кочевала на крайних западных придунайских степях, саксины — на поволжских. Друг от друга они были отделены почти 2000 км. Весьма значительны были их владения и в меридиональном измерении. В Приднепровье и Подонье расстояние между северным краем их кочевий и Предкавказьем или Крымом равнялось 500—750 км. Очень выразительно и в то же время точно характеризует границы Половецкой степи автор «Слова о полку Игореве». Он перечисляет «земли незнаемые», недоступные русским: Волга, Поморие, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмутаракань (Слово, с. 12). Здесь перечислены, как мы видим, и Поволжье, и Приазовье — Причерноморье, и крымские города Сурож и Херсонес, и прикубанские (таманские) степи. Не говорится совсем только о западных рубежах, поскольку князь Игорь направлял свои полки не на куманские, а на собственно половецкие кочевья — на средний Донец.

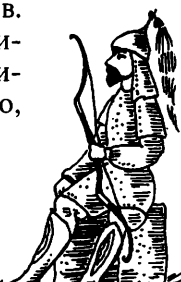
Следует сказать, что монголы, захватившие степи после половцев, кочевали обычно вдоль рек — в меридиональном направлении (Егоров, 1985, с. 38). Зимой они располагали

свои кочевья на юге, а на лето отходили к северу — нередко в лесостепные угодья, дававшие не только корм скоту, но и великолепную возможность организации облавных охот, всегда игравших большую роль в жизни кочевых народов.

Очевидно, несмотря на наличие больших и богатых гордов, у золотоордынцев, по существу, сохранился первый способ кочевания — круглогодичный. Вести его позволяли необъятность степей и тот факт, что их было сравнительно немного и они были в степях абсолютными хозяевами.

Совсем иное положение было у половцев. Разделив степи между ордами, они тем самым ограничили территорию передвижения по степи каждой отдельной группировки. Сезонные перекочевки велись внутри территории орды, что и отличает второй способ кочевания от первого. Размеры кочевий каждой орды не превышают 70—100 тыс. кв. км, т. е. в среднем каждое степное владение равнялось примерно одному из русских княжеств. Летние стойбища у половцев, по словам грузинских летописей, назывались айлаг, а зимние — кышлаг. Рашид-ад-Дин писал, что так же называли свои сезонные ставки монголы (Анчабадзе, 1960, с. 122; Тизенгаузен, II, с. 78).

Меридиональные маршруты существовали, возможно, только у донских половцев, откочевывавших весной на берег Азовского моря. При этом длина маршрута была в целом очень небольшой — 150—200 км. Зимние становища располагались у них в северной части маршрута — на берегах правых притоков Северского Донца — Тора с малыми притоками. Об этом мы знаем из летописи, подробно разбирающей поход Игоря на половцев в 1185 г., и из «Слова о полку Игореве». Оба источника указывают, что кочевья Кончака стояли на Торе, недалеко от Донца. Мы уже писали, что вежа — это скорее всего поставленные в круг (как у гуннов) юрты. При передвижениях юрты ставились на большие повозки. Монах-францисканец Плано Карпини и монах-минорит Вильгельм Рубрук проехали по евразийским степям в XIII в. после завоевания их монголами. Оба очень подробно описали в своих записках-отчетах быт монголов. Он мало отличался от быта других кочевых народов как более позднего,

так и более раннего времени, поэтому вполне правомерно использовать их данные, в частности при характеристике половецких жилищ. Плано Карпини более лаконичен, поэтому приведем его сообщение: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, соответственно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре и даже больше, соответственно с величиной повозки...» (Плано Карпини, с. 27). Таким образом, кочевники пользовались двумя типами юрт — одни ставились на телеги, другие — стационарные — на землю.

Юртами пользовались также горожане. Так, ал-Гарнати говорит о том, что в Саксине жилищами служили громадные «палатки». Естественно, чем стационарнее становились зимние становища, тем больше появлялось в степи веж с наземными юртами. Именно такие юрты стояли в становище хана Кончака, когда туда привезли пленного Игоря в 1185 г. Игоря поселили в одной из них. Собираясь бежать, он, выходя из жилища, «подоима стену и лезе вон», т. е. явно он жил в юрте с войлочными стенами, которые легко можно было откинуть и поднять (ПСРЛ, II, с. 651). Как известно, Игорь был в плену весной и летом, однако становище было полно стационарных веж: летописец писал о бегстве князя «сквозе вежа» — через все обширное становище, тянувшееся по обоим берегам Тора до берега Донца, — «и потече къ лугу Донца», — писал автор «Слова» (Слово, с. 28). Были известны половцам и жилища с глинобитными стенами. Пока мы знаем только одно зимовище с такими постройками — Белую Вежу. Обычно неразборные дома сооружались кочевниками, переходящими уже к третьей (полуоседлой) стадии кочевания. Думается, появление у половцев глинобитных домиков объясняется тем, что Белая Вежа после ухода оттуда русских

осталась городком со сложившимися уже «градостроительными» традициями: следует помнить, что хазарское население города продолжало жить и даже заниматься некоторыми ремеслами в этом поселении, со всех сторон окруженном кочевьями, до последних десятилетий XII в. Такие ремесленные поселки появлялись в степях и заселялись сначала этнически иным населением (остатками побежденных и завоеванных народов). Однако именно их влияние нередко вызывало первые шаги кочевников к оседлости, поскольку именно там оставались на лето не имевшие возможности кочевать беднейшие члены кочевых группировок. Экономическое и социальное расслоение приводило к тому, что их с каждым годом становилось все больше.

Впрочем, этот процесс у половцев был сильно замедлен, поскольку восстановление экономического потенциала каждого аила у них шло за счет грабежа соседних русских княжеств, на которые с поражающей последовательностью наводили их ссорившиеся друг с другом русские князья на протяжении нескольких десятилетий первой половины XII в. Не прекратили они этой практики и в последующие десятилетия.

Не говоря уже о движимом имуществе и скоте, тысячи русских людей отправлялись половцами на крымские рынки для продажи. Половцы быстро поняли всю выгоду тесного общения с торговыми крымскими городами. Подкочевывая к их стенам, подгоняя к ним скот и пленных, они отнюдь не стремились взять, разграбить и сжечь их, как делали они обычно на русском пограничье. Из крымских городов шли в степи роскошные вещи и драгоценные ткани, предметы местного ремесленного производства, вина в амфорах и пр.

Наиболее активно в XII в. шла торговля с Корсунью (Херсонесом), где царили византийские купцы, Сурожем (Судаком), который был освоен итальянскими купцами (в основном генуэзцами), и Тмутараканью, в которой, помимо византийцев, большую роль играли собственно тмутараканские купцы и ремесленники (как и в Белой Веже, преимущественно остатки хазарского населения).

В середине XIII в. араб Ибн-ал-Асир писал о Суроже: «Этот город кипчаков, из которого они получают свои

товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами: последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их» (Тизенгаузен, I, с. 25–26).

Замечательным памятником — свидетельством вполне налаженных отношений крымских городов с половецкой степью — является знаменитый Половецкий словарь (*Codex Cumanicus*), который был создан в одном из этих городов. Словарь составлен из двух тетрадей. В первой, наиболее существенной, помещены два списка слов. Один список состоит из 1560 слов, размещенных в порядке латинского алфавита в трех колонках: латинской, персидской и половецкой. Во втором списке (1120 слов) слова объединены в смысловые группы. В каждой от 4 до 90 слов. Безусловно, в основном они отражают потребности и интересы купцов и ремесленников, живших и работавших в приморском городе. Там мы находим такие слова, как «базар», «торговля», «продавец», «уплата», «долг», «цена», «монета», «меняла», «чернила», «бумага», перечисления предметов торговли, в основном названия тканей разных сортов, перечисления названий восточных товаров (пряностей, духов и пр.), драгоценных камней и, наконец, рабов. Группы слов отражают занятия ремеслами: строительным, портняжным, а также называют такие профессии, как врач, хирург, художник, трактирщик, мясник и т. д.

Кроме того, некоторые группы слов дают нам общие понятия, необходимые при характеристике человека (умный, красивый, знатный, щедрый), города (ров, мост, улица, дом и пр.), природы (гора, море, долина, трава и т. д.). Помещена там и специальная группа, рассказывающая нам о номенклатуре половецкого общества (на этом мы остановимся ниже).

Вторая тетрадь Словаря начинается половецко-немецким словариком и представляет собой бессистемный набор слов и фраз самого разнообразного значения. Там же помещены грамматические заметки по половецкому языку, список половецких загадок и христианские тексты на половецком языке или латино-половецкие билингвы.

Рукопись Словаря хранится в библиотеке св. Марка в Венеции. Датируется она 1303 г. Мы не знаем, указан в рукописи год составления Словаря или год его переписки или даже сшивки двух очень отличающихся друг от друга тетрадей. Очевидно, вторая тетрадь составлена была немецкими монахами-францисканцами, проникавшими в Крым и Причерноморье с целью проповеди христианства в середине XIV в. Они, видимо, и сшили обе «половецкие» тетради, и после этого Словарь попал на хранение в библиотеку.

Представляется, что процесс составления обширного словаря первой тетради, охватывающей многие вопросы жизни и быта крымского города и половецкого общества, проходил постепенно (поэтапно), а это значит, что нельзя считать Словарь «срезом» с узкого отрезка времени. Видимо, мы имеем все же возможность и право проецировать сведения, сохранившиеся в Словаре, не только на весь XIII в., но даже и на XII в. (во всяком случае, на его вторую половину).

Данные Словаря о ремеслах относятся к городским крымским ремеслам. О собственно половецких производственных навыках нам дают представление некоторые виды и типы вещей (оружие и украшения), находимые в погребениях, а также уже неоднократно упоминавшиеся нами каменные статуи.

В большинстве мужских захоронений вместе с покойниками помещали коня со сбруей и оружие. Обычно до нас доходят только металлические части этих предметов: железные удила и стремяна, подпружные пряжки, железные наконечники стрел, сабельные клинки. Кроме того, почти в каждом погребении мы находим железные небольшие ножи и огнива. Все перечисленные предметы отличаются необычайным единообразием размеров и форм. Эта стандартизация характерна для кочевников всей европейской степи вплоть до Урала. Изменения типов этих вещей происходили всюду почти одновременно. Все это позволяет заключить, что в зимних становищах у половцев (как и у других степняков) было неплохо налажено кузнечное производство со своими традиционно степными приемами и критериями. Из кузни в кузню быстро распространялись по степи ново-

введения: большая искривленность сабель, арочные простые стремена, удила с большими плоскими кольцами и т. д. Очевидно, разбросанные по степи мастера-кузнецы были довольно тесно связаны друг с другом.

Помимо железных вещей, в погребениях степняков постоянно находят остатки берестяных и кожаных колчанов (последние с железными «скобками»), костяные накладки-петли для берестяных колчанов, костяные накладки на лук и костяные «петли» для конских пут. Для всех этих вещей и отдельных деталей характерно также единообразие. Этот факт и к тому же тщательность отделки предметов (в частности, шлифовка поверхности кости) заставляют думать, что и они изготовлялись специалистами. В долгие голодные зимы какая-то часть половцев занималась, очевидно, дополнительно к пастыбе различными промыслами. Одни клеили луки, другие — колчаны, третьи были косторезами. Были среди них и седельники, поскольку изготовление седла требовало специальных навыков и знаний, шорники. Конечно, сбрую для своего коня мог сшить любой кочевник, приобретя у кузнеца удила и соединительные кольца, однако сложные, украшенные дорогими бляхами сбруйные наборы, несомненно, делали специалисты-шорники.

В степных женских захоронениях попадают самые разнообразные украшения. Возможно, что часть их привозилась из соседних стран, однако половчанки носили своеобразный головной убор, характерные серьги и нагрудные украшения. Они не известны ни на Руси, ни в Грузии, ни в Византии, ни в крымских городах. Очевидно, следует признать, что их изготовляли степные мастера-ювелиры.

Основной частью головного убора были «рога», сделанные из серебряных выпуклых штампованных полуколец, нашитых на войлочные валики. Подавляющее большинство каменных женских изваяний изображалось именно с такими «рогами». Правда, иногда эти роговидные «сооружения» использовались и в качестве нагрудных украшений — своеобразных «гривен». Кроме них, половецкие женщины носили и более сложные нагрудные подвески, игравшие, возможно, роль амулетов. О них мы можем судить только по изображениям на женских каменных статуях.

Особенной оригинальностью отличаются, по-видимому, весьма модные в степях серебряные серьги с дутыми биконическими или «рогатыми» (с шипами) подвесками. Их носили не только половчанки, но и черноклобуцкие женщины. Иногда, очевидно, вместе с женщинами они проникали из степи и на Русь — отказаться от любимого украшения жена-половчанка не хотела.

Еще более типичным украшением для кочевников (половцев и черных клобуков) было употребление ими металлических зеркал, отлитых из светлой бронзы, прекрасно отшлифованных с одной стороны дисков с петлей на обратной стороне. Носили их женщины обычно в кожаных или матерчатых сумочках на поясе. На Руси зеркалами вообще не пользовались. Эта чисто восточная вещь была распространена в степях повсеместно с древности. Множество зеркал в средние века поступало к кочевникам из Китая и Ирана. Обычно обратная поверхность у них украшена сложнейшими узорами — изображениями растений, животных, драконов и пр. В Хазарском каганате нередко делали отливки с этих роскошных экземпляров — половецкое производство зеркал, видимо, явилось прямым продолжением хазарского. Не исключено, что и продолжали его потомки хазарских литейщиков, оставшиеся жить, как мы видели, в Саксине, Белой Веже, городках на Донце и т. д. Правда, они уже не рисковали делать копии с восточных образцов. Зеркала были простые — на обратной стороне, кроме массивной петли в центре, выделялся бортик и иногда два перекрещивающихся у петли валика, образующих крестовидный знак.

Таким образом, есть все данные говорить о существовании в половецком обществе какой-то ремесленной прослойки. Одни ремесленники предпочитали сидеть в становищах и городках, другие могли бродить, переходить из становища в становище в поисках заказов. Такими бродячими мастерами были, видимо, многочисленные скульпторы, изготовлявшие по заказам половцев каменные изваяния. Это было налаженное сложное дело, включавшее знания, навыки и таланты архитекторов, камнерезов и скульпторов. Мы уже неоднократно указывали на то, что каменные статуи устанавливались в квадратных в плане святилищах. Стены свя-

тилищ складывались обычно из плитняка настолько прочно, что нижние «венцы» многих из них достояли до наших дней. Иногда по периметру святилища ставились небольшие фигуры животных, которые должны были сопровождать предка в быту и на охоте, — коня, верблюда, барана, кабана, медведя. Видимо, изготовлению их не придавалось особенно важного значения (не исключено, что многие из них были сделаны из дерева и не дошли до нас), поскольку «ваялись» они довольно небрежно: считалось достаточным, чтобы в фигурке угадывался хотя бы вид животного.

Значительно больше времени и сил, а также способностей тратил мастер на изготовление человеческой скульптуры. Во-первых, он должен был найти для этого заранее рассчитанных величины и пропорций камень — видимо, заказать его в одной из окрестных каменоломен (камни выламывались, вероятно, рабами). Во-вторых, получив камень, мастер размечал его, учитывая будущие пропорции статуи. В настоящее время эти пропорции (сильная укороченность нижней части) кажутся нам результатом недостаточной квалификации скульпторов. Такое явное, повторяющееся на всех, даже на самых совершенных, изваяниях нарушение, очевидно, возникло не случайно. Дело в том, что статуи ставились на постаментах и к тому же на высоких местах. Подойдя к изваянию вплотную для принесения жертвы, человек должен был взглядом охватить всю скульптуру, а не только ее ноги, которые в случае изображения их естественной длины казались бы чудовищно длинными. Половецкие камнерезы решили эту проблему, нарушив пропорции фигур. Однако в изображении остальных деталей некоторые из них достигали высокого мастерства — особенно в изображении лиц, в которых иногда видно стремление не только к формальному портретному сходству, но и к отражению характера умершего предка.

Скульпторы отлично знали и свойство камня выветриваться на открытом воздухе. Для сохранения своих произведений они тщательно шлифовали поверхность, на что также уходила масса времени и умения. Затем они раскрашивали их какими-то органическими красками. Таким образом, статуи выглядели весьма живописно и, безусловно, производи-

ли очень сильное впечатление на всех проезжавших мимо и на собственных родичей. Полного расцвета изготовление статуй достигло во второй половине XII в. В конце этого столетия и в начале следующего появились в степях стеловидные статуи. Они верно изображали фигуру — с грудью, выпуклым животом, вогнутой спиной, тщательно проработанными чертами головных уборов и лиц, но ваялись без рук и ног. Такой переход к некоторой условности изображения, как правило, в любой отрасли искусства появляется на ее закате, поэтому возможно, что мода на установку каменных статуй понемногу начала затухать в степях.

Следует сказать, что одновременно с ваянием каменных скульптур изготовлялись и аналогичные им деревянные статуи, что свидетельствует прежде всего о процветании у половцев и деревообделочного ремесла. Ясно, что они дошли до нас в единичных экземплярах и, как правило, в очень плохом состоянии. Тем не менее сейчас уже можно сказать, что их было так же много, как и каменных, и они так же ярко раскрашивались. Вероятно, стены части святилищ сооружались не из камня и в виде частокола. Позднее появились и иные святилища, но на них мы остановимся ниже.

Помимо явно выделяемых ремесел, половцы постоянно занимались обработкой тех продуктов, которые они получали от скотоводства и отчасти охоты.

Судя по сведениям Рубрука и Карпини, домашними делами, в которые входили и весьма трудоемкие и требующие серьезных производственных навыков, занимались обычно женщины. «Обязанность женщин, — писал Рубрук, — состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и сшивать их, а сшивают они ниткой из жил... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье. Они делают также войлок и покрывают дома. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины» (Рубрук, с. 100—101). Карпини добавляет к этому: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, что они носили колчаны и луки... Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги

и все изделия из кожи...» О мужчинах Карпини написал так: «Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе...» (Плано Карпини, с. 37). Более наблюдательный и писавший более подробно Рубрук сообщил о мужчинах несколько больше: «Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их». Выше мы уже говорили о том, что железные предметы, седла и луки не мог изготовить своими силами и средствами сам кочевник (воин или пастух). Это делали мужчины-ремесленники (кузнецы и пр.). Цитированные сообщения о делах и обязанностях мужчин и женщин интересны подчеркиванием строгой регламентации домашних работ.

Так, между полами был разделен скот. Женщины ведали козами, овцами, коровами и получаемыми от них продуктами, мужчины — конями и верблюдами. Женщины делали войлок и ставили жилища, мужчины занимались изготовлением для «домов» деревянного остова и деревянных повозок. В целом же, как мы видим, женщины по дому и в быту были заняты значительно больше, чем мужчины. Оба автора рассказывали об обычаях татар и монголов, но жизнь кочевых обществ всех эпох, как мы уже говорили, мало разнится, особенно при условии близости стадии кочевания.

Рассмотрим общественные отношения половцев, характерные для второй стадии кочевания. Многочисленные набеги на соседей и далекие походы, несомненно, приносили в степь громадные богатства, но обычно они попадали в руки руководителей похода — аристократов, а рядовые воины получали немного. При неудачном походе, смерти главы семьи, падеже скота, наконец, весьма разорительных набегах русских воинов в степь, а также и грабительских набегах кочевников друг на друга рядовое население степи разорялось полностью и попадало в зависимость от богачей. Резкое экономическое разделение общества неизбежно приводило к превращению родовой аристократии в феодальную знать. Кочевание родовыми курениями было заменено

но аильным, т. е. семейным. Правда, аилы богачей иногда были столь же крупными, как ранее курени, но состоял аил не из нескольких более или менее равных экономически семей, а из одной семьи (двух-трех поколений) и ее многочисленной «обслуги», в которую входили и бедные родственники, и разорившиеся соплеменники, и военнопленные — домашние рабы.

В русской летописи такие большие семьи именовались чадами, а сами кочевники, вероятно, определяли ее словом «кош» — «коч» (кочевье). Вполне вероятно, что именно от этого термина попало в русские летописи и фольклор «сказочное» название «кошей» (в сказках это всегда ярый враг русского богатыря).

В XII в. аил-«кош» стал основной ячейкой половецкого общества. Аилы не были равновелики, а главы их не были равноправны. В зависимости от экономических и внеэкономических причин (в частности, принадлежности семей к родовой аристократии) все они стояли на разных ступенях иерархической лестницы. Одним из заметных внешних атрибутов власти кошевого в семье был котел (казан). Интересен в этой связи факт нахождения в погребениях богатых воинов XII — начала XIII в. кованых или клепанных из медных полос небольших котелков (многие из них имели явно символическое значение, поскольку практически использовать их было нельзя). Русский летописец в один из редких периодов мира с половцами (в 1201 г.) писал о самом крупном тогда половецком хане Кончаке, что этот могущественный властитель может котел на плечах перенести через Сулу (ПСРЛ, II, с. 716). Сказано это было в виде комплимента силе Кончака. Однако же перенести обычный котелок не только через Сулу, но и через Днепр мог любой человек. В чем же дело? Очевидно, Кончак был кошевым такого большого подразделения, что его котел для прокормления всех его людей должен был быть огромным. И тем не менее могучий Кончак мог его перенести! Хан и действительно не раз переходил Сулу в набегах на Переяславское княжество. Характерно, что летописец неоднократно называет его «поганым кошеем», т. е. кошевым. Таким образом, самый сильный хан был прежде всего кошевым. Следует учиты-

вать также, что, несмотря на феодальную иерархию, понятие рода (курень) не исчезло ни из общественных институтов, ни из хозяйственных градаций. В кочевнических обществах всех времен очень сильна была так называемая вуаль патриархальности, поэтому курени — родовые организации — сохранились в виде анахронизма в половецком обществе. Кошевой самой богатой, а значит, и влиятельной семьи и был главой рода, т. е. нескольких больших семей. Так, например, в летописи говорится, что Кончак в 1172 г. пришел на помощь князю Глебу «с родом своим», видимо, целым куренем. В другом источнике — «Сказании о пленном половчине» — сообщается, что основной герой повести, отпущенный из русского плена, «иде в дом свой и созва весь род свой и племя...» (Сказание..., с. 73), а в «Житии черноризца Никона» даны сведения еще об одном половце, который «крестися и быс мних и с родом своим» (Житие..., с. 96).

Однако род-курень был единицей «промежуточной»; объединяющей айлы организацией была орда. Дело в том, что даже большой курень или аил не мог кочевать в степях в полной безопасности. Нередко айлы сталкивались из-за пастбищ, еще чаще происходил угон скота (барамта), а то и захват веж и пленных жаждущими скорого и легкого обогащения удалцами. Необходима была какая-то регулирующая власть. Она вручалась выборным путем на съезде кошевых главе наиболее богатой, сильной и влиятельной семьи (вместе с тем и куреня, к которому она принадлежала). Так айлы объединялись в орды.

Очевидно, глава орды получал высший титул — хан. В русской летописи этому соответствовал титул князя. Мы знаем, что летописцы называли князьями и правителей больших княжеств, и владетелей небольших уделов. Только киевский князь именовался великим князем. У половцев же великим назван только Боняк (правда, в речи Кончака, призывавшего своих воинов к мести и к походу на Русь). О сыне же самого Кончака Юрии было сказано «больший всех половцев». Поэтому по данным русской летописи мы не можем разобратся в высшей титулатуре половцев.

В первой половине XII в. через степи проезжал еврейский купец Петахья, оставивший «путевые записки», в которых

он, естественно, писал и о половцах, в частности, об их социальном устройстве: «Куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии». По существу, он написал то же, что и русский летописец, разделив всех степных аристократов на две социальные группы. Возможно, что в первой половине XII в., когда половецкие объединения были сильно «потрепаны» русскими походами в степь, социальные градации у половцев действительно несколько стерлись и не бросались в глаза «сторонним наблюдателям». Однако нам представляется возможным использовать для анализа половецкой иерархии позднейшего времени еще один источник, а именно *Codex Cumanicus* (Половецкий словарь). В нем титулу хана соответствует в латинской колонке слово «*imperator*», а в персидской — «шах». Следующий за ханом, согласно Словарю, титул «солтан» («*rex*» — по-латыни). Этот титул большинству исследователей представляется поздним, возникшим в золотоордынское время, тем более что и сам Словарь многие датировали началом XIV в. Однако в конце XII в. в «Слове о полку Игореве» этот титул упоминается в обращении киевского князя к Ярославу Осмомыслу: «...стреляеши с отня злата стола салътани за землями...» Считалось, что в данном случае имелись в виду турецкие султаны, против которых, возможно, могли ходить галичане в числе участников одного из крестовых походов. Мне кажется, что факт упоминания этого титула в двух источниках, имеющих прямое отношение к половцам, позволяет нам все же говорить о существовании его у половцев. Вероятно, солтаны и были главами отдельных орд. Иногда в летописи указывается, что в плен попало несколько «лепших князей» половецких. Может быть, этим определением отделял летописец солтанов от следующего указанного в Словаре титула «бег» (*princer* — по-латыни). Беги (беки) — главы крупных кошей. Русские называли их князьями, иногда «уньшими князьями». Наконец, «бей» — самый низший половецкий аристократический титул (благородные фамилии, по Петахье), переводился на латынь словом «*baron*». Русский летописец именовал их, по-видимому, «добрыми мужами», а позже (в конце XII в.) появилось еще одно определение — «господчичи», также относящееся к этому титулу.

Следует еще упомянуть «княжичей», о которых неоднократно писали летописцы, перечисляя половецких аристократов. Так же именовали они и юных сыновей своих (русских) князей, не получивших еще «уделов». Вероятно, и у половцев это были дети ханов, солтанов и беков, не ставшие еще главами собственных айлов.

Такова была иерархия аристократической части половецкого общества. Именно в память об аристократах возводили родичи богатые святилища с каменными статуями. Статуи изготавливались преимущественно в двух канонических позах: стоящими и сидящими. Характерно, что мужские стоящие статуи обычно изображались с оружием (саблями, луками, колчанами), на сидящих его не было никогда. На поясе у них помещались только ножи и кошельки. Объяснить это различие можно, видимо, разницей в общественном положении предка при жизни. Умершие, изображенные стоя с оружием, были воинами, которые, возможно, погибли в битве; сидящими же изготавливались статуи аристократов, не участвовавших по той или иной причине в военных действиях, умерших «естественной» смертью.

Мы уже говорили, какую огромную роль играли женщины в общественной жизни половцев. Об этом прежде всего свидетельствует большое количество сооруженных в их память статуй. Их было даже больше мужских — во всяком случае, сохранилось их больше. Женщины, как и мужчины, изображались стоящими и сидящими. Следует отметить, что стоящие, как правило, были одеты в более роскошные платья и сопровождалась большим количеством вещей на поясе, что, безусловно, подчеркивает их более высокое положение в обществе. Не исключено, что в результате гибели мужа в походе его жена становилась на какое-то время главой коша. Вот ее после смерти и изображали в виде стоящей фигуры, а обычных жен богатых и знатных кошевых — сидящими. Характерно, что единственная дошедшая до нас статуя женщины-амазонки (с саблей, колчаном, луком) изображена стоящей (как и стоящие мужские статуи).

О высоком положении женщины у половцев можно судить также по уникальной статуе с ребенком. Женщина изображена с подчеркнутыми признаками пола. К груди у нее

приник младенец, вероятно, долженствующий означать «продолжателя рода». Однако ребенок не мальчик, как следовало бы ожидать, исходя из данных о патриархальности половецкого общества, а девочка. Статуя, очевидно, символизирует образ женщины, дающей силы женщине же — непосредственной продолжательнице рода. Очевидно, счет родства в некоторых половецких родах долгое время оставался матрилинейным (от матери к дочери). Это подтверждается также и сохранившимся у половцев и упомянутым летописцем пережиточным обычаем «левирата» — обычаем жениться «на ятрови», т. е. на женах своего отца: жены как бы принимали нового «хозяина» в свой род.

На низших ступенях иерархической лестницы стояли главы небольших кошей — «кошеи» (рядовые воины) и простые пастухи, которые не были «кошеями», так как для этого нужно было иметь кош — пастбища и достаточное для кочевки количество скота. Пастухи, как правило, попадали в экономическую зависимость от богачей-аристократов, которые давали им скот «на выпас» с условием выплаты половины приплода (феодальный степной закон «суана»). Это давало возможность пастухам в хорошие годы прокормиться вместе с семьей (женой и детьми). Нередко разорившиеся кошевые попадали в это зависимое сословие. Выходцы из этого сословия становились ремесленниками и даже изредка занимались земледельческим трудом, распахивая небольшие участки земли у зимних стойбищ. Разорение пастуха вело к невыполнению обязательств, а это становилось причиной уже полного закабаления и перехода более или менее самостоятельного пастуха в число «челяди» в большой семье — коше. В число челяди входили и «чаги» — женщины-служанки. И наконец, на самом низу стояли «колодники» — взятые в плен русские или иные домашние рабы. Большинство захваченных пленных шло, как говорилось, на рынки, но часть оставалась в кочевьях. В «Сказании о пленном половчине» автор прямо указывает на существование этой социальной категории в половецком обществе: «...повеле рабам своим нарядиться и стадо коней отлучить...» (Сказание..., с. 73—74). Тяжкая участь рабов многократно трагически описывалась в летописях и других древнерусских произведениях. Под 1170 г.

летописец перечисляет всех захваченных в половецких вежах зависимых людей. Русские ополонились тогда: «...и колодники, и чагами, и детми их, и челядью, и скоты и конми, хрестьяны же отполонивше пустиша на свободу...» (ПСРЛ, II, с. 540). Интересно, что начато перечисление с колодников, поскольку это были пленные половецкие воины, шедшие в рабство на Русь, освобождение которых было возможно только за большой выкуп. Чаги с детьми и прочая челядь захватывались в плен и фактически переселялись на Русь до конца жизни, вливаясь в число русских челядинцев в качестве домашних слуг, нянек и пр. «Хрестьяны» — русские пленные рабы — освобождались при взятии половецких кочевий.

В эпоху военной демократии все могущие носить оружие, даже молодые женщины, участвовали в военных действиях. С переходом к классовым отношениям эта «практика» поголовного привлечения людей в походы и набеги продолжалась. Даже пастухи, если у них были кони, примыкали к той или иной «ватаге», идущей на Русь или еще дальше — на Дунай и Балканы. Поэтому очень часто количественно половецкое войско бывало очень значительным. Так, например, в 1060 г. в Черниговское княжество прихлынуло 12 тыс. половцев, в 1128 г. — 7 тыс., в 1159 г. на Киевскую землю прикочевало 20 тыс. Мы уже говорили, что, возможно, иногда половцы являлись на русскую землю вместе с вежами, но это случалось только тогда, когда они не опасались разгрома. Обычно же приходило «военизированное» население. Однако участие в войске большого числа недостаточно квалифицированных воинов приводило к тому, что половцы нередко терпели сокрушительные поражения: «...не възмогоша и стяга поставите», т. е. бежали при приближении русских, не принимая боя.

Если организатор набега был опытный военачальник, он обычно не гнался за количеством, а брал в поход столь же опытных и хорошо вооруженных воинов — «кошеев», каждый из которых имел и «подводного» (запасного) коня, и челядинца для услуг. Очень подробно рассказывает летописец о полках Боняка, которые он привел на помощь князю Давыду в 1097 г. Всего половецких воинов было 300, а у Давыда —

100. Давид, по словам летописца, встал в центре — под стягом. Боняк же первоначально ввел в бой только половину своих воинов, разделив их на три равных отряда по 50 человек в каждом. Вперед он послал стрельцов под командой удалого Алтунопы, а два других отряда поставил в засаду. Далее летописец пишет: «Алтунопа же пригна к первому заступу (к передовому вражьему полку. — *С. П.*) и стреливше побегну перед угре, угре же погнаху по ним, мьянуху Боняка бежаша». Это обычный прием кочевников, используемый ими издревле в битвах: передовой отряд должен был обстрелять врагов и броситься в бегство, заманивая преследователей в засаду. В данном случае так и произошло.

Два засадных полка Боняка с двух сторон бросились на угров, а затем в битву, которая уже больше походила на избиение, подключены были все резервные силы половцев: «...и сбиша угров в мячь, яко сокол галице збиваеть. И побегоша угры» (ПСРЛ, II, с. 245—246). Рассказ об этой победе Боняка дает ясное представление о военных приемах (хитростях) половцев в битвах, в которых успеха добивались малым числом, но военным искусством. В открытых битвах такие небольшие соединения побеждали довольно часто. Основным принципом их было заманивание врага в ловушку. В следующей главе мы увидим, как в одном из самых крупных столкновений русских с половцами (в 1185 г.) последние использовали этот прием и добились полной и блестящей победы.

Нужно сказать, что каждое средневековое военное подразделение имело свой стяг — знамя. По стягам противники узнавали, кто в данный момент стоит перед ними. Стяги ставились перед битвой. Интересно, что в иллюстрациях Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи прямостоящие стяги с вертикальными древками изображают всегда перед битвой или после победы, а при поражении стяги нарисованы всегда сильно наклоненными.

Неверно думать, что половцы не умели брать укрепленные города. За всю их историю в восточноевропейских степях они взяли сотни пограничных городков по Руси и Суле, в Болгарии, Венгрии и Византии. Обычно сообщается, что тот или иной городок или крепость были сожжены

при взятии. По-видимому, половцы пускали в город стрелы с горящей паклей. Хан Боняк отваживался даже на отчаянные налеты на Киев — в 1096 г. он ограбил окрестности города и «пожъже» на Берестовом «двор княж» — безусловно, хорошо укрепленную небольшую крепостицу. Прием зажигания городских жилищ стрелами половцы пытались сделать значительно более «эффективным» и опасным для Руси. Так, хан Кончак в походе 1184 г. «пленил хотя грады русские и пожещи огньмъ: бяше бо обрел мужа такового басурменина, иже стреляше живым огнем, бяху же у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужъ можешеть напярщи» (ПСРЛ, II, с. 634—635). Летописец описывал, видимо, своеобразные «катапульты», кидающие в город уже не клочки горящей просмоленной пакли, а снаряды (керамические сосуды), расплескивавшие горящую жидкость (нефть?). Вероятно, сосудики имели форму «сфероконусов», широко использовавшихся в разных целях во многих восточных городах, а также в Волжской и Дунайской Болгариях, Закавказье, Средней Азии. «Басурменина» (мусульманина) Кончак мог привести из любой из этих стран, скорее всего из Азербайджана, поскольку Кончак, несомненно, сохранил связи с Грузией и соседними с ней государствами (именно его брат служил у царицы Тамары).

Этот поход закончился, даже фактически не начавшись, снаряды не были использованы, а «басурменина» русские взяли в плен. В данном случае интересно только желание половцев усовершенствовать свои осадные средства.

Что касается школы военного дела, то кочевники начинали учиться с самого раннего возраста. Карпини, например, говорил, что уже двух-трехлетних детей сажают на коней, и они скачут на них и учатся «пускать стрелы» из маленьких луков, изготовленных специально для них (Плано Карпини, с. 36). Ребята учились стрелять, охотясь на мелких степных зверьков (сусликов, сурков, тушканчиков и пр.). Становясь взрослыми, они продолжали совершенствоваться в военном деле, постоянно участвуя в охотах. Охотой, как писал Рубрук, «они добывают себе значительную часть своего пропитания» (Рубрук, с. 98). Очевидно, это была основная причина организации громадных облавных охот, как правило, воз-

главляемых крупнейшими военачальниками, самыми влиятельными аристократами. На охоту смотрели как на поход (набег) на чужую страну. К ней готовились, на охоте вырабатывались удаль и искусство воевать, на ней выявлялись самые лихие всадники, самые зоркие стрелки, самые умелые предводители. Таким образом, второй важной функцией охоты было обучение военному делу всех — от хана до простого воина и даже его «челядинца», т. е. всех, кто участвовал в военных мероприятиях: походах, набегах, баранте и пр.

Война и охота в значительной степени определяли экономику, социальный строй и быт кочевников. «Патриархальная вуаль» особенно ярко проявлялась именно во время военного похода или военизированной охоты. Патриархальностью были проникнуты вся жизнь и мировоззрение половцев. Крупные феодалы (ханы, солтаны, беки) играли в своих группировках роль «старейшин», что не мешало им закабалить своих единоплеменников — пастухов. Интересно отметить, что на главах и военачальниках, во всяком случае — в XI в., лежали еще и жреческие обязанности, что характерно было для патриархально-родового строя. Мы уже рассказывали о полночном «камлании» Боняка перед битвой — ясно, что в ответственные моменты хан сам предпочитал общение с духами. Надо сказать, что у Боняка были некоторые необычные черты и во внешнем облике. Так, как бы ни ругал летописец половецких князей, разоряющих русские земли, он ни одного из них не назвал, как Боняка, шелудивым (ПСРЛ, II, с. 303). Известно, что шелудивыми назывались люди, родившиеся в «сорочке», часть которой в виде высушенного лоскута кожи долгое время сохранялась на голове. Рождение в «рубашке» и по сей день считается счастливым предзнаменованием, а сохранение ее у взрослого человека в ту эпоху, несомненно, вызывало особое почитание его. Напомним, что этим же свойством (шелудивостью) отличался русский князь Всеслав Полоцкий (ПСРЛ, II, с. 143), имевший, по словам автора «Слова о полку Игореве», волшебное свойство превращаться в волка и в этом качестве преодолевать огромные расстояния в кратчайшие сроки. Любопытно, что оба «шелудивых князя» (половецкий и русский) имели, согласно легендам, непосредственное отношение к волкам:

могли разговаривать с ними, превращаться в них. Очевидно, недаром эти быстрые, отважные и жестокие звери в равной степени были волшебными героями как тюркских, так и славянских волшебных сказок. Кроме того, большинство героев тюркских сказок и некоторых русских часто бывают шелудивыми, а их боевые кони — шелудивыми жеребьями. Очевидно, шелудивость считалась признаком избранности, явной приближенности ко всему таинственному и «всевластному».

Наряду с ханами-жрецами была в половецком обществе и специальная жреческая прослойка — шаманы. Шамана половцы называли «кам», отсюда произошло и слово «камлание». Основными функциями шаманов были гадание (предсказание будущего) и врачевание, основанное на непосредственном общении с добрыми и злыми духами. Таким образом, факт существования шаманов является свидетельством того, что мир вокруг половцев был заполнен самыми разными «таинственными силами», с которыми мог общаться только шаман, испрашивая у них помощи или изгоняя их из больного человека.

Уверенно можно говорить, что верования половцев мало отличались от языческих представлений всех остальных кочевников, а мы знаем, например, что гунны поклонялись солнцу и луне, гузы верили в волшебные свойства камней, кыргызы — гор, кимаки — рек и т. д. Однако относительно половцев все это не было зафиксировано в источниках, поэтому подробно останавливаться на их верованиях и ритуалах, с ними связанных, мы не будем.

Зато есть многочисленные данные для характеристики погребального культа, культа предков и перерождения последнего в своеобразный культ предков-вождей.

Погребальный культ принадлежит к древнейшим формам религии. Несмотря на то что способы обращения с умершим зависели, как правило, от возраста, пола и особенно от его общественного положения, половецкий погребальный обряд отличается вполне определенными чертами, позволяющими нам говорить о связанных с погребальным ритуалом верованиях. Он характеризуется, как мы знаем, захоронением покойника с тушей боевого коня или с его чучелом: головой, ногами, хвостом и шкурой, набитой соломой. Конь

обычно взнуздан и оседлан, умерший — вооружен и погребен с необходимыми знаками отличия (украшениями, котелком, запасом пищи и пр.). После исполнения всех ритуалов, связанных с сооружением могилы, ее засыпали и над ней соорудили земляной или каменный курган. Рубрук так и пишет об этом: «Команы насыпают большой холм над усопшим... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен...» (Рубрук, с. 102). Обряд здесь несколько видоизменен, хотя общая идея осталась прежней.

Заключается она, во-первых, в уверенности, что у каждого человека есть душа; во-вторых, что эта душа нуждается после смерти в том же окружении, какое было у человека при жизни. Поэтому в могилы помещалось довольно много вещей: столько, сколько могли положить туда оставшиеся на земле родичи. Очевидно, потусторонний мир представлялся половцам простым продолжением настоящего.

Тем не менее, переходя в иной мир, душа предка приобретала, по мнению половцев, особые возможности и силы для того, чтобы помогать людям (обычно родным), приносящим ей жертвы. Это убеждение свойственно всем народам, у которых господствующей формой религии был культ предков. Широкое распространение половецких каменных статуй, находки святилищ с ними свидетельствуют в первую очередь о том, что культ предков был главным компонентом их религиозных представлений. Мы уже говорили, что каменные изваяния могли заказывать только богачи. Бедняки, возможно, делали деревянные статуи или же ограничивались войлочным изображением предка, которое помещалось в обычной жилой юрте. О таких небольших домашних идолах писал Рубрук: «...над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемое братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома» (Рубрук, с. 94).

Вполне вероятно, что западная ветвь половцев, не ставившая каменных идолов, пользовалась такими войлочными, более «подвижными» — переносными идолами.

Можно считать установленным фактом, что каменные статуи ставились только в память богачам. Святилища с ними сооружались под открытым небом в доступных для всех проезжавших и видимых издали местах. Рубрук писал об этом так: «Команы... воздвигают ему (умершему. — С. П.) статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу...» Все обязаны были приносить им жертвы и поклоняться им. Об этом поклонении очень выразительно и поэтично рассказывает азербайджанский поэт XII в. Низами, жена которого была половчанкой:

И пред идилом гнется кипчаков спина...
Всадник медлит пред ним, и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
Что оставить овцу перед идилом надо.

Перевод К. Липскерова

Следует сказать, что не всегда жертвоприношения были столь «невинны». Археологи обнаружили у подножия одной из статуй скелетик убитой девочки (пленной?). В русских сказках сохранился образ Булата-молдца, который, спасая побратима-царевича, превратился в каменное изваяние, и расколдовать его можно было, только полив на него кровь детей царевича. Возможно, в сказке отражен действительно существовавший у половцев жестокий обычай окроплять временами статуи предков детской кровью.

Вторая форма кочевания обуславливала некоторую ограниченность территории кочевания и определенность маршрутов перекочевок и степных дорог, а значит, как правило, ездили мимо каждого святилища члены одной орды, рода, семьи, те, кому принадлежала данная земля. Кажется весьма вероятным, что именно это обстоятельство способствовало постепенной трансформации семейно-родового культа предков в культ предков-вождей. В половецком обществе середины XII в. это не были уже родовые вожди-старей-

шины. Это были представители класса феодалов. Общие для орд и родов предки-покровители при жизни являлись правителями орд и крупных богатых родов и семей. Сакрализация власти хана проявлялась не только в вере в его магическую силу, но и в поклонении ему как верховному покровителю всей степной группировки. Этот культ возникал обычно у народов, стоявших на первых ступенях классового общества. У половцев он сосуществовал с культом предков, а не заменял его: святилища сооружались не только в память выдающихся деятелей, но и главам богатых родов и семей, а также женщинам. Перерастание одного культа в другой и в то же время их сосуществование еще раз подчеркивают ту «патриархальную вуаль», о которой мы говорили выше и которая окутывала все проявления общественной и духовной жизни половцев. В источниках мало дается сведений о половецких обычаях. Так, летописец сообщает нам только, что «половцы закон держать отец своих, кровь проливати, а хвалящаяся о сем», т. е. законы их ограничивались «обычным правом». Одним из основных законов-обычаев была кровная месть, несомненно, являвшаяся анахронизмом в классовом обществе.

Еще об одном законе обычного права рассказывает нам Ибн Баттута — арабский автор, писавший в первой половине XIV в.: «...у скотины их нет ни пастухов, ни сторожей вследствие строгостей постановлений их за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему 9 таких же (коней), а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают» (Тизенгаузен, I, 1984, с. 282). В скотоводческом хозяйстве при необозримости стад этот жесткий закон был абсолютно необходим степнякам. Однако он, видимо, не исключал разбойного «обычая» баранты (барамты) — угона скота с соседнего кочевья (по существу, массового воровства). С барантой приходилось бороться уже силой и властью какого-нибудь могущественного хана, под «руку» которого охотно шли степные группировки, способствуя образованию в степях новых объединений.

По словам крупнейшего советского этнографа, культ почитаемого предка является соединением «трех первичных представлений: идей души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового покровителя» (Токарев, 1964, с. 277). Если первая и последняя идеи довольно четко выделяются при исследовании каменных изваяний, то «тотемный предок» совсем не виден в этом источнике, хотя представления о нем были очень сильны и живучи в тюркоязычной среде. Мы видели прямую связь Боняка с волками-покровителями, бывшими, очевидно, древним тотемом рода, хотя, как известно по дошедшей до нас тюркской легенде, прародительницей всех тюрков была волчица. Следует помнить, что Боняк общался с волками в конце XI в. — в период становления классового общества у половцев. Несмотря на пережиточные явления и анахронизмы, постоянно встречающиеся в общественных отношениях, быту и религиозных представлениях, следует все-таки учитывать, что по прошествии 100 лет, в конце XII в., у половцев было уже достаточно развитое феодальное общество.

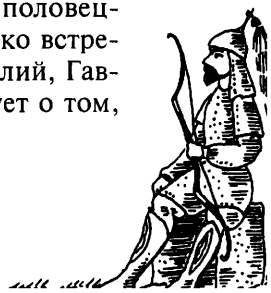
Идея «семейно-родового предка» к этому времени фактически стала основной в культе предков, переродившемся в культ вождей-предков. Тотемное содержание предка ушло в далекую легендарную древность. Ни разу ни в летописи, ни в иных письменных источниках даже бегло не упоминается о тотемных представлениях у половцев. Не прослеживаются они и в погребальных обычаях и на каменных статуях.

В начале 80-х годов XX в. в связи с 800-летием написания великого произведения древнерусской литературы «Слова о полку Игореве» о нем было опубликовано много новых исследований. В одном из них была сделана попытка доказать господство или, во всяком случае, широкое распространение среди половцев тотемизма. Автор этой гипотезы Г. В. Сумаруков считает, что автор «Слова», описывая, как в 1185 г. князь Игорь сначала идет по степи на вежи Кончака, а затем бежит из плена и встречает многих животных и птиц (волков, лис, орлов, ворон, лебедей, сорок, галок, соловьев), имеет в виду не настоящих животных, а половецкие роды с соответствующими тотемами (Сумаруков, 1983).

Говорить о такой силе и живучести тотемных представлений у половцев конца XII в. вряд ли правомерно. Следует подчеркнуть, что толкование текста автором звучит порой фантастично, а местами кажется, что он просто шутит с читателем. Г. В. Сумаруков полагает также, что половецкие стяги изображали животных-тотемов. Это действительно могло быть: так сохранялась память о древнем предке-покровителе, хотя доказательств такого обычая у нас нет. В Радзивилловской летописи и на единственном дошедшем до нас рисунке-граффити, изображавшем всадника, на постаменте одной из статуй, половцы держат стяги в виде узких длинных треугольных флажков. Более ни изображений, ни описаний, ни находок стягов в археологических комплексах пока неизвестно.

Тем не менее, несмотря на фактическое отсутствие у половцев древнейших проявлений языческой религии, все основные прослеженные нами элементы их религиозных представлений были языческими.

Тесное общение с соседними христианскими странами (Византией, Русью, Болгарией, Грузией, Венгрией) и мусульманскими государствами (Азербайджаном, Волжской Болгарией и огромным миром среднеазиатских государств) привело, естественно, к проникновению этих двух религий в кочевые степи. Правда, сведений о принятии мусульманства половцами не сохранилось. Зато хорошо известно, что эта религия стала господствующей у кипчаков, оставшихся в Средней Азии. Восточноевропейские половцы, естественно, находились под сильным воздействием христианских стран, в первую очередь Руси. Монахи крупнейшего культурного и христианского центра Руси — Киево-Печерской лавры — писали о переходе половцев в христианство целыми родами. Как правило, эту чуждую религию принимали в периоды опасности и тяжелых обстоятельств. В частности, в 1224 г. большое число половцев бежало от стремительно наступавших монголов в русские земли, многие из них крестились, в том числе «великий князь половецкии крестися Басты...» (ПСРЛ, II, с. 741). Нередко встречаются в летописи русские имена половцев: Василий, Гаврилко, Юрий и др. Очевидно, это свидетельствует о том,

что все они получили имена при крещении, а в 1227 г. половец Борис (православный) писал папе Григорию, желая вместе с отцом перейти в католичество. Принимая новую религию, половцы отнюдь не отказывались от древних обычаев. Об этом сообщил в своей «записке» Рубрук: подробно рассказав о куманском погребальном обряде, он с удивлением добавляет, что умерший был окрещен.

Что касается западных половцев-куманов, постоянно общавшихся с венграми и откочевывавших на венгерское пограничье, то они уже через поколение начинали переходить в католичество. Нередко венгерский король, пуская их на свои земли, ставил непременным условием принятие христианства. Кочевники охотно крестились, но, судя по сохранявшимся у них языческим именам, продолжали чтить и своих богов, свои святыни.

Следует сказать, что отношения половцев с соседями не ограничивались, конечно, импортом христианства.

Кочевники активно воспринимали и культуру этих стран: бытовые обычаи, некоторые детали одежды, предметы обихода, отдельные слова, приходившие в степь вместе с заимствованными предметами. Так, в Половецком словаре есть «половецкие» слова «изба» и «печь», что, несомненно, говорит об освоении этих понятий половцами. Не исключено, что половцы, женившись на русских женщинах-полонянках, переходили на зиму из юрт в избы с печами, поскольку каждая женщина предпочитает готовить на таком очаге, к которому ее приучила мать с детства. Попадая в степи, они сами складывали себе печи-каменки или лепили их из глины на каркасе из прутьев. Так же попадали в степь и характерные русские горшки.

Роскошные ткани в большом числе поступали к половцам с Востока и из Византии. Однако одежду они шили по своей (степной) моде, из дорогих материй кроились рубахи и кафтаны принятых образцов, штаны обычно были кожаными. От византийцев половцы переняли только нашивку роскошных полос — «клавов» — на рукава. Такие нашивки имели право носить византийские аристократы. Таковую же роль играли они и в одежде половецкой знати: большинство женских и мужских статуй изображено с «клавами» на рукавах.

Нельзя отрицать и обратного влияния — половцев на соседей. Так, известно, что византийцы и венгры заимствовали роскошные половецкие одежды, которые особенно широко были распространены среди придворных императора и короля. В Византию, как и на Русь, проникало кочевническое оружие — сабли и тугие луки, седла и некоторые формы стремян, видимо, наиболее удобные или просто «модные» тогда у степных народов.

Тесное общение половцев с Русью привело к взаимному обогащению языков. К сожалению, о половецком языке мы можем судить только по полутора-двум тысячам слов Половецкого словаря, хотя, как мы видели, даже там удалось выявить явно славянские слова (древнерусские). В древнерусском же языке тюркологи находят громадное количество тюркизмов, т. е. слов, в основе которых лежат тюркские корни. Общение славян и тюрок длится почти два тысячелетия, поэтому, естественно, не все тюркизмы попали в древнерусский язык от половцев, но значительная их часть относится именно к половецкой эпохе. Особенно ярко они звучат в «Слове о полку Игореве». Анализом слов-тюркизмов этого памятника древнерусской литературы занимались крупнейшие русские и зарубежные ученые (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, С. Е. Малов, И. А. Баскаков, К. Г. Менгес и многие другие). Мы не будем излагать здесь результаты их исследований, нам важно констатировать самый установленный ими факт весьма оживленных связей двух больших этносов между собой.

И у половцев, и на Руси было много людей, хорошо знавших язык другого народа. Матери и няньки русских княжат и боярских детей нередко были половецкими: они пели детям половецкие песни, говорили с ними на родном языке. Ребята вырастали двуязычными. То же было и с простыми людьми во всех пограничных со степью княжествах. В половецких кочевьях жили тысячи русичей: жены, служанки, рабы, пленные воины. Наконец, к середине XII в. появилось много поселков русских «бродников», безусловно, также бывших двуязычными.

На пограничье, возможно, среди черных клобуков, были, несмотря на распространенность знания половецкого языка

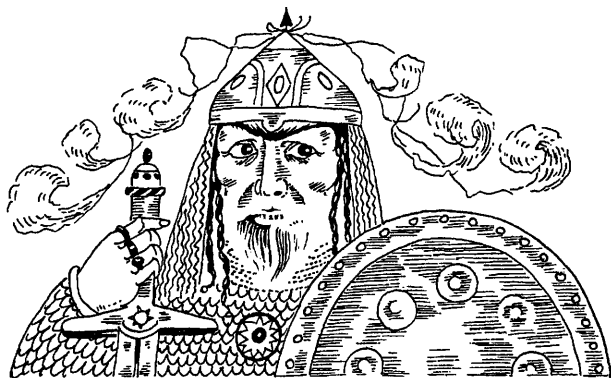

на Руси, специальные переводчики. О них упоминает автор «Слова», называя «погаными тлъковинами» (язычниками-переводчиками). О толковинах, живших на Днестре вместе с уличами и тиверцами, знал и писал русский летописец, сказав об этом мимоходом, как о хорошо известном факте.

Общение с развитыми феодальными государствами, окружавшими Половецкую степь (и восточную ее часть — Дешти-и-Кипчак) со всех сторон, способствовало быстрому переходу половцев к классовому обществу. Во второй половине XII в. в степях кочевали уже не аморфные родо-племенные объединения, готовые к любой военной авантюре, а возглавляемые феодальными владетелями орды, объединявшие крепкие ячейки — айлы (коши). Все они были живо заинтересованы в разносторонних отношениях и связях с соседями и более всего — с Русью. Начинался новый этап истории половцев в восточноевропейских степях.

Глава 8 Новые объединения. Хан Кончак

История половцев во второй половине XII в. характеризуется, во-первых, дальнейшим ростом самых разносторонних связей с южными русскими княжествами, во-вторых, заметными изменениями, происшедшими в их внутренней политике, а именно — образованием в степях нескольких крепких объединений орд, и, в-третьих, отделением восточных половцев (шары-кипчаков) от западных команов, связавших свои политические интересы с западными государствами (Венгрией, Болгарией).

Рассмотрим последовательно судьбы всех оформившихся еще в предшествующий период образований. Мы видели, что установить местопребывание степных группировок, как правило, бывает очень трудно. Одним из способов, которым мы воспользовались, было фиксирование тех конечных пунктов на русской границе, на которые обрушивались половецкие удары, а также имен русских князей, с которыми так или иначе сталкивались кочевники. Например, если нападения совершались на Черниговское княжество, естественно было предполагать, что направлены они были от ближайших к его границам донских половцев. Если же от половцев страдали Переяславль, Посулье, города Поросья или Киев,

а защищали их киевские, переяславские или поросские князья с черными клобуками, то можно говорить с большей или меньшей уверенностью, что там действовали орды приднепровских или даже буго-днепровских половцев.

В записи 1172 г. летописец говорит о делении половцев, во всяком случае, на две крупные группировки. Он сообщает, что в первый год княжения в Киеве Глеба «приде множество половець, разделившись надвое, одни поидоша к Переяславлю и сташа у Песочна, а друзии поидоша по оной стороне Днепра Киеву и сташа у Корсуня (Днепровско-го. — *С. II.*)» (ПСРЛ, II, с. 555). Половцы пришли просить мира, и Глеб поспешил им навстречу. Но сначала он направился к половцам, ставшим под Переяславлем, поскольку переяславскому князю Владимиру Глебовичу было всего 12 лет и он, конечно, нуждался в помощи во время переговоров. При этом Глеб не забыл послать половцам, стоявшим у Корсуня, весть: «...умиряся с тыми половеци и приду к вам на мир». Однако «корсунские» половцы, узнав, что Глеб поехал в Переяславль, отказались от похвального намерения заключить мир и ринулись к Киеву за полоном: «...взяша села без учета, с людми и с мужи и с женами, и коне и скоти и овыце погнаша в половець». Однако увести в степь этот богатый полон они не успели, так как были настигнуты братом Глеба — Михалко — с сотней переяславцев и 1500 берендеями и «усретоша половеце идуше с полоном и бившася и одолети их, самих избиша, а полон свой отымаша». Интересно сообщение об этой битве потому, что летописец, подводя итоги, писал далее: «...бысть сеча зла... Якоже прежде в луце моря бяхуся с ними крепко» (ПСРЛ, II, с. 556–559). Почему неожиданно вспоминает он Лукоморье? Видимо, потому, что в 1172 г. под Киевом действовали те же лукоморские половцы. Как и в 1103 г., они были побеждены, частично перебиты, частью взяты в плен. Только «князь их Тоглий утече».

Хан Тоглий (в других записях — Товлый, Тоглый, Итоглый, Итогды) неоднократно упоминается в летописи после этого года. В 1183 г. Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич — великие князья киевские — организовали поход на половцев. Поскольку дело было летом, половцы, не связанные стационарными зимними становищами, уклонились от бит-

вы, и тогда князья отправились обратно. По дороге они оставались «на месте, нарицаемым Ерель», — очевидно, в устье реки Орели. Вот здесь-то половцы и решили напасть на русские полки и в результате потерпели страшное поражение. Инициатором этого неподготовленного сражения был хан Кобяк Карлыевич. Разгром половцев был полный. В плен были взяты, помимо самого Кобяка, два его сына, Изай Билукович, Товлий с сыном и братом Бокмишем, Осолук, Барак, Тарх, Данила, Съдвак Кулобичский, Коряз Калотанович, были убиты Тарсук «и инех без числа» (ПСРЛ, II, с. 632). Судьба пленников была обычной: большинство их откупилось, поскольку они упоминались в летописи и в более поздних записях. Однако самый энергичный и не раз грабивший Русь хан Кобяк был казнен русскими князьями, о чем мы узнаем из строк «Слова о полку Игореве»:

А поганого Кобяка из луку моря
От железных великих плъков половецких
Яко вихрь выторже:
И падеся Кобяк в граде Киеве,
В гриднице Святослави.

(Слово..., с. 18)

После смерти Кобяка, пожалуй, самым видным ханом Лукоморья стал Тоглий. В 1190 г. он приютил сбежавшего от Святослава торческого князя Кунтувдея и вместе с ним начал «часто воевати по Рси» (ПСРЛ, II, с. 669). Против обыкновения он организовал поход зимой 1190 г., когда русские меньше всего ждали врагов. Вместе с ним возглавляли набег ханы Акуш и Кунтувдей. Активность Тоглия, постоянная опасность, грозившая Руси, вызвали необходимость собрать воинов в ответный поход. Инициаторами стали «лепшие мужи» из черных клобуков, которые явились к Ростиславу Рюриковичу, княжившему в Торческе, и заявили: «...се половце сее зимы воюють ны часто» (ПСРЛ, II, с. 670) — и далее пригласили его возглавить ответный набег. Ростислав сговорился с другим молодым князем — Ростиславом Владимировичем, собрал черных клобуков и стреми-

тельно ринулся до «Протолчии» и там в «лузе в Днепреском... заяша стад множество и вежа, которе бяхуть остались в лузе» (ПСРЛ, II, с. 671). Сообщение это интересно также и тем, что в «Протолчии» (или луке Днепра) находились зимовища половцев. Место это очень точно определяется еще в ранней записи 1103 г., когда русские войска, по словам летописца, «приидоше ниже порог и стаща в Протолчех и в Хортичим острове» (ПСРЛ, II, с. 253), т. е., очевидно, «Протолчие» находилось на правом берегу Днепра, немного выше Хортицы, у брода через Днепр (Кудряшов, с. 131).

Возвращаясь к походу 1190 г., следует отметить, что половцы, узнав, что их стада, жены и дети угоняются в плен, кинулись в погоню и на третий день пути у речки Ивли (Ингульца) догнали русских, отягощенных стадами и захваченным добром. Летописец писал, что в полку половецком было «три князя, Колдечи, Кобан, Урусовича оба, и Бегбарс, Акочаевичь четыре же, Ярополк Томзакович со стороны приеха своим полком» (ПСРЛ, II, с. 671). Три безымянных князя — это, видимо, те же Тоглий, Акуш и Кунтувдей, что же касается Ярополка, то, вероятно, не напрасно летописец подчеркнул его обособленность от остальных знатных воинов (беков). Он принадлежал другому, соседнему, формирующемуся в те же годы в Приднепровье объединению. Бой с половцами приняли на себя русские стрельцы (легкая конница) и черные клобуки; половцы же, увидев сзади стяги Ростиславовы, начали отступать. Многие погибли и были взяты в плен, в том числе и «князь Кобан», отпущенный тут же по совету Ростислава за откуп.

Еще раз князья Тоглий и Акуш названы именно лукоморскими ханами в записи 1193 г. о мире, который захотели заключить с половцами Святослав и Рюрик (киевские князья). Святослав поручил Рюрику пригласить лукоморских половцев «Акута и Итоглыя». Оба они пришли в Канев, где их ждали оба русских князя. Святослав же взял на себя договор с другой, близкой к русским границам половецкой группировкой — Бурчевичами, возглавляемыми тогда ханами Осолуком и Изаем. Однако Бурчевичи приехали «по оной», т. е. левой стороне Днепра и стали напротив Канева, отказываясь ехать в него, так как у них были плен-

ные из черных клобуков, которых их могли заставить силой вернуть во время переговоров. Бурчевичи начали приглашать князей к себе в стан, поскольку, говорили они, это же вам, а не нам нужен мир. Русские князья гордо ответили им, что ни их деды, ни отцы их не ездили в степь просить мира. Тогда Бурчевичи уклонились от переговоров и ушли в степь, а Святослав отказался мириться с одними Лукоморцами. «...Не могу с половиною их мириться», — сказал он и гневный уехал из Канева в Киев (ПСРЛ, II, с. 676).

Определить точное расположение Лукоморья довольно трудно. Однако есть данные о том, что кочевья Лукоморцев располагались по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра, поднимаясь до «Протолчии» и Хортицы. Днепр был основной магистралью, вдоль которой в разные времена года перемещались лукоморские половцы. В «Слове о полку Игореве» это находит подтверждение в следующих строках, обращенных Ярославной к Днепру: «Ты лелеял еси на себе Святослави насады до пълку Кобякова», т. е. лукоморский хан Кобяк прямо связывается с Днепром.

О том, что Лукоморцы занимали приазовские излучины, свидетельствует упоминание под 1190 г. в числе пленных двух Урусобичей. В 1103 г. кочевья Урусобы, по сведениям русского летописца, находились где-то в районе реки Молочной, впадающей в Азовское море.

Можно проследить лукоморских половцев и по каменным статуям, которые были обнаружены в районе нижнего Днепра. Как правило, относятся они к развитому периоду половецкой скульптуры, а именно ко второй половине XII — началу XIII в. Видимо, это может быть косвенным подтверждением того, что лукоморские половцы оформились в относительно крепкое объединение нескольких орд примерно в 60—70-х годах XII в.

Вполне возможно, что в лукоморское объединение входили и крымские кочевья. Во всяком случае, стилистическое единство статуй лукоморских и крымских половцев очевидно.

Характерно, что Лукоморцы набегали и даже на мир в 1193 г. приходили на Русь (в основном в Поросье) по правому берегу Днепра — по пути, пролежавшему между рекой

и мощным лесным массивом, который защищал от степняков Поросье с юга.

Традиция такого передвижения сложилась, видимо, не случайно: по левому берегу между Лукоморцами и русской границей кочевали половцы другого объединения, которое летописец неоднократно называл в XII в. «приднепровским». В одной из предыдущих глав мы уже говорили, что на степном левобережье Днепра, по берегам Волчьей и Самары, кочевала орда Бурчевичей. Поскольку известность этой орды, не только расширившей к концу XII в. территорию кочевания, но и объединившей, возможно, вокруг себя несколько менее крупных орд, особенно стала выявляться в летописи в последние два десятилетия XII в., попытаемся рассмотреть сведения о ней не хронологически, а ретроспективно. Итак, выше уже говорилось, что Бурчевичи, возглавляемые Осолуком и Изаем, приходили по левой стороне Днепра к Каневу на мир в 1193 г. По тому, что оба хана вели себя крайне дерзко, можно с уверенностью говорить, что Бурчевичи переживали в эти годы время наибольшей своей силы и не очень боялись русского удара (его и не последовало).

Оба хана упоминались и ранее — под 1184 г., они попали в плен к русским после неудачной битвы у Ерели (устья Орели). Поход русских был направлен тогда на Лукоморцев, но на обратном пути русские полки проходили по землям Бурчевичей и к тому же раскинули стан на их земле. Это, видимо, и было причиной участия ханов Бурчевичей Осолука и Изая Билюковича в бою у Ерели.

В записи 1168 г. летописец кратко рассказывает о том, что в лютую зиму два Ольговича — князя Олег и Ярослав — ходили на половцев: «...взя Олег веже Козины и жену, и дети, и злато, и серебро, а Ярослав Беглюковы веже взя» (ПСРЛ, II, с. 532). По-видимому, Беглюк из этой записи — отец Изая, а это значит, что вежи его находились в Приднепровье. Что касается веж Козы, то они размещались, по-видимому, где-то поблизости от Беглюковых — поход Ольговичей был совместным, хотя князья и разделили между собой объекты грабежа. Надо сказать, что Ольговичи, княжившие в основном на Черниговщине, и в добре, и в зле (в мире, браках, военных союзах и битвах) были более связаны

с восточным крылом половцев. Поэтому, если бы не упоминание имени Беглюка, мы бы скорее поместили вежи обоих ханов где-нибудь в Заосколье — поближе к черниговским границам. Однако летописью зафиксирован еще один факт набега из Черниговского княжества в Приднепровье в 1167 г. — князя Олега Святославича, видимо, убившего тогда хана Боняка. Еще при жизни Боняка Беглюк (Белук) был довольно влиятельным ханом, поскольку именно с ним князь Ростислав заключил в 1163 г. мир и взял у него дочь замуж за своего сына Рюрика. Характерно, что сын Рюрика и Белуковны князь Ростислав Рюрикович ни разу не ходил в набеги на правый берег Днепра, хотя был лихим воином и охотно возглавлял стремительные грабительские броски черных клобуков на лукоморские зимние вежи (1190, 1192, 1193 гг.). Хан Коза, очевидно, также был знатным аристократом и влиятельным лицом в степях. Недаром летописец, сообщая под 1180 г. о гибели этого хана, особо выделяет его из остальных убитых и плененных половецких аристократов: «И тогда убиша половецкого князя Козла Сотановича, и Елтука, Кончакова брата, и два Кончаковича яша, и Тотура, и Бякобу, и Кунячюка багатого, и Чюгая...» (ПСРЛ, II, с. 623). Из этого сообщения следует, что, как и Беглюк, Козел Сотанович после потери веж отнюдь не утратил своего веса в степях — целых 11 лет он оставался одним из самых видных владетелей приднепровских половцев.

Под 1187 г. в летописи помещен рассказ о походе нескольких русских князей на Приднепровцев. Зима была «зла вельми» и к тому же очень снежная, из-за чего русским пришлось идти на юг единственной дорогой — по льду Днепра. Так дошли они до Самары, там взяли «сторожи половецкие» и выведали у них, что вежи и стада половецкие стоят на полдня пути — в месте, называемом Голубой лес, расположенном где-то при слиянии Самары с Волчьей (Кудряшов, 1948, с. 100—101). Таким образом, мы знаем месторасположения зимовищ приднепровских половцев — они находились на территории, которую мы, видимо, можем считать исконной землей Бурчевичей. Здесь было сосредоточено огромное количество половецких святилищ. До нашего времени каменные статуи половцев встречаются в этом регио-

не только в музеях и школьных дворах, но и разбросаны в большом числе по селам и полям вокруг них. Это был центр Приднепровцев. Мы можем также наметить расположения самой крайней (пограничной с Русью) орды этого объединения. В 1183 г. новгород-северский князь Игорь Святославич с братом и племянником решили воспользоваться тем, что великие князья Святослав и Рюрик отправились в степь на половцев и все половецкие воины «оборотилися противу русским князем». В окраинных вежах фактически не осталось дееспособных воинов, и новгород-северские князья ударили по периферийной орельской орде — по вежам, стоявшим за Мерлом (левый приток Ворсклы). Половцы были побеждены, но полон, видимо, был невелик: летописец не считал нужным упомянуть о нем.

Приднепровские половцы не только были ближайшими соседями Руси, подкочевывавшими почти к самым ее границам, но в их руках находился также степной участок важнейшего торгового пути «из варяг в греки». У днепровских порогов (на волоках) купцы, ходившие с товарами по Днепру, становились особенно беспомощными. Там и грабили их Приднепровцы, поскольку волоки находились, видимо, на их земле. Помимо водного днепровского пути, вдоль великой реки тянулся Солоный путь, по которому везли с юга соль на Русь, — он использовался украинскими «чумаками» вплоть до конца XIX в. Кроме того, по Днепро-Донскому водоразделу, по границе между донскими и приднепровскими кочевьями, проходил еще один сухопутный путь — Залозный.

Надо сказать, что половцы обычно беспрепятственно, вероятно, за сравнительно небольшую пошлину пропускали торговые караваны: это было им выгодно. Кроме того, купцы находились под покровительством русских князей, ссориться с которыми половцам также не всегда было выгодно и необходимо. Однако же в годы, когда на Руси усиливались междоусобные смуты и, главное, когда и в степях не было крепкой руки, которая держала бы относительный порядок в ордах и регулировала бы их внутренние и внешние отношения, отдельные половецкие группировки совершали разбойные нападения на караваны. Первое сообщение

об этом помещено под 1167 г. Половцы, узнав, что русские князья «не в любви живутъ шедше в пороги начата пако-стити гречником» (ПСРЛ, II, с. 526), т. е. купцам, идущим из Византии, «из греков». Пришлось киевскому князю посылать навстречу каравану отряд, который благополучно доставил купцов до Киева. Второй раз о грабежах на путях говорится под 1170 г. в речи князя Мстислава Изяслави-ча, призывавшего князей в большой поход на половцев. Он говорил: «Братья! пожалте си о Рускои земли и о своеи отчине ж и дедине... а уже у нас и Гречьский путь изьотима-ють, и Солоньи, и Залозныи; а лепо ны было, братье... поис-кати отецъ своих и дедъ своих пути и своеи чести» (ПСРЛ, II, с. 538). Князья откликнулись на этот призыв, собрали большое войско (в летописи перечислено 14 князей с пол-ками и добавлено: «и инии мнози») и 2 марта 1170 г. вышли из Киева. Далее не указано, по какой стороне Днепра шли русские полки, но судя по тому, что в походе участвовали преимущественно князья левобережных днепровских кня-жеств, все они, выйдя из Киева, повернули в Переяславское княжество, к Суле, и, перейдя через нее, оказывались уже в степи. Правда, между Сулой и Ворсклой территория была «нейтральной», однако отдельные кочевья-зимники распо-лагались и там, так как на десятый день похода, не дойдя до Орели, русские натолкнулись на первые вежи и взяли их. Случилось так, что половцы этих веж узнали от пленного «кошея» о наступлении русских князей, и воины отступи-ли в глубь степи, оставив жен, детей и вежи. Князья взяли добычу, оставили сторожить ее Ярослава Всеволодовича с полком, а сами двинулись дальше — на реку Углу (Орель) и еще южнее — на Самару и на берегах обеих рек снова захва-тили вежи, но самих половецких воинов, пытавшихся избе-жать сражения с целью собрать силы, русские настигли толь-ко у Черного леса, «притиснувшѣ к лесу избиша е, а ины руками изоимаша» (ПСРЛ, II, с. 539–540). Часть половцев все-таки вырвалась из окружения и, преследуемая бастия-ми, ушла на Оскол. Упоминание Оскола помогает хотя бы примерно наметить местоположение Черного леса. Большой лесной массив, состоявший из смешанных пород леса, про-изводящий и в наши дни впечатление «черного», находится

на правом берегу Донца, напротив устья Оскола. Это были уже владения донских половцев. Русские князья не захотели продолжать свой поход, вероятно, потому, что тогда пришлось бы, находясь в центре враждебной степи, столкнуться со свежими силами восточной группировки.

Сообщение об этом походе интересно прежде всего тем, что в нем совершенно четко указано местоположение приднепровских зимовий в Среднем Приднепровье. Не только Лукоморцы гоняли скот с берега моря чуть ли не до Хортицы, но и Приднепровцы старались разместить скот на зимнюю пору в широких поймах левых притоков Днепра, поближе к великой реке, текущей «сквозь землю Половецкую».

Поход 1170 г. положил конец грабежам караванов, проходивших по степям. Позже не было зафиксировано летописцами ни одного самостоятельного похода Приднепровцев на Русь. В то же время следует сказать, что на их кочевья чаще, чем на остальные группировки, ходили в походы и обрушивали неожиданные удары русские князья. Русские и черноключуцкие лазутчики зорко следили за своим ближайшим соседом и учитывали все возможные для успешного нападения ситуации. Одной из них, как уже говорилось, были лютые зимы, другой — отсутствие в вежах воинов. Так было, например, в 1187-м и 1192 гг., когда половцы, вежи которых находились «за Днестром», ушли в поход за Дунай. Нежелание Приднепровцев сталкиваться с Русью вовсе не говорило об их слабости и миролюбии. Просто они предпочитали более отдаленные походы, на которые им невозможно было ответить аналогичным образом, поскольку для любого «задунайского» государства половцы, кочевавшие на левом берегу Днепра, были, конечно, недоступны. Тем не менее Приднепровцы никогда не упускали случая присоединиться к любой экспедиции, направленной на грабеж русских земель, если она возглавлялась русскими князьями (в междоусобье) или половецкими ханами других объединений. Особенно часто они присоединялись к Лукоморцам, нередко образуя с ними единую группировку, тем более что территории их кочевий, маршруты перекочевков постоянно пересекались и накладывались друг на друга. Однако, видимо, не было среди ханов обоих объединений достаточно сильной

личности для того, чтобы под своей властью создать единый крепкий союз орд (приднепровско-лукоморский).

Третьей степной группировкой, известной нам благодаря сведениям, сохранившимся в русских летописях, является донская (донецкая). Как мы знаем, центр ее с самого начала европейской истории половцев находился в среднем течении Северского Донца. После многих передвижений по донским степям, вызванным наступательной деятельностью Мономаха и его сына Мстислава, сын старого Шарукана Сырчан поставил свои зимовища именно на этой «исконно половецкой» земле. Сюда же прибыл из Грузии и его брат Атрак. В цитированной нами ранее записи 1201 г., рассказывающей о возвращении Атрака, летописец отмечает: «От него (Атрака. — С. П.) родившюся Кончаку». Впервые этот хан упомянут в русской летописи под 1172 г. в качестве участника одной русской междоусобицы. Там это уже воин с собственным военным отрядом, ему не менее 20—25 лет. Поскольку Атрак вернулся в степи после смерти Владимира, т. е. примерно в 1126—1130 гг., то, очевидно, Кончак родился у Атрака спустя не менее двух десятилетий после возвращения на берега Донца. Как бы там ни было, но именно благодаря Кончаку вновь возвысился в степях род Шарукана. В летописи он прослежен в четырех коленах. Академик Б. А. Рыбаков первым обратил внимание на то, что три основных представителя этой знатной аристократической семьи попали, помимо летописи, в русскую былинку:

Поднимается на Киев да Кудреванко-царь
А да с любимым-то зятелком со Атраком,
Он с любимым-то сыном да все со Коньшиком.
Да у Атрака силушки сорок тысячей;
Да у Коньшика силы да сорок тысячей;
У самого-то Кудреванка да числа-смету нет...

(Былины, I, с. 229, 231)

Несмотря на то что в этом отрывке несколько перепутан характер родственных отношений, связь всех трех ханов несомненна. Интересно, что в былинке повторяется цифра

40 тысяч — число воинов Атрака, ушедших с ним в Грузию, или же средний размер половецкой орды.

Так, в 60–70-е годы на исторической арене в степях появляется новый деятель — Кончак, бывший, очевидно, преемником Сырчана и Атрака.

Надо сказать, что в то время как кочевья приднепровских и отчасти лукоморских половцев служили постоянной мишенью для ударов русских и черноклобуцких полков, донские половцы жили в относительном спокойствии и безопасности. Вместе с тем почти все донские орды активно участвовали в русских междоусобицах и беспрепятственно богатели за счет грабежа, разрешенного им русскими князьями.

Сложившиеся обстоятельства привели к экономическому и демографическому процветанию. Разросшимся численно и территориально ордам необходимо было еще одно условие для дальнейшего укрепления своих позиций и военного потенциала, а именно сильная централизованная власть. Роль хана-объединителя и взял на себя Кончак. После смерти дяди и отца он возглавил, видимо, две орды, сразу выдвинувшись на одно из первых мест в степной иерархии. Однако для поддержания своего высокого положения требовались богатства, военная сила и объединение других орд под своей рукой. С целью получить какую-то добычу он ввязался в междоусобье 1172 г. По-видимому, чаяния его отчасти были удовлетворены, поскольку летописец в конце записи упомянул о том, что «половци... много створивше зла, люди повоевоваша...» (ПСРЛ, II, с. 550).

В 1174 г. Кончак попытался организовать свой первый самостоятельный поход на русские княжества. Уже тогда, стремясь к максимальному объединению сил, он заключил военный союз с Кобяком, ханом Лукоморцев. Соединив полки, ханы направились к Переяславлю. Город они не взяли, но основательно пограбили его окрестности у Серебряного и Баруча. Случилось так, что одновременно с половцами новгород-северский князь Игорь Святославич также, собрав полки, направился в поход «в поле за Ворьсколь». Там он встретил небольшой отряд половцев, ловивших на русском пограничье «языка», взял их в плен и выведаль у пленных, что Кобяк и Кончак прошли к Пере-

яславлю. Игорь повернул за ними, догнал, и после короткого боя половцы побежали, бросив «полон». Дружинники Игоря многих перебили и взяли в плен. Так впервые встретились на поле боя основные герои «Слова о полку Игореве» — Игорь и Кончак.

К концу 70-х годов Кончаку, видимо, уже удалось собрать многие донские орды в новое донское объединение. Равных в степи ему не было. Характерно, что всю силу гнева летописец обращает именно против этого хана (как ранее против Боняка). В 1179 г. в августе (к уборке урожая!) «придоша... нечистии ищадыя, делом и нравом сотониным, именем Кончак, злу начальник... богосудный Кончак с единомысленими своими» (ПСРЛ, II, с. 612) к стенам Переяславля, разорил окрестности, перебил и угнал в плен огромное количество народа. Вовремя узнав о том, что его на обратном пути ждут у Сулы русские полки, Кончак сумел уклониться от встречи с ними и ушел в степь с богатой добычей и полоном.

Продолжая политику своих предшественников в период накопления сил, Кончак до поры ограничивался только грабительскими походами, стремясь обогатиться и в то же время укрепить боевой дух своих воинов. Однако следует сказать, что русские обычно успешно отражали такие набеги и в целом для Руси они опасности не представляли. На непримиримую борьбу с Киевом или Черниговом, на которую требовалось значительно больше ресурсов, у Кончака сил не было.

Мало того, он заключил даже мир со Святославом Всеволодовичем и недавним своим противником Игорем Новгород-Северским и стал участником борьбы этих князей — Ольговичей против Рюрика Ростиславича за киевский стол. Выше мы уже неоднократно говорили о традиционности связей Ольговичей с донскими половцами. Кончак постарался восстановить их и грабить княжества с помощью самих русских князей.

Однако в 1180 г. этот широко задуманный поход против Мономаховичей окончился для союзников русских князей трагически. Помимо Кончака, в этом походе вновь, как и в 1172 г., участвовал лукоморский хан Кобяк. По-видимому, это был постоянный союзник и друг Кончака, стремившегося предельно расширить свое влияние в степях.

Дружинники Рюрика наголову разбили на речке Черторые соединенные силы русских и половцев. Многие половецкие знатные витязи были убиты или взяты в плен, а Кончак вместе с Игорем Святославичем «вскочивша в лодью, бежа на Городец к Чернигову» (ПСРЛ, II, с. 628). Оба эти феодала — русский и половецкий — в этом совместном приключении хорошо узнали друг друга и оценили свои силы.

После этого поражения только через три года (в 1183 г.) отважился Кончак (на этот раз с ханом Глебом Тирпеевичем) пойти на Русь, но, по дороге к границам услышав, что русские князья собираются навстречу ему, не принял боя и отступил в степь. Событие это интересно тем, что князь Игорь, помня, видимо, зародившиеся дружеские связи с Кончаком, отказался участвовать в отражении половецкого удара, за что переяславский князь Владимир Глебович в гневе разорил несколько северских городков. Однако от набегов на других половцев Игорь вовсе не отказывался. Он в том же году, соблазнившись близостью и легкостью добычи, ходил пограбить ближайшие половецкие вежи, расположенные за Мерлом. Вежи, согласно данным лазутчиков, оказались незащищенными, поскольку воины из них ушли якобы в поход навстречу двигавшимся в степь Святославу и Рюрику. Видимо, сведения разведки оказались неточными, так как, перейдя Мерл, Игорь встретил там отряд половцев из четырехсот воинов во главе с Обовлы Костуковичем, направлявшийся с той же целью, что и Игорь, только в обратную сторону — на русские земли. Русские полки «победиша е и возвратишася восвояси» (ПСРЛ, II, с. 633) без особой лично для себя выгоды. Они только вынудили отступить половцев, но ни добычи, ни полона не захватили. Этот небольшой поход представляет интерес потому, что в нем собрались все те же князья с полками, которые впоследствии (через два года) совершили знаменитый поход, воспетый в «Слове о полку Игореве». Кроме самого Игоря, это были его сын Владимир, брат Всеволод и племянник Святослав.

В 1184 г., видимо, в ответ и в отместку на казнь Кобыка — друга и союзника — Кончак попытался организовать большой поход на Русь, поставив себе цель «пленити хотя грады

Русские и пожещи огньмь» (ПСРЛ, II, с. 634). Вот к этому походу и был привлечен «басурменин», наладивший половцам осадную «артиллерию», стрелявшую «живым огнем». Кончак шел на Русь войной, желая уничтожить русские города. Использовал он не только силу, т. е. новое изобретение, но и хитрость. Так, подойдя к Хоролу (к границе), Кончак попросил мира у черниговского князя Ярослава Всеволодовича. Тот поверил «лести» и послал послов для переговоров, несмотря на предупреждение брата — киевского князя Святослава — не верить Кончаку. «Я на ны пойду...» — заключал он свое послание Ярославу. И действительно, вместе с Рюриком Святослав двинулся в степь и здесь случайно от шедших «из половец» (из степи) купцов узнал, что Кончак стоит уже на Хороле. Удар русских полков был неожиданным и потому сокрушающим. Только благодаря тому, что ставка самого Кончака стояла в низине («у лузе»), она не была взята сразу, так как ее проскочили и не заметили передние, шедшие поверху разьезды русских, ударивших по половецкому лагерю. Кончак, увидев это, бросил все и «утече». Вся его свита, в том числе и артиллерист-«басурменин», была взята в плен, воины были частично пленены, большинство перебиты. Коней и оружия «многое множество ополониша». В погоню за Кончаком князь послал прославленного в боях вассального им торческого хана Кунтувдея, но тот вернулся, доложив, что за Хоролом талые снега и проехать по ним невозможно (был март).

В начале апреля 1185 г., после того как сошел снег и немного подсохло, Святослав все же послал своего боярина Романа Нездиловича с вассальными берендеями в степь. Набег кончился взятием какого-то количества половецких веж, полона и конских табунов. Большого похода не получилось — идти на половцев с малыми силами, видимо, было бессмысленно и опасно.

Это понимали все русские князья и медлили с походом «на Дон». Несмотря на разгром, который учинили полки Святослава и Рюрика Кончаку на Хороле, становилось очевидно, что нужно нанести удар не по войску, а по становищам хана, чтобы нарушить экономическую основу мощи объединения, возглавляемого Кончаком. Пример Владимира Мономаха,

разгромившего сначала Лукоморцев, а затем обрушившегося на донских половцев, был еще жив в памяти. Одержав блистательную победу над Лукоморцами в 1183 г., казнив хана Кобяка, Святослав и Рюрик начали готовить большой поход на донское объединение. В 1184 г. Святослав говорил об этом своему брату Ярославу Черниговскому. Естественно, знал о готовящемся походе и его племянник — Игорь Святославич Новгород-Северский. Набег Романа Нездировича был «разведкой боем», попыткой с налету уничтожить группировку Кончака, только что потерпевшего поражение на Хороле. В данном случае история как бы повторилась: при Владимире были сначала разбиты полки Шарукана (деда Кончака), который, так же как и его внук, «едва утече» (1107 г.), в 1109 г. Владимир послал в степь на Дон своего боярина Дмитра Иворовича, немного пограбившего половецкие вежи и выяснившего, что для серьезного похода надо значительно больше сил.

В апреле 1185 г. стало ясно, что разбить донских половцев «наездом» невозможно. Поход киевские князья стали готовить исподволь, обстоятельно. На какое-то время установилось «затишье» на Руси. Им и воспользовались Игорь с другими удельными князьями Черниговского княжества. Не исключено, что произошло это с ведома их дяди и сюзерена — Ярослава Всеволодовича, желавшего во что бы то ни стало вести самостоятельную от Киева политику. Так, еще до набег Романа Нездировича он посылал в степь к Кончаку своего боярина Ольстина Олексича, подтвердившего, по словам летописца, мир с половцами. Создается впечатление, что боярин заключил заведомо «лживый» (ложный) мир для отвода глаз, поскольку из летописи же следует, что уже в середине апреля поход Игоря был подготовлен и черниговский князь, естественно, знал об этом. По возвращении Ольстина от Кончака он послал боярина к Игорю с коуями для участия в этом походе. Кроме Игоря и Ольстина, к походу примкнули брат Всеволод Трубчевский, племянник Святослав Ольгович Рылский, двенадцатилетний сын Игоря Владимир Путивльский.

Характерно, что черниговцы ни в коем случае не желали упустить инициативу подготовки и проведения похода

из своих рук, поэтому они предельно засекретили и сократили сборы. Очевидно, подготовка была далеко не достаточной. Справедливым упреком племянникам начал свое «золотое слово» Святослав Всеволодович, услышавший о поражении Игоря и Всеволода: «О моя сыновья, Игорю, Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати» — так звучит его упрек в передаче автора «Слова о полку Игореве» (Слово, с. 20). Действительно, мало было собрано сил, не привлечены были к походу князья соседних с Черниговским княжеств. Тем не менее Игорь поспешил повести свои полки прямо в сердце донского объединения — на зимовища Кончака, находившиеся, как мы знаем, на Торе.

О том, что черниговские князья задумали огнем и мечом пройти по юго-восточным вежам половцев, можно судить хотя бы по призыву Игоря, обращенному к своим полкам: «Хощу бо... копие преломити конец поля Половецкого». Он хотел «испити шоломом Дону», «искусити Дону Великого». Конечным результатом похода должно было быть возвращение Руси «земель незнаемых» — Тмутараканского княжества, Крыма, где в конце XII в. кочевали и хозяйничали половецкие орды.

Таким образом, планы у черниговцев были великие. Не будем здесь подробно останавливаться на маршруте Игоря в степь. В настоящее время существует не менее 10 вариантов этого маршрута, различающихся по деталям. Маршрут разобран исследователями по дням недели. Напомню только, что, стремясь к берегам среднего течения Донца, они шли через степи (примерно 200 км) по водоразделу Донца и Оскола, по так называемому Изюмскому шляху, хорошо известному русским еще в XVII в. Так достигли они речки Сальницы. Подавляющее большинство исследователей, начиная с Татищева, помещают эту речку в районе современного города Изюма, там, где был удобный «перелаз» (брод) через Донец. О нем хорошо были осведомлены географы XVII в. «А ниже Изюма и Изюмца (речек. — С. П.) на Донце Изюмский перевоз», — написано в знаменитой «Книге Большому Чертежу» (КБЧ, с. 72). В одном из списков этой книги сказано и о Сальнице: «А ниже Изюма

пала в Донец, с правой стороны, река Сальница. А ниже тое Изюмец» (КБЧ, с. 61). Следует признать, что ориентиры даны исключительно точные. Очевидно, Сальница, ставшая сейчас полувывсохшим длинным ереком-озерцом на восточной окраине города Изюма, протекала тогда вдоль (с юга на север) узкой петли Донца. Ниже речки Изюмец примерно на шесть верст находился еще один «перевоз» — брод, названный Каменным. Он отлично прослеживается и в наши дни — каменный кряж пересекает в этом месте Донец: кажется, что плоские гладкие плиты уложены специально на дно реки, течение которой здесь особенно стремительно. Ясно, что, идя по Изюмской дороге, Игорь с полками неизбежно подходил к Изюмскому броду. Перейдя Донец, князья остановились на краткий отдых перед решительным броском на кочевья Кончака. Предварительно они выслали в степь «сторожей» — разведку, основная задача которой заключалась в поимке «языка». Половецкий воин («язык») был пойман быстро и на удивление охотно доложил, что нужно поскорее идти в глубь степи, поскольку там стоят богатые вежи без надежной охраны. Князья буквально бросились туда.

Академик Б. А. Рыбаков, внимательно изучив ситуацию, сопоставив данные летописи и «Слова», пришел к весьма убедительному выводу, что битва Игоря с половцами происходила не в бассейне Донца, как полагают подавляющее большинство ученых, занимавшихся «географией» похода Игоря Святославича, а в бассейне Днепра. Он указывает и наиболее вероятный участок, на котором располагались первые взятые князьями вежи и поле последующего боя: междуречье верховий Самары и ее притока Быка (Рыбаков, 1971, с. 233–248).

При рассмотрении этой гипотезы прежде всего возникает вопрос: зачем Игорь отклонился от своего пути, нарушил главное направление движения войска и позволил себе и князьям-союзникам отклониться от основной задачи — «преломить копье о конец поля Половецкого»? Видимо, мы должны здесь учитывать то обстоятельство, что, несмотря на мужественные речи князей о высокоидейной цели — борьбе за славу русского оружия, они шли в степь прежде

всего «ополониться». С учетом этой «низменной цели» вел себя попавшийся разведчикам половецкий воин, выдавший местопребывание сравнительно близких, слабо защищенных и богатых веж, связанных с лагерем русских на Сальнице прекрасной ровной дорогой (Изюмским шляхом).

Создается впечатление, что вежи были специально поставленной приманкой, располагавшейся в противоположной от владений Кончака стороне. Подтверждением этого является, во-первых, легкость поимки и разговорчивость «языка»; во-вторых, отсутствие у веж скота; в-третьих, необычайное богатство веж, подчеркнутое и в летописи, и в «Слове». Обычно князья «ополонялись» в степи скотом, конями и пленными, а в этих вежах «девками красными», «златом», «наволоками», «оксамитами», дорогой одеждой, серебряным оружием и «всякими узорочьи половецкими». Наконец, весьма существенно то, что перед взятием этих веж бой не состоялся. Русичи, сделав тяжелый (длинный) переход в 80 км, неожиданно легко «потопташа полки половецкие». В летописи сказано, что половецкие стрелки выпустили только по стреле и затем отступили за вежи и умчались в степь, оставив вежи на разграбление.

Все это выглядит и сейчас необычайно подозрительно. Диво берет, почему ни одному князю ни пришло в голову побережся. Впрочем, Игорь предложил оттянуться назад, к Донцу, на более безопасное место, но остальные князья захотели праздновать победу под предлогом, что надо, мол, дать отдых войскам.

Участок, выбранный для ложных веж, был крайне неблагоприятен для размещения русского войска. С севера — болотистый разлив Самары (видимо, его летописец называет «езером»). Впадающая в реку Самару речушка Гнилуша — грязная и топкая. Кругом — пустота и солончаки. Это был гиблый, необитаемый участок степи — страшный мешок, в который коварно заманили удалых, но не очень дальновидных русских князей.

Взятие и ограбление подставных веж произошло в пятницу. Ночь прошла в гульбе, а наутро, в субботу, русские воины увидели себя окруженными со всех сторон половецкими полками.

По развевающимся над ними стягам и бунчукам Игорь узнал, что фактически на него вышла «вся половецкая рать». Помимо полков Кончака, из-за Донца вывели своих воинов Гзак (Коза Бурнович) с сыном Романом Гзичем. Кроме того, подошли полки орд Токсобичей, Колобичей, Етебичей, Терьтробичей, Тарголове, Улашевичей, Бурчевичей (все они упомянуты в русской летописи),

Таким образом, бежавший с Хорола, вдребезги разбитый хан Кончак менее чем за год успел собрать громадные силы. «...Скоупиша весь языкъ свои...» — констатирует летописец (ПСРЛ, II, с. 646). Автор «Слова» написал о начале битвы так: «...стяги глаголют: половцы идуть от Дона, и от моря, и отъ всех стран рускыя плъки оступиша. Дети бесови кликомъ поля перегородиша, а храбрии русицы преградиша чрълеными щиты». Однако, прижатые к топкому болоту, лишенные питьевой воды, русские были обречены на гибель, несмотря на безусловное мужество их военачальников и на их благородное решение не бежать, вырвавшись из вражеского кольца, к Донцу, чтобы не оставлять на расправу пеших воинов.

Таковы были причины и обстоятельства гибели полков Игоря Святославича. Кончак «переиграл» (перехитрил) его: заманил в ловушку и, пользуясь потерей бдительности и ночной темнотой, захлопнул ее.

После победы половцы, разделив пленных, «поиде каждо во своя вежа». Пленных князей разобрали знатные мужи и владельцы разных орд. Участь пленного в те жестокие времена даже и для князей была до выкупа довольно тяжелой. Однако Кончак, узнав, что Игорь ранен, поручился за него перед взявшим Игоря в плен Чилбуком из орды Тарголове и отвез его в свое становище. Сына Игоря взял в плен Копти из Улашевичей. Тем не менее, как и отец, Владимир очень скоро оказался в ставке самого Кончака, где и встретился со своей будущей женой — Кончаковной.

Кончак приставил к Игорю стражу — 15 рядовых воинов и пять «господчиков», видимо, представителей родовой аристократии, находившихся на службе у Кончака, которые являлись феодальными вассалами при крупном сюзерене (как монгольские нукеры). Пленный Игорь был, по-видимо-

му, на особом положении. Несмотря на стражу, он свободно ездил на охоту, даже призвал к себе попа — в общем, вел вольную жизнь. Недаром ему так легко было бежать из плена. Стоило только сторожам слегка ослабить бдительность и вечером напиться «кумыза», как Игорь сел на коня и спокойно проехал «сквозь вежа», т. е. через становище от юрты к юрте, и никто не остановил его. Представляется весьма вероятным, что побег этот не был неожиданным для Кончака. Он недаром выкупил Игоря у Чилбука и разрешил полусвободное передвижение не только в ставке, но и вне ее...

Следует сказать, что Кончак вообще очень разумно распорядился результатами победы. Выкупив Игоря, он вместе с Гзакom пошел грабить русские земли. Однако Гзак кинулся на беззащитные черниговские княжества (Игоря и его союзников, бывших в плену). Он так и сформулировал направление своего удара: «...пойде на Семь (Сейм. — С. П.), где ся остале жены и дети, готов нам полон собран, елмин же горды без опасы» (ПСРЛ, II, с. 646). Кончак не пошел с ним. Он направил свой удар на Переяславское княжество, в котором княжил враг и соперник Игоря Владимир Глебович. Кончак осадил Переяславль, в одной из вылазок Владимир был тяжело ранен и поэтому, несмотря на то что был, по словам летописца, «дерз и крепок к рати», вынужден был послать за помощью к Святославу Киевскому: «...се половцы у мене, а помозите ми». Святослав с Рюриком поспешили перейти Днепр и направились к Переяславлю, но Кончак, узнав об этом, снял осаду, «приступил» к пограничному городку Римову (в Посулье), взял его и «ополонися полоня и поидоша восворяси». Благополучно вернувшись в свои становища, Кончак постарался женить юного Владимира Игоревича на своей дочери. Все эти действия направлены были на то, чтобы приобрести в лице Игоря и всей его обширной родни надежных союзников. В 1187 г. Кончак окончательно закрепил дружбу и союз, отпустив Владимира «ис половец с Кончаковною и створи Игорь свадьбу сынови своему и венча его и с дятетем...» (ПСРЛ, II, с. 659). Ясно, что сыграли сначала свадьбу в степях половец, у молодых уже успел родиться ребенок и только тогда, окончательно «связав» молодого княжича, Кончак отпустил его домой. Возможно,

конечно, что какое-то время хан придерживал его в качестве заложника, опасаясь неожиданного нового нападения черниговских князей на свои или союзнические земли.

После всех этих событий летописец не зафиксировал ни одного набега Игоря на владения Кончака. Правда, известно, что уже в 1191 г., немного окрепнув после поражения, Игорь ходил куда-то недалеко от границы в степь и даже «ополонился скотом и конми». Зимой того же года снова «ходиша Олговичи же на половцы: Игорь с братом Всеволодом, а Святослав пусти три сыны, Всеволода, Владимира и Мстислава, а Ярослав пусти своего сына Ростислава, а Олег Святославич пусти сына Давыда и ехаша до Оскола...». По количеству участников это была как будто довольно представительная экспедиция, но взрослых воинов было в ней только двое (Игорь и Всеволод), остальные — «молодь». Поход был, вероятно, скорее «учебным мероприятием». Степные дозорные сообщили половцам о наступлении, и они, угнав вежи в степь, выставили вперед несколько соединенных полков; Ольговичи, не начиная боя, ночью стремительно начали отступать к границе княжества. Половцы утром, обнаружив, что русских полков перед ними нет, бросились в погоню, надеясь на легкую победу, но не догнали их и также ушли восвояси в степь.

Вполне возможно, что оба набега 1191 г. Игорь направлял на вежи Гзака, ограбившего его земли в 1185 г. К сожалению, у нас нет никаких данных о расположении кочевий последнего, однако тот факт, что он был самым деятельным после Кончака ханом в событиях 1185 г., может быть, свидетельствует о принадлежности его к донским половцам, а значит, и о расположении его орды где-то поблизости от кочевий Кончака (возможно, на Осколе).

Что касается Кончака, то не исключено, что этот коварный хан вполне одобрял организацию набегов на кочевья своего сильного степного соседа. Безусловно, они ослабляли Гзака, а это способствовало росту влияния и власти Кончака над всеми донскими ордами.

Кончак, несмотря на дружбу с одним из русских феодалов, отнюдь не собирался «замиряться» со всеми русскими князьями. Сразу же после победы над Игорем, когда Гзак

пошел грабить беззащитные села Путивльщины, Кончак решил идти на «Киевскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь наш Боняк». Это была его «политическая программа». Он считал себя — и желал показать это всем остальным степным феодалам — не только законным наследником Шарукана, главы донских половцев, но и продолжателем дела приднепровско-побужского хана Боняка, бывшего, как мы знаем, лютым врагом Руси в конце XI — первой половине XII в. В тот год широко задуманный поход на киевскую сторону не удался, поскольку Святослав, Рюрик и Ярослав Черниговский успели собрать свои полки и загородить свои земли от нашествия (пострадало только Переяславское княжество). Однако Кончак не отказался от своей целенаправленной борьбы против князей киевских и черниговских (исключая княжества Игоря и его ближайшей родни). Об этом говорит сухая и лаконичная фраза летописца, помещенная в записи под 1187 г.: «В то же лето воева Кончак по Рси (на киевской стороне. — С. П.) с половци; по семь же почаша часто воевати по Рси, в Черниговской волости» (ПСРЛ, II, с. 653). Следует сказать, что это последняя запись о враждебных действиях Кончака. Русские князья фактически не отвечали ему: летописец ни разу не упомянул о походе или даже набеге на его кочевья. Они предпочитали ходить на приднепровских половцев, вежи которых располагались в доступных местах (в нескольких дневных переходах от границы). Планы о возвращении «земель незнаемых» (Корсуня и Тмутаракани) уже не будоражили удалых русских князей. Видимо, владения орд Кончака стали непроходимым препятствием для русских полков. Только купеческие караваны двигались беспрепятственно по Залозному пути, связывающему Русь с Закавказьем и проходившему через кочевья самого Кончака.

К концу XII в. обстановка в степях стабилизировалась, донские половцы вообще перестали сталкиваться с Русью. Они предпочитали богатеть за счет развития своей собственной скотоводческой базы и, конечно, внешней торговли. Видимо, именно в те десятилетия и появились в приморских городах половецкие словники, позднее оформленные в половецко-персидско-латинский словарь.

Кончак умер в самом начале XIII в. Возможно, отрывок эпической половецкой песни о «гудце» Ореви, траве «евшане», Сырчане, Атраке и его сыне Кончаке, «носящем котел через Сулу», изложенный летописцем под 1201 г., является как бы эпитафией Кончаку. В отличие от остальных записей, в которых Кончака беспощадно ругают, здесь о нем говорится в благожелательно-похвальном тоне.

После Кончака власть перешла его сыну Юрию Кончаковичу. В летописи его уже определенно называют «болиишие всих половец» (ПСРЛ, II, с. 740). Очевидно, его отец добился того, к чему стремился всю свою жизнь: к максимальному объединению восточной части половцев под своей властью. Ни одно степное объединение, видимо, не могло сравниться с владением Кончака. Однако, несмотря на силу и богатство, на значительные территориальные размеры, несмотря на выделение в половецкой среде господствующего класса феодалов с достаточно разработанной иерархией, несмотря даже на такой действенный фактор, как крепкая центральная власть, объединение Кончака не стало государством. Для этого не сложились еще условия. Прежде всего, экономическая база оставалась по-прежнему кочевой-скотоводческой. Государства же, как известно, издревле складывались и существовали только при слиянии двух хозяйственных систем: земледельческой и скотоводческой. Экономика обусловила и сохранение в общественных отношениях сильных пережитков родоплеменного строя (патриархальной вуали). Не возникла еще необходимость в создании армии, судов (судил сам хан по обычному праву). Не была принята единая монотеистическая религия, хотя движение к ее восприятию уже началось. Не освоили половцы и письменности. Таким образом, ни экономика, ни социальный строй, ни культура не созрели еще для создания даже раннефеодального государства.

Начало XIII в. характеризуется установлением относительного спокойствия и равновесия. Русские князья прекратили организовывать набеги и походы на степи, а половцы — на русские земли. Только отдельные западные половецкие орды еще продолжали участвовать в русских братоубийственных войнах, ареной которых в те годы стало Галицко-

Волынское княжество. В 1202 г. на Галич ходил Рюрик — великий князь киевский. Он привел с собой много половцев, возглавлявшихся двумя князьями — Котянном и Самогуром Сутоевичами. После смерти князя Романа в 1205 г. его малолетнего сына Даниила поддерживали венгры, половцы же воевали на стороне Изяслава Владимировича. Такие стычки и постоянные «приводы» половцев на русские земли продолжались до 1235 г. (в 1217, 1219, 1226, 1228 гг.). В 1226 г. после ссоры Мстислава с Даниилом наследное княжение последнего — Галицкую Русь — Мстислав пожелал «предати тестеви своему Котянню на избитье» (ПСРЛ, II, с. 747), а затем Котян был использован Владимиром Киевским в 1228 г. В тот год Даниил попытался как-то наладить отношения с Котянном: «посла ко Котянови, река: “Отче! измяти воину сю, приими мя в любовь себе”. Он же ехав взя землю Галичскую иде в землю Половецкую и не обратися к ним» (ПСРЛ, II, с. 753). После этого отношения половцев с Даниилом так и остались враждебными вплоть до 1235 г., когда они снова «вземше всю землю Галичскую».

Что касается центральных русских земель, то последний раз половцы подходили к стенам Киева вместе с князем Изяславом в 1234 г. Окрестности города и Поросье были разорены. Поскольку в борьбе с половцами самую непримиримую позицию занимал князь Даниил, возможно, что и в этой эскападе принимал участие или даже возглавлял ее хан Котян.

Военная активность половцев, осмеливавшихся приводить свои полки к самому Киеву, родство Котяна с Мстиславом, взявшем замуж его дочь, а также весьма почтительное обращение к хану Котяну Даниила свидетельствуют, по-видимому, о том, что Котян был главой нескольких орд, очевидно, составлявших западное объединение.

О хане Котяне знали не только русские летописцы, упоминают его и восточные авторы, и венгерские источники. Так, Ан-Нувайри писал: «Случилось (однажды), что человек из племени Дурут, по имени Мангуш, сын Котяна, вышел охотиться; встретил его человек из племени Токсоба, по имени Аккубуль (?) — а между обоими племенами было старинное соперничество — и взял его в плен да убил его...»

Узнав об этом, Котян, естественно, отправился в поход на Аккубуля, легко разбил его воинов, и они разбежались по степи. Сам Аккубуль был ранен, но, несмотря на это, решил всеми силами продолжать борьбу. Он не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к монголам, послав к ним своего брата Ансара. Это обстоятельство говорит о том, что монголы уже появились в восточноевропейских степях, но западные половецкие орды, видимо, еще не столкнулись с ними на бранном поле.

Выше мы говорили о расположении орды Токсобичей где-то в бассейне Дона, в конце XII в. они входили в объединение донских половцев. Тогда орда Токсобичей не могла соседствовать с ордой Котяна. По-видимому, монголы, пришедшие в степи и уже победившие и разгромившие половцев на Калке, вытеснили ряд орд со своих прежних становищ. Одним из направлений этого отступления было западное. Так, вероятно, и появились Токсобичи где-то в Побужье — Приднестровье. Уже ослабленные калкинской битвой и последующими стычками с монголами, находясь на новых чужих пастбищах, они, конечно, не выдержали и небольшого боя с войсками Котяна.

Вполне возможно, что просьба о помощи Аккубуля послужила поводом организации монгольскими военачальниками второго удара по половцам (1228—1229 гг.). Однако этот набег, как и первый, еще не привел западных половцев к порабощению. Хан Котян по-прежнему оставался в своих владениях и, как мы видели, в год монгольского удара грозил разорением Галицкому княжеству. Очевидно, несмотря на желание Токсобичей, монголы не пошли далеко на западные окраины степи, ограничившись походом на Саксин, т.е. на Нижнее Поволжье, на Волжскую Болгарию и еще на каких-то «кипчаков». Где лежали земли этих последних — не ясно. Скорее всего в регионе, расположенном между Саксином и Болгаром (на берегах Волги, в восточной части бассейна Дона).

Как бы там ни было, но грозные тучи монгольского нашествия уже ходили над половецкой степью.

Половецкие феодалы, как и русские князья, не были готовы к борьбе с ними. Эпизод, рассказанный Ан-Ну-

вайри, несомненно, является свидетельством отсутствия среди половецкой знати необходимого для борьбы с монголами единения. В степях существовало к приходу монголов не менее семи группировок: помимо четырех, о которых говорилось в этой главе и которые были хорошо известны летописцам, существовали самостоятельные более или менее сильные объединения, мало связанные друг с другом или даже враждебно настроенные к ближайшим соседям (в Предкавказье, Крыму, Поволжье). Ни о каком объединении для борьбы с общим врагом, видимо, не могло быть и речи. Наоборот, новых завоевателей пытались привлечь для уничтожения беспокойного соседа.

Вот в такую крайне благоприятную для развертывания успешных военных действий обстановку и попали монгольские войска, скованные железной дисциплиной, предводительствуемые талантливыми военачальниками.

Глава 9. Нашествие. Последние шаги

О монголах, монгольских завоеваниях, о Золотой Орде повествуют многие сохранившиеся источники: арабские, персидские, китайские, русские, латиноязычные и пр. Благодаря им известны и судьбы разных стран, народов и этносов, столкнувшихся с монголами и раздробленных их военной машиной. Одним из таких этносов были кипчаки-половцы-куманы.

Первая волна завоевателей подкатилась и хлынула в восточноевропейские степи в 1222–1223 гг. Во главе ее стояли два любимых и наиболее жестоких и талантливых полководца Чингисхана: Джебе и Субедей. Они появились здесь с юга, пройдя вдоль южного берега Каспия в Азербайджан, оттуда — в Ширван и далее — через Ширванское ущелье — на Северный Кавказ и в предкавказские степи. Об этом событии особенно подробно рассказывал араб Ибн-ал-Асир: «Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе алланы, лезгины и (разные) тюркские племена... Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (алланы) употребили все свое старание, собрали у себя толпу кипчаков и сра-

зились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда татары послали к кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; они (татары) действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их (аллан). Тогда татары напали на аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторглись в землю их». Необычайно живой и экспансивный рассказ повествует в данном случае о первом предательстве половцев, которое привело их самих к гибели. Это были, очевидно, предкавказские половцы, мирно кочевавшие до этого в северокавказских степях уже целое столетие. Ибн-ал-Асир не без ехидства замечает, что «татары отобрали у них вдвое против того, что (сами) им принесли» (Тизенгаузен, I, с. 25—26).

Надо сказать, что эти потери были бы еще восполнимы, но «татары остановились в Кипчаке». Их привлекли обильные летом и зимой пастбища, и они, согнав с них кипчаков-половцев, заняли их вместе с пасущимися на них конями и скотом. Сначала они захватили, видимо, Ставропольскую возвышенность, потом — Прикубанье, а далее, как писал Ибн-ал-Асир, «прибыли они к городу Судаку; это город кипчаков, из которого они получают свои товары... Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбежались...» (Тизенгаузен, I, с. 26). Таким образом, татары через Таманский полуостров и пролив прошли уже и в Крым и разграбили один из самых богатых его городов. Так постепенно монголы начали растекаться по югу восточноевропейских степей.

Услышав об этом, «живущие вдали кипчаки бежали без всякого боя... одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских...». Автор подчеркивает, что не предкавказские и не крымские половцы, а живу-

шие вдали от уже захваченных монголами земель испугались новых беспощадных врагов и заматались по степи. Об этом под 1224 г. написал и русский летописец, отметивший, что даже «Юрьи Кончакович бе болиише всих половець, не може стати противу лицу их (монголов. — С. П.); бегаючи же ему, и мнози избьени быша до реки Днепра... прибегшем же половцемъ в Рускую землю, глаголющим же им руским княземъ: "...аше не поможете нам, мы ныне изсечени быхом, а вы наутрее изсечени будете"» (ПСРЛ, II, с. 740–741). Последняя фраза интересна тем, что свидетельствует о полном восприятии того урока, который получили предкавказские орды, предавшие алан. Стало ясно, что пришедшие завоеватели уничтожают все на своем пути и бороться с ними можно только соединенными усилиями всех восточноевропейских народов. Русские князья и половецкие ханы собрались в Киеве и решили драться с монголами. О панике, которая охватила половцев, свидетельствует тот факт, что один из наиболее влиятельных половцев — «великий князь» Басты — спешно принял христианскую религию, желая, очевидно, продемонстрировать свое полное единение с русскими князьями.

Узнав, что монголы уже начали свое движение на русские земли, русские и половецкие полки выступили им навстречу в апреле 1224 г., подошли к Днепровскому броду у Протолчии, переправились через реку и там встретились с передовыми разъездами монгольских войск. Они легко победили их и даже «ополонились» стадами. Очень подробно, вскрывая причины развертывавшихся событий, рассказал о дальнейшем Ибн-ал-Асир: «Они (татары) обратились вспять. Тогда у русских и кипчаков явилось желание (напасть) на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, (но) потом татары обратились на русских и кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них; (для последних это было) совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали

татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней» (Тизенгаузен, I, с. 27). Это было печально знаменитое сражение на Калке. Русские и половцы потерпели жестокое поражение. Одной из причин его было бегство с поля боя половцев, не выдержавших длительной жестокой битвы. Так совершилось второе предательство половцев.

Силы монголов «первой волны» не были особенно крупными. Джебе и Субедей действовали больше дипломатическим коварством и военными хитростями, к которым следует отнести их поспешное отступление в глубь степи, весьма напоминающее известный кочевнический прием «заманивания» в ловушку, как правило, дезориентирующий преследователей.

Разорив степные кочевья, пограбив пограничные русские княжества, монголы пошли в Волжскую Болгарию и были там наголову разбиты. Интересно, что болгары в борьбе с ними пользовались теми же приемами отступления, бегства и организации засад, мастерами которых были сами монголы. Однако, видимо, победы вскружили голову Субедею. В результате поражения множество монголов были перебиты; уцелели, по словам Ибн-ал-Асира, всего около 4000 человек. Этот небольшой отряд поспешно спустился по Волге к Саксину и отправился домой — в монгольские степи.

Ибн-ал-Асир писал, что после этого «освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю...» (Тизенгаузен, I, с. 28). Восстановилась экономика, наладились снова торговые пути, проходившие через половецкие степи. По-видимому, именно в эти годы появляется и распространяется в степях обычай сооружать скрытые святилища. Как и обычные, они ставились на высоких степных курганах. Однако статуи уже не возвышались над оградами, а опускались стоя в глубокие ямы, которые в случае опасности сравнивали с землей. Интересно, что многие из таких скрытых изваяний сделаны не из камня, а из дерева. Дошедшие до нас деревянные экземпляры являются подражанием каменным статуям самого позднего периода их развития, что может быть как бы дополнительным доказательством

возникновения скрытых святилищ в самый последний период существования обычая сооружения предкам святилищ.

Появление скрытых святилищ свидетельствует, очевидно, о неуверенности половцев в своих силах и в своем будущем в восточноевропейских степях. Они боялись за сохранность своих святынь и понимали, что не смогут защитить их в случае повторного удара монголов.

Вторая волна монголов хлынула в Восточную Европу в 1228–1229 гг. Поход был направлен приказом Угедея, избранного после смерти Чингисхана великим кааном. 30-тысячное войско снова возглавил Субедей-багатур и царевич Кутай. Направление похода было точно обозначено: Саксин, кипчаки, волжские болгары. Следует сказать, что и этот поход в целом не нарушил жизнь в степях, особенно в западной их части — начиная с Днепра и до Дуная. Мы уже знаем, что в год этого похода, т. е. когда восточные половцы вновь метались по донским и волжским степям, западный хан Котян спокойно разорял Галицкое княжество и надменно пренебрегал предлагаемой Даниилом Галицким дружбой. Правда, по сведениям Ан-Нувайри, орда Дурут, возглавляемая Котяном, была как будто уничтожена.

Очевидно, арабский историк ошибся, поскольку Котян упоминается в различных источниках и позднее, причем в качестве влиятельного и сильного в военном отношении хана. Несмотря на это, известно, что многие знатные половцы во главе своих айлов-чадей и родов-куреней уходили из вольных степей на службу к государям соседних стран. В частности, в венгерских источниках сохранились сведения, что именно в 1228 г. часть половцев после разгрома их монголами пришла в Венгрию. При этом они изъявили желание принять католичество, а это значило, что они отказывались не только от своей земли, но и от своих предков, от принадлежности к половецкой общности. Возможно, тогда же появились половцы и другие кочевнические соединения в лесных, совершенно непригодных для кочевания областях. Так, в Ростово-Суздальской земле нашла, вероятно, пристанище значительная часть берендеев, пополнивших ряды привлеченных туда еще Юрием Долгоруким всадников — вассальных войск потомков этого князя. Пришли

половцы и в Литовское княжество. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас интересные документы XIV в., в которых говорится о происхождении рода князей Половцы-Рожиновских, находившихся на службе в Литве с XIII в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 228). Их предком называется известный хан Тугоркан, а владения их были якобы в Поросье. Мы знаем, что Тугоркан был приднепровским ханом и Поросьем не владел. Однако его потомки, возможно, именно в лихую годину монгольского нашествия могли пойти на службу к киевскому князю и получить землю на пограничном Поросье, среди черных клобуков, многие из которых погибли в битве на Калке, и земли их нужно было заселять новыми пограничными вассалами. Следующие монгольские нашествия стали причиной ухода рода Тугоркана дальше на север — под покровительство литовского государя.

Прошло семь лет. На Европу хлынула третья монгольская волна, закончившаяся завоеванием стран Восточной Европы, разорением их и полным или частичным порабощением. Во главе монгольских войск стояли 11 царевичей-чингисидов, в том числе Менгухан и Бату — основатель Золотой Орды, а кроме царевичей, вел монголов все тот же Субедей — старый, опытный, хорошо знакомый с народами, которые предстояло уничтожить или покорить. Одной из важнейших задач завоевания было полное овладение пастбищами восточноевропейских степей и подчинение кипчаков-половцев. Мы знаем о яростной и упорной борьбе русских княжеств, Волжской Болгарии и других народов, столкнувшихся с монголами в Европе. Меньше всего сведений сохранилось о сопротивлении половцев. До нас дошел только замечательно яркий и красочный рассказ о событиях этого времени перса Джувайни, писавшего свою книгу «История завоевания мира» в 50-х годах XIII в., т. е. непосредственно после окончания завоеваний и покорения восточноевропейских народов. С книгой Джувайни был хорошо знаком Рашид-ад-Дин (персидский автор XIV в.), он добросовестно пересказал ряд эпизодов. Пересказ отличается от подлинника сухостью и бесстрастностью изложения. Поэтому и мы не рискуем излагать здесь повествование Джувайни и приведем его полностью:

«Когда каан (Угедей) отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других, (когда) все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кипчакскими негодьями нашелся один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было (постоянного) местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день (оказывался) на новом месте, (был), как говорится в стихе, “днем на одном месте, ночью на другом” и из-за своего собачьего нрава бросался как волк в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядок умножались.

Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему по большей части служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать (его). Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась, подобно морю, никому нельзя было переплыть (туда), не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону, и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать (на остров). Раньше, чем он (Бачман)

узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собою множество добра и имущества, а (затем) решили вернуться. Вода опять заколыхалась, и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его (Бачмана) на две части» (Тизенгаузен, II, с. 24).

Эта трагическая история о яростной и, безусловно, героической борьбе половцев за свободу и свою землю.

Интересно, что тридцатью годами раньше Ибн-ал-Асир значительно холоднее и с большим осуждением позволял себе писать о монголах. Джувайни уже полностью на стороне завоевателей, однако и в его повествовании звучит невольное восхищение отважным половцем. Помимо Рашид-ад-Дина, рассказ о Бачмане (Бацимаке) помещен и в китайских источниках — в сочинении «История первых четырех ханов из рода Чингизова».

Надо сказать, что остаются не вполне ясными причины, по которым вдруг, как когда-то море перед евреями, бежавшими из Египта, разверзлись воды Итиля и пропустили монголов к острову. Представляется весьма вероятным, что остров, находившийся в дельте Волги, становился им только во время приливов, в отливы вода уходила. Думается, что так же посуху перешел на него и Бачман, полагая, что ему полностью удалось «замести следы», смытые наступавшей водой. Возможно, что, если бы не сведения, полученные монголами от пленной, Бачману и на этот раз удалось бы скрыться от преследования.

Что касается Рашид-ад-Дина, то этот историк со свойственной ему добросовестностью дотошно включил в повествование о Бачмане сведения, которые не попали в сочинение Джувайни (Тизенгаузен, II, с. 35–36). По-видимому, он узнал о них из других источников или, возможно, сохранившихся в степях устных рассказов. Прежде всего, согласно данным Рашид-ад-Дина, Бачман имел титул «эмира» и происходил из племени «ольбурлик». Последнее, возможно,

следует читать как эль-бури, т. е. объединение Бурчевичей, известных в восточных источниках под наименованием «бурджоглы». Таким образом, Бачман принадлежал к одной из самых воинственных орд приднепровского объединения, являясь, возможно, прямым потомком (внуком или правнуком) хана Боняка. Вторая существенная подробность, упомянутая Рашид-ад-Дином, повествует нам о том, что у Бачмана был отважный союзник «Качир-укулэ из племени асов», которого после казни Бачмана также убили. Джувайни указывал, что монголы овладели землями асов, при этом четко противопоставляя их аланам. В другом отрывке своего сочинения он, вновь перечисляя покоренные Батием земли, говорит об асах и аланах отдельно. То же мы видим и у перса Джуждхани, писавшего, возможно, несколько раньше Джувайни, и у Казвини, писавшего примерно на полстолетия позже.

Это дает некоторые основания считать, что под «асами» восточные авторы имели в виду отнюдь не кавказский народ, тем более что при перечислении их часто помещают вместе с Русью и Волжской Болгарией, а не с аланами. Видимо, эти асы — те самые ясы, о которых писал русский летописец под 1116 г., размещая их на берегах Северского Донца. Вероятно, они так и остались там — на «нейтральных» русско-половецких территориях, никогда, естественно, не принимая никакого участия во враждебных действиях против русских княжеств и потому ни разу после начала XII в. и не упомянутые летописью. Однако этнически и территориально это была вполне реальная общность, которую надо было брать силой, о чем хорошо были осведомлены завоеватели. Если эта гипотеза верна, то тогда естественна и связь бурчевича Бачмана с асским (ясским) князем, который жил не более чем в 200 км от кочевий приднепровского «эмира».

Возникает вопрос, каким образом два «эмира» со своим окружением попали из междуречья Днепра и Донца на берега Волги? Очевидно, здесь следует помнить слова Джувайни о том, как метался Бачман по степям. Если бы он действовал только в пределах нижневолжского региона, его смогли бы окружить очень быстро. Видимо, лесные массивы Волги были его последним пристанищем. Там их с Качир-укулэ и настигли монгольские войска.

История Бачмана с наибольшей полнотой отражает отчаянное сопротивление, которое оказывалось населением степи новым завоевателям. Помимо Бачмана, борьбу возглавляли и другие половецкие ханы и беки. В 1237—1239 гг., когда покорение кипчаков-половцев взял в свои руки Батый, вернувшийся в степи после разорения русских земель, в плен было взято несколько половецких военачальников (Арджу-мак, Куранбас, Капаран), посланных навстречу монголам половецким ханом Беркути (Тизенгаузен, II, 1941, с. 37). Непрекращавшиеся волнения в степях, мешавшие монголам наладить собственную экономическую базу (планомерное кочевание) и создававшие постоянную опасность в уже как будто бы завоеванном тылу, привели к тому, что монголы решили просто уничтожить всю половецкую аристократию. Это, очевидно, и было сделано методично и целенаправленно. Об уничтожении воинской и аристократической верхушки свидетельствует полное исчезновение каменных изваяний в европейских степях ко второй половине XIII в. Их некому стало ставить: не осталось ни богачей-заказчиков, ни тех, в чью честь и память воздвигались святилища. Эта свирепая политика завоевателей вызывала, помимо упорного сопротивления, становившегося с каждым месяцем бесполезнее из-за явного превосходства сил монгольских военных подразделений, активную откочевку оставшихся в живых феодалов вместе со своими ордами под покровительство государей других стран. Так, согласно сведениям венгерских источников, в 1237 г. обратился к королю Беле с просьбой об убежище хан Котян, еще недавно грозивший Галицкому княжеству. Он пришел в Венгрию с 40-тысячной ордой. Значительная часть страны пострадала от такого вторжения — потоптаны были пашни, огороды и виноградники. Тем не менее, видимо, зная о силе надвигавшихся монгольских войск, сейм венгерских баронов санкционировал поселение половцев в междуречье Дуная и Тисы и на восточных окраинах государства (Голубовский, 1889, с. 47). Интересно, что, узнав об этом, Батый послал королю письмо, наполненное желанием поссорить венгров с половцами и угрозами в случае неповиновения приказу оставить половцев без покровительства разгромить Венгрию. Написано пись-

мо было в необычайно надменном и властном тоне требования абсолютного подчинения: «Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством, почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, могут быть и в состоянии убежать, ты же, живя в домах, имеешь земли и города, как же тебе избежать руки моей» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 233).

Очевидно, король и венгерские феодалы не пожелали подчиниться столь грубому посланию. В начале 40-х годов команы скопились в Венгрии в «большом числе» и даже осмелились напасть на монгольскую армию чингисида Сонгкура, однако были наголову разбиты монголами. И после этого разгрома половцы-куманы продолжали жить и кочевать в степях Венгерского королевства, вызывая постоянное недовольство соседних с их землями княжеств, периодически подвергавшихся грабежам.

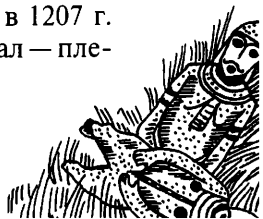
Наследник Белы, Стефан, женился на одной из дочерей Котяна (крестившейся Елизаветой), который получил от короля титул «*dominus Cumanorum*» — правитель куман. Несмотря на близкое родство, Котяна обвинили в измене (связях с русскими и монголами) и казнили. Половцы его орды взбунтовались и начали разорять и жечь венгерские селения. Король пытался уговорить и утихомирить их, но они продолжали военные действия, отвечая: «Это тебе за Котяна». Не пожелав далее подчиняться венгерскому королю, они ушли в земли соседней Болгарии.

Тем не менее влияние половцев продолжало расти, особенно при короле Ладиславе (Ласло), воспитанном матерью-половчанкой. Он окружил себя знатными половцами, при дворе распространились половецкие обычаи, роскошь, одежда. Все это вызывало постоянное недовольство венгерских феодалов, земли которых к тому же постоянно подвергались разбойным нападениям кочевников. Король, заинтересованный в ослаблении своих феодалов, не желал вмешиваться в распри и не поддерживал венгерскую аристократию. Тогда знать обратилась за помощью к Папе. Папа прислал в страну своего легата. Под давлением церк-

ви в 1279 г. король вынужден был огласить своеобразный «манифест», начинавшийся так: «Ладислав Божьей милостью король Венгрии... Кумании, Булгарии...» Он требовал от князей половецких Альпара и Узура и других оставить почитание идолов, «отбросить» обычаи язычников, обратиться к единению с католической верой и всем поголовно креститься. Кроме того, к ним предъявлялось требование отказаться от «палаток и переносных жилищ... и оставаться в деревнях по обычаю христианскому». Для наблюдения за соблюдением всех этих правил в каждое «племя» и его «колена», т. е. в орды и курени, назначались инквизиторы. Половецкие князья получали определенные наделы земли и на основании этого феодального владения становились вассалами короля, равными в правах с венгерскими феодалами.

Через три года половцы вновь взбунтовались, ушли к монголам в Приднестровье и оттуда напали на Венгрию, разорив страну до самой столицы — Пешта. Видимо, после этого все, что стесняло свободу половцев в «манифесте», было отменено, поскольку в 1290 г. Папа Николай вновь писал королю о том, чтобы он заставил половцев жить в домах, а тех, кто принял христианство, уничтожить хотя бы идолов. Только через столетие половцы полностью осели и христианизировались, однако по-прежнему оставались всадниками-лучниками в венгерских войсках.

Еще до монгольского нашествия, с начала XII в., половцы начали активно проникать на территорию Болгарского царства, находившегося тогда под властью Византии. Они занимали пастбища на широкой долине нижнего Дуная, в Добрудже и северо-восточных землях Болгарии. В 70-х годах XII в. болгары подняли восстание против византийского господства. Возглавили его два брата — куманы Асен и Петр, поддержанные куманскими войсками (Златарский, II, с. 430—480). В результате Асен I в 1187 г. стал царем Болгарии. Куманы-половцы стали играть видную роль в жизни государства. При преемнике Асена, Калояне, болгарские и куманские феодалы, недовольные объединительной жесткой деятельностью царя, устроили заговор и в 1207 г. убили его. На престол опять сел половецкий феодал — пле-

мянник Асена — Борил, царствовавший 11 лет. После него при Асене II (1208—1241 гг.) приток половцев, бежавших от монголов и частью из Венгрии, усилился. Судя по находкам в Северо-Восточной Болгарии каменных статуй (датируются поздним временем — XIII в.), прикочевывали сюда не только западные половцы-куманы, но и отдельные курены восточных половцев, какое-то время продолжавших ставить святилища своим предкам на новых землях. Впрочем, как и в Венгрии, половцы в Болгарии крестились, обращаясь в православие. В одном из латиноязычных источников (в письме к Папе Григорию 1227 г.) упомянут половец по имени Борис, т.е. явно православный. Интересно, что западная половецкая епархия была православной, и руководил ею греческий епископ, на что указывал в письме венгерскому королю Папа Григорий в 1234 г. Очевидно, православие было принято половецями под воздействием и, возможно, под давлением болгарского населения.

У Ан-Нувайри сохранился рассказ о попытке половцев заключить договор о вассалитете с валашским государем в 1242—1243 гг.: «Когда татары решились напасть на земли кыпчаков в 639 г. х. и до них (кипчаков) дошло это (известие), то они вошли в переписку с Унуханом, государем Валашским, насчет того, что они переправятся к нему через море Судакское (Черное. — С. Л.) с тем, чтобы он укрыл их от татар. Он дал им согласие (свое) и отвел им (для жительства) долину между двумя горами. Переправлялись они к нему в 640 г. х. Но когда они спокойно расположились в этом месте, то он нарушил свое обязательство по отношению к ним, сделал на них набег и избил да забрал в плен многих из них» (Тизенгаузен, I, с. 542).

Несмотря на такой печальный для группировки в целом конец, совершенно очевидно, что и в таком случае часть половцев оставалась в стране, постепенно растворяясь в ее населении.

Какая-то группа половцев откочевала в Закавказье. Об этом сохранилась глухая ссылка у Рашид-ад-Дина на то, что монголы, пройдя Кавказские горы, захватили там кипчаков, «которые, бежав, ушли в эту сторону». И в такой ситуации, естественно, не всех поголовно уничтожали или брали

в плен. Какая-то часть также оставалась и сливалась с местным населением.

Тем не менее огромное количество взятых в плен половцев обращалось монголами в рабство.

Восточные рынки были наполнены рабами из различных побежденных монголами народов, и среди них одними из самых значительных количественно были половцы (кипчаки).

Арабский автор ал-Айни писал: «Взятые в плен из этих народов были отвезены в земли Сирийские и Египетские...» (Тизенгаузен, I, с. 503). Обычно в мусульманских странах они использовались в качестве домашних слуг — гулямов. Отважные и энергичные кипчакские воины в Египетском султанате стали гвардией султанов — мамлюками. В конце концов мамлюки захватили власть в султанате и поставили своих султанов из кипчакских знатных родов.

Два султана — Бейбарс и Калаун — происходили из славного в степях рода бурджоглы (Бурчевичей). Султанат был при них переполнен новоявленными эмирами — выходцами из мамлюков. Каждый из них предпочитал иметь в своей свите сородичей, и потому Египет был буквально забит кипчаками разных рангов и званий. Известно, например, что султан Калаун окружил себя 12 тыс. мамлюков и 1200 кипчакскими невольницами. Такой же 12-тысячной гвардией владел и его сын — ан-Насир. Помимо зависимых кипчаков (купленных на рынках рабов), в Египет хлынули из Дешт-и-Кипчака многочисленные родственники простых мамлюков, эмиров и даже самих султанов (Амин аль-Холи, с. 11—18).

Вся эта масса кипчаков, влившихся во все слои египетского общества, довольно быстро растворилась в нем. Некоторые следы их пребывания и относительной самостоятельности сохранились, в частности, в наименовании одного из каирских кварталов — Орду. Очевидно, прибывшие в город кипчаки какое-то время жили здесь отдельно от горожан — своей ордой, но и от этой самостоятельной группировки не сохранилось ничего, кроме названия ее местонахождения.

Мы уже говорили о трагической судьбе половецкой аристократии, пытавшейся всеми силами отстоять свои земли

и свою свободу. Уничтожение ее началось и было завершено уже после третьего похода монголов, в 40–50-х годах XIII в. Второй поход окончился значительно менее кровавыми событиями. Рашид-ад-Дин сообщает, что войска, вторгшиеся в Европу, получили задание захватить и привезти в ставки Менгу-хана и Тулуя «знаменитых кипчаков». Так, часть половецких удальцов попала в далекие монгольские степи и выстававшие там из становищ города.

В плен — в рабство на продажу и для себя (для исполнения домашних своих разнообразных работ) — брались те воины и их семьи, которые оказывали сопротивление или участвовали в борьбе того или иного феодала против монголов. Судьба их была, несомненно, тяжелой, но даже эти несчастные участвовали в общем процессе этногенеза («растворения» монголов в половецком этносе).

Следует сказать, что большое число половецких воинов, лишенных собственных половецких предводителей, перешло в войска монгольских военачальников. Последние, сохраняя своих воинов, охотно использовали кипчаков-половцев в особо трудных походах, всегда посылая их вперед — принимать первый, самый тяжелый удар противника. Очень много половецких сотен участвовало в завоевании Волжской Болгарии. По окончании этого похода и полного подавления сопротивления болгар, видимо, много половцев осталось в этой богатой стране на землях, частично освободившихся от местного населения, перебитого завоевателями или бежавшего на соседние территории. Половецкий (кипчакский) язык стал языком населения Волжской Болгарии в золотоордынское время и сохранился там и по сей день.

Однако основная масса половецкого этноса осталась на прежних своих кочевьях, правда, несколько потесненная из некоторых наиболее богатых областей, занятых собственно монголами. Это были прежде всего районы, в которых монгольские ханы начали активное строительство городов (наиболее застроенным оказалось Нижнее Поволжье). Половцы стали главным податным населением степи, только у них вместо своих половецких феодалов появились новые — монгольские (Федоров-Давыдов, 1973, с. 39–42). Следует сказать, что монголы старались, чтобы их новые поддан-

ные забыли бы о своих предках, об их воинских подвигах, потеряли бы «чувство родины». С этой целью монгольские правители произвели ряд очень значительных перемещений в восточноевропейских степях. Одни курени были переселены, как говорилось, в Волжскую Болгарию (на Среднюю Волгу и Нижнее Прикамье), другие — в степи Нижнего Поволжья. Там они получали кочевья в непосредственной близости от городов и принадлежали, очевидно, феодалам, дома и дворцы которых стояли в городах, где монгольская знать проводила холодное осеннее и зимнее время. Безусловно, какая-то часть половцев оседала и в городах, особенно в старых крымских городах-портах, с которыми они были связаны и до монголов. Характерно, что там продолжал быть самым распространенным «международным» языком половецкий, что подтверждается созданием там Половецкого словаря, первоначальное формирование которого началось, как мы пытались показать выше, несколько раньше (во второй половине XII в.).

Разорение всегда приводило кочевников к оседлости, поскольку для кочевки необходимы не только пастбища, но и определенное количество скота. Многие курени и айлы половцев, разграбленные во время монгольского нашествия, перешли, видимо, к полuosедлости и даже оседлости у берегов рек. Обычно население таких приречных поселков занималось перевозами через реки, рыбной ловлей. Интересно, что половцы, погребавшие своих родичей вместе с конями, теперь ограничивались одной уздечкой с удилами, а иногда бросали в могилу рыбу. Последнее, вероятно, было своеобразным символом занятия умершего при жизни и пожеланием иметь такой же улов и после смерти.

Путешествовавший по Восточной Европе Вильгельм Рубрук в середине XIII в. несколько раз повторил в своем сочинении-отчете, что в степях, по которым он проезжал, «до прихода татар обычно жили команы» (Рубрук, с. 90) или «она вся заселена была команами-капчат» (Рубрук, с. 108). Эти фразы как будто свидетельствуют о том, что население в степях этнически полностью сменилось. Однако тот же Рубрук сообщал нам об обычаях команов, о каменных статуях, которые они ставят в память своих умерших, об их могилах

и становищах. Из всего этого очевидно, что он много раз встречался с представителями этого этноса, причем установка статуй и сооружение святилищ говорят, видимо, о том, что в его время даже еще не вся половецкая знать была перерезана завоевателями. Что касается другого путешественника — Плано Карпини, то он прямо указывал, что по «стране куманов» протекают четыре реки: Днепр, Дон, Волга, Яик (Плано Карпини, с. 70). Более западных рек он не назвал, поскольку странствия его начались с Днепра. Итак, команы в степях, несмотря на разгром, оставались, видимо, в значительном количестве. Именно об этом свидетельствуют многочисленные упоминания Половецкой степи, или Дешт-и-Кипчак, восточными авторами, пишущими на протяжении всего XIV в. о Золотой Орде. Например, араб Ибн Баттута писал так: «Местность эта, в которой мы остановились, принадлежит к степи, известной под именем Дешт-и-Кипчак...» Или в другом отрывке: «Один из купцов, наших товарищей, отправился к тем в этой стране, которые принадлежат к народу, известному под именем Кипчаков, — они христианской веры...» (Тизенгаузен, I, с. 279). Таким образом, присутствие кипчаков было вполне реальным: не только сохранилось название местности, но и само население не потеряло имени сто лет спустя после завоевания. Интересно упоминание об их христианстве. Видимо, это были остатки тех половцев, которые крестились уже в период активной борьбы с завоевателями и заключения с этой целью союзнических отношений с русскими князьями.

Совершенно ясно, что из далеких монгольских степей — с берегов Керулена и Онона — пришло большое число монгольских воинов, причем многие из них шли со своими семьями и поэтому, победив половцев, потеснили их с лучших угодий и начали там кочевать сами. Однако нельзя говорить, что это было переселение всего народа. Основная масса монголов осталась на своих кочевьях. С поселившимися же в европейских степях монголами случилось то, что происходило с половцами-команами, растворившимися среди населения стран, в которые они откочевывали под давлением монголов. Монголы с первых же десятилетий своего пребывания в половецкой степи начали активно ассимилировать

ся в местной среде. К середине XIV в. этот процесс был фактически завершен, что прекрасно знали во всех связанных с Золотой Ордой государствах. Самый процесс и результаты его прекрасно — четко, лаконично и выразительно — отражены в сочинении арабского автора ал-Омари: «В древности это государство (имеется в виду Золотая Орда. — С. П.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто от одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их (кипчаков)» (Тизенгаузен, I, с. 235).

Так на старой этнической основе «замешивался» новый этнос, получивший, как это всегда бывает, новое этническое имя. Мы видели на примере половцев, что даже переселившиеся, т. е. полностью (или в значительной части) откочевавшие на новые места кочевники, втягивая в себя оставшееся в степях население, становились новым этническим образованием, получившим новое или видоизмененное название.

В ситуации же с монголами кипчаков-половцев было во много раз больше пришельцев, которые были просто «поглощены» завоеванным населением. Интересно, что в Европе наименование этого немного монголизированного половецкого (кипчакского) населения стало новым: во всех русских, латиноязычных, восточных источниках их именуют «татары». О происхождении этого наименования сохранился рассказ Рубрука, пользовавшегося информацией, собранной им по пути в Каракорум по всем становившим евразийских степей: «Чингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: “Вот идут Татары”. Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые Моалы (монголы. — С. П.) ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое...» (Рубрук, с. 116). Однако этого не случилось. Победенное, полууничтоженное Чингисханом племя татар, остатки воинов которого посылались к тому же во все самые тяже-

лые экспедиции, дало имя новому этносу. В нем не только самих татар, но и монголов, как мы говорили, было совсем немного. Тем не менее именно так, как будто всегда случайно, но вполне, по сути, закономерно, повторяясь в сотнях примеров, получали имена целые народы как в древности, так и в эпоху средневековья. Этническое имя народа «татары», как мы знаем, дожило до наших дней.

В заключение следует сказать, что монголы, принесшие в степи собственное социальное устройство, вынуждены были, однако, разделить восточноевропейские степи на улусы, в значительной степени учитывая этнополитическое разделение половцев, наметившееся, как мы видели, еще в XII в. Сразу после завоевания отчетливо выделились улусы Бату (Поволжье) и Берке (Северный Кавказ), соответствующие поволжским половцам — саксинам и предкавказскому объединению. Затем выделился в Приднестровье улус Ногая (западное половецкое объединение — команы). Землями приднепровцев овладел хан Токта, а донские степи составили улус Дешт-и-Кипчак.

Так в старых, привычных границах, прикрытые новым именем, возглавленные чужими феодалами, начали новую страницу своей истории кипчакские, половецкие и команские орды. Жизнь продолжалась.

Хронология

886—912 гг.	Царствование Льва VI Философа (виз.)
895 г.	Приход в Приднепровье печенегов, разгром Ателькузы
898 г.	Перекочевка венгров из Ателькузы в Паннонию
913—959 гг.	Царствование Константина VII Багрянородного (виз.)
915 г.	Первое появление печенегов у границ Руси и мир их с Игорем
919—944 гг.	Царствование Романа I Лекатена (виз.)
922 г.	Путешествие Ибн Фадлана на Волгу
944 г.	Поход Игоря на Византию с союзниками-печенегами
947—1000 гг.	Жизнь Ал-Мукадеси
955 г.	Умер Ал-Масуди
965 г.	Поход Святослава Игоревича на хазар
969 г.	Нападение печенегов на Киев и осада города
972 г.	Смерть Святослава Игоревича
980—1015 гг.	Княжение Владимира Святославича
985 г.	Поход Владимира на Волжскую Болгарию с союзниками-торками
993 г.	Битва русского и печенежского богатырей, победа русича и построение на месте битвы города Переяславля
996 г.	Осада Белогорода печенегами
1015—1054 гг.	Княжение Ярослава Мудрого

1036 г.	Победа Ярослава над печенегами, разгром печенежских орд
1050 (1051) гг.	Умер Ал-Бируни
1055 г.	Первое появление половцев у границ Руси (хан Блуш)
1060 г.	Разгром торков русскими князьями триумvirата
1061 г.	Первое нападение половцев на Русь (хан Сокал)
1067—1071 гг.	Царствование Романа IV Диогена (виз.)
1068 г.	Битва половцев с полками князей триумvirата. Разгром русичей
1078 г.	Олег Святославич (Гориславич) первый раз привел половцев на русские земли
1081—1118 гг.	Царствование Алексея Комнина (виз.)
1082 г.	Умер хан Осень (Асен)
1083—ок. 1155 гг.	Жизнь Анны Комниной
1086—1092 гг.	Византийско-печенежская война
1090—1167 гг.	Правление хана Боняка
1092 г.	Поход Боняка и Тугоркана в Византию для участия в войне византийцев с печенегами
1095 г.	Убийство Китана и Итларя
1096 г.	Разгром и смерть Тугоркана
1097 г.	Участие Боняка в битве русских князей на р. Вягре
1103 г.	Долобьский съезд
1103 г.	Первый поход русских князей на половцев (лукоморских)
1105 г.	Поход Боняка на Заруб
1107 г.	Поход Боняка на Переяславль
1107 г.	Поход Боняка и Шарукана на Посулье. Разгром половецких полков
1109 г.	Поход Дмитра Иворовича на «Дон» (Северский Донец)
1111 г.	Поход русских князей на «Дон», взятие городков Шаруканя и Сугрова

- 1113—1125 гг. Княжение Владимира Мономаха
- 1116 г. Поход молодых русских князей (княжичей) на Дон. Взятие городков Балина, Шаруканя и Сугрова
- 1117 г. Разгром половцами печенегов и торков у Белой Вежи на Дону. Переселение беловежцев на Русь
- 1117 г. Заключение мира между ханами Половецкой земли и князьями Всеволодом Киевским и Андреем Переяславским у Малотина
- 1118 г. Уход Атрака (Отрока) с ордой в Предкавказье и Грузию
- 1121 г. Изгнание с русских земель Владимиром Мономахом берендеев, торков и печенегов
- 1132 г. Умер князь Мстислав Владимирович Мономах
- 1146 г. Образование вассального Руси союза черных клобуков. Первое упоминание «диких половцев» и бродников
- 1154 г. Умер князь Изяслав Мстиславич
- 1160—1233 гг. Жизнь Ибн-ал-Асира
- 1168 г. Набег князей Олега и Ярослава на вежи Беглюка и Козла Сотановича
- 1170 г. Поход на приднепровских половцев русских князей под главенством Мстислава Изяславича
- 1172 г. Заключение мира между половецкими ханами и князьями Ростиславом и Глебом у Песочна
- 1172—1201 гг. Правление Кончака (даты даны по первому и последнему упоминанию в русской летописи)
- 1174 г. Поход Кончака и Кобяка на Переяславское княжество, поражение в битве с Игорем Святославичем
- 1179 г. Первый удачный грабительский набег Кончака на Посулье
- 1180 г. Участие Кончака и Кобяка в борьбе Ольговичей против Рюрика. Совместное бегство их с Игорем Святославичем после разгрома соединенных сил Ольговичей на р. Черторые
- 1183 г. Разгром половцев у Иван-Воиня и смерть Кобяка Карепьевича

- 1184 г. Поход Кончака на Русь с целью «пожеши огнем грады русские». Разгром его полков русскими
- 1185 г. Поход Игоря Святославича на Кончака. Разгром полков Игоря. Ответный поход Кончака и Гзака на Русь
- 1187 г. Большой поход русских князей на приднепровских половцев (до Голубого леса)
- 1187—1196 гг. Правление Асена I (болг.)
- 1190—1192 гг. Война Кунтувдея против своего сюзерена — киевского князя
- 1193 г. Неудачная попытка киевских князей-соправителей Святослава и Рюрика заключить мир с Лукоморцами и Бурчевичами
- 1202 г. Разгром князем Рюриком с половцами Галицкого княжества
- 1202—ок. 1240 г. Правление Котяна над ордами в южнорусских степях и Венгрии
- 1203—1283 гг. Жизнь Казвини
- 1207—1218 гг. Правление Борила (болг.)
- 1218—1241 гг. Правление Асена II (болг.)
- 1223 (24) г. Битва русских и половцев с монголами на Калке
- 1226—1283 гг. Жизнь Джужайни
- 1228 г. Новый разгром Галицкого княжества половцами, возглавленными Котяном
- 1228—1229 гг. Вторая волна монгольского нашествия
- 1235—1236 гг. Третья сокрушительная волна монгольского нашествия
- 1237 г. Перекочевка Котяна с ордой в Венгрию
- 1238—1264 г. Правление Даниила Галицкого
- 1246 г. Путешествие Плано Карпини
- 1247—1318 гг. Жизнь Рашид-ад-Дина
- 1255 г. Путешествие Вильгельма Рубрука
- 1279 г. Манифест венгерского короля Ладислава (Ласло) о правах и обязанностях куманов в королевстве
- 1304—1377 гг. Жизнь Ибн Баттуты

Литература

Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Сокр. пер. с араб. М., 1962.

Анчабадзе З. В., 1960. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик.

Арсланова Ф. Х., Чариков А. А., 1974. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. № 3.

Артамонов М. И., 1958. Саркел — Белая Вежа // МИА. № 62.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.

Арциховский А. В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.

Ахинжанов С. М., 1976. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.

Ахинжанов С. М., 1980. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.

Баскаков Н. А., 1985. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.

Бранденбург Н. Е., 1908. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб.

Васильевский В. Г., 1908. Византия и печенеги // Труды. Т. 1. СПб.

Голубовский П. В., 1883. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // Университетские известия, год 23. № 1. Киев.

Голубовский П. В., 1884. Об узах и торках // ЖМНП. Июль. Ч. 234.

Голубовский П. В., 1889. Половцы в Венгрии // Университетские известия, год 29. № 12. Киев.

Гордлевский В. А., 1947. Что такое «босый волк» // ИАН. Отд-ние лит. и яз. Т. 6, вып. 4.

Гордлевский В. А., 1960. Государство Сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. М.

Городцов В. А., 1905. Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Труды АС. Т. 1. М.

Егоров В. Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Златарски В., 1972. История на Българската държава през средните векове. Т. 2.

Корш Ф. Е., 1909. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности АН. Т. 8, кн. 4; Т. 9, кн. 1.

Кудряшов В. К., 1948. Половецкая степь. М.

Кузмичевский, 1887. Шолудивый Буняк в украинских народных сказаниях // Киевская старина. Т. 18–19.

Кумеков Б. Е., 1972. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата.

Липец Р. С., 1977. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М.

Липец Р. С., 1983. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М.

Лихачев Д. С., 1950. Повесть временных лет. Ч. 2. Приложения / Ст. и коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л.

Лордкипанидзе М. Д., 1974. История Грузии XI — начала XIII в. Тбилиси.

Малов С. Е., 1946. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия ОЛЯ АН СССР. Т. 5, вып. 2.

Мелиоранский П. М., 1902. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности АН. Т. 7, кн. 2. СПб.

Менгес К. Г., 1979. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.

Минаева Т. М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь.

Моргунов Ю. Ю., 1988. Древнерусские городища окрестностей летописного города Лохвицы // СА. № 2.

Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнева С. А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркеда — Белой Вежи // МИА. № 109.

Плетнева С. А., 1964. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. № 99.

Плетнева С. А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Е1–19. М.

Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Е4–2. М.

Плетнева С. А., 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.

Плетнева С. А., 1986. Хазары, М.

Расовский Д. А., 1927. У роли черных клобуков в истории Древней Руси // SK. I. Praga.

Расовский Д. А., 1929. К вопросу о происхождении Сойех Ситаш-сиз // SK. III. Praga.

Расовский Д. А., 1933. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. VI. Praga.

Расовский Д. А., 1935. Половцы // SK. УП-X. Praga.

Расовский Д. А., 1937. Тълковины // SK. VIII. Praga.

Русанова И. П., Тимошук Б. А., 1986. Збручское святилище (предварительное сообщение) // СА. № 4.

Рыбаков Б. А., 1950. Уличи. // КСИИМК. Т. 35.

Рыбаков Б. А., 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. Т. 43.

Рыбаков Б. А., 1963. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.

Рыбаков Б. А., 1971. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.

Рыбаков Б. А., 1972. Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М.

Спицын А. А., 1899. Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО. Т. 11, вып. 1–2.

Сумаруков Г. В., 1983. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М.

Токарев С. А., 1964. Ранние формы религии. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1969. Город и область Саксик в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Чариков А. А., 1979. О локальных особенностях каменных изваяния Прииртышья // СА. № 2.

- Анна Комнина: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
- Бруно: Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Л., 1936.
- Былины, I: Былины. Т. 1/Под ред. М. Сперанского. М., 1916.
- Житие...: Памятники русской литературы XII–XIII вв. СПб., 1872.
- Иакинф Бичурин. II: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950.
- Ибн Фадлан: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- КБЧ: Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. М., 1989.
- Низами: Пять поэм. Искандер-намэ/Пер. К. Липскерова. М., 1968.
- ПВЛ, I; Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950.
- Песнь о Роланде: Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос. М.; Л., 1964.
- Петахья: Марголин П. В. Три еврейских путешественника XI–XII вв. СПб., 1884.
- Плано Карпини: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- ПСРЛ, II: Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.
- Радзивилловская летопись: Фотомеханическое воспроизведение Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи. СПб., 1902.
- Рубрук. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Сказание...: Памятники старинной русской литературы. Т. 1. СПб., 1860.

Слово...: Слово о полку Игореве/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Тизенгаузен В. Г., I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Тизенгаузен В. Г., II. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из сочинений персидских авторов. М.; Л., 1941.

Codex Cumanicus: Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880.

Hudud-ad-Alam: Minorsky V. Hudud-ad-Alam. L., 1937.

Список сокращений

- ГИМ — Государственный Исторический Музей
- ЖМНП — Журнал Министерства Народного просвещения
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества
- ИАН — Известия Академии наук
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории
материальной культуры
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- Труды АС — Труды археологического съезда
- SK — Seminarium Kondakovianum

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Восточноевропейские степи на рубеже двух тысячелетий	12
Глава 2. Кимаки и кипчаки	31
Глава 3. «Обретение родины»	43
Глава 4. Союзы орд. «Великие князья».	52
Глава 5. Черные клобуки и «дикие половцы».	78
Глава 6. Орды в степях	106
Глава 7. Половцы у себя дома	122
Глава 8. Новые объединения. Хан Кончак	157
Глава 9. Нашествие. Последние шаги	184
Хронология.	203
Литература	207
Источники	210
Список сокращений	212

Плетнева С.
Половцы / Светлана Плетнева. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 216 с. —
П38 (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-069-7

Книга доктора исторических наук, специалиста по истории кочевников Светланы Плетневой посвящена одному из самых крупных средневековых народов — половцам. Этот народ, живший на гигантских пространствах от Дуная до Иртыша, заставлял считаться с собой и Византию, и Русь, и сопредельные восточноевропейские страны, однако монгольское нашествие прекратило его самостоятельное существование. Половцы рассеялись по Балканам, Руси, Закавказью и Венгрии, основная же их масса влилась в население Золотой Орды, внося вклад в формирование татар, киргизов, казахов, узбеков, башкир, крымских татар, некоторых других тюркоязычных народов. Светлана Плетнева рассматривает письменные и археологические источники, связанные с половцами, рассказывает об их мировоззрении и политической истории.

УДК 397.4
ББК 63.3(2)43

История. География. Этнография

Плетнева Светлана

Половцы

Редактор В. Генкин

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 15.07.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 2976

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119270 Москва, Лужнецкая набережная,

д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400

Тел. (495) 788-85-20

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685